

**Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Международный фонд
югославянских исследований и сотрудничества
"Славянская летопись"**

**НАЦИОНАЛИЗМ
и
ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ**

Теории – модели – концепции

*Ответственный редактор
А. И. Миллер*

**Москва
1994**

Сборник подготовлен при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Сборник посвящен анализу наиболее значительных теоретических исследований национализма, опубликованных за рубежом в 1970–1990-е годы.

ISBN 5–900–698–23–8

© Составление и издание А. И. Миллер

© Коллектив авторов

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (Предварительные итоги)

В 1978 г. Август Винклер не без оснований сетовал на то, что проблеме национализма общественные науки уделяют недостаточно внимания¹. В 1993 г. Катрин Вердери совершенно справедливо заметила: "В течение 1980-х и 1990-х научная индустрия, построенная вокруг концепций нации и национализма, стала столь обширной и междисциплинарной, что этот фокус исследований можно считать приоритетным по сравнению с остальными"². Весьма показательно, что в начале 1990-х стало появляться все больше работ, авторы которых ставят своей задачей так или иначе систематизировать это море публикаций о национализме последнего десятилетия³. Следовательно, мы присутствуем при подведении некоторых предварительных итогов того этапа исследований национализма, для которого было характерно преимущественное внимание к теоретическому осмыслению феномена.

Предлагаемый читателю сборник знакомит с наиболее, по нашему мнению, важными, хотя не всегда наиболее известными, теоретическими работами о национализме. Оговоримся, что наше мнение не лишено некоторой пристрастности, поскольку коллектив авторов сборника в подавляющем большинстве состоит из историков, занимающихся Центральной и Восточной Европой в Новое время. Отсюда и преимущественное внимание к европейским сюжетам, а с другой стороны, определенная маргинализация проблемы современного национализма.

Заметный в этом сборнике акцент на реферативность связан с тем, что рассматриваемый в нем этап изучения национализма проходил, если так можно выразиться, без нас. Единственная из представленных в этом сборнике книг – "Нации и национализм" Э. Геллнера – была переведена на русский совсем недавно, в 1991 г. Вплоть до конца 80-х тема эта была табуирована в советской науке. Само лексическое поле, в котором могла бы идти дискуссия о

национализме, было оккупировано и деформировано идеологией настолько, что на русский было трудно переводить западные тексты по национальной проблематике. Механизм такой оккупации описал в свое время М. Эпштейн⁴. Он показал, как создаются парные понятия, описывающие одни и те же явления, но имеющие неотъемлемый антонимичный оценочный оттенок, например "миролюбие-примиренчество". В интересующей нас сфере в результате индоктринации языка была создана устойчивая конструкция, которая жестко навязывала оценочный элемент именно за счет фиксации таких оппозиций:

патриотизм — национализм
интернационализм — космополитизм .

Как следствие тексты по национальной проблематике пестрели самыми разнообразными эвфемизмами, которые, однако, даже в начале 1990-х не всегда позволяли авторам избежать обвинений, например, в "научном обосновании национализма"(!) со стороны особенно бдительных ревнителей идейной чистоты⁵, обвинений, которые лишь несколько лет как выглядят просто глупыми, в то время как раньше они были еще и далеко небезопасными⁶.

Следует, однако, признать, что, пусть и в существенно иных формах, но проблема психологической и идеологической нейтральности терминологии присуща не только советской языковой среде, хотя нигде более она не стояла так обнаженно. Националистический дискурс является сегодня доминирующим практически во всем мире. Вряд ли этот тезис нуждается в развернутом обосновании. Достаточно заметить, что мир наш мы представляем в политическом отношении состоящим из национальных государств, и говоря об "обществе", мы имеем ввиду совокупность граждан определенного государства, источником политической легитимности в нашем мире считается общенациональное голосование, а главная всемирная организация называется Организацией объединенных наций, и ряд этих примеров можно множить до бесконечности. Если вслед за автором термина М. Фуко понимать дискурс как обладающий внутренним единством способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не

только вербальных, практиках, как способ не только отражения мира, но и его проектирования и со-творения, то мы должны будем признать, что и ученые, будучи частью общества, являются участниками этого дискурса вне зависимости от того, относятся ли они к проблеме национализма с пиететом или с безграничным скептицизмом. Иначе говоря, вовсе не обязательно быть убежденным националистом, и тем более шовинистом, чтобы находиться "внутри" этого дискурса. Если взять в качестве примера авторов тех работ, которые анализируются в данной книге, то ни один из них не стоит "над" дискурсом или "вне" его, будь то Б. Андерсон и М. Грох, склонные больше подчеркивать конструктивные функции национализма, или Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и Л. Колли, в зависимости от личного темперамента выражающие свое отношение к национализму филиппиками или едкой иронией. В России 90-х годов мы сами стали свидетелями, а точнее будет сказать участниками, процесса утверждения в обществе националистического дискурса, процесса тем более наглядного, что поначалу, в конце 80-х, предпринимались попытки противостоять ему "чистую" либерально-демократическую альтернативу.

Признание факта доминанции националистического дискурса имеет ряд важных последствий.

Участвует ли национализм в сотворении современного общества или же является лишь следствием его возникновения? Этот вопрос, принадлежащий к числу ключевых для многих исследователей национализма, получает однозначный ответ, вытекающий из самого определения дискурса.

Во-вторых, этот подход позволяет иначе взглянуть на проблему терминологии, в том числе на мучительную проблему определения таких базовых понятий, как нация. Любая попытка дать "положительное" определение через описание необходимых и достаточных черт неизбежно оказывается неудовлетворительной уже потому, что нация есть понятие современного политического дискурса, а следовательно любое определение такого рода не может быть политически нейтральным. Например, уже сам факт определения нами той или иной общности, не обладающей государственным суверенитетом, как нации предполагает,

по крайней мере в скрытой форме, признание несправедливости этого положения.

С этой точки зрения более перспективным предстает решение, предложенное К. Вердери. Она говорит о нации как о "базовом операторе в системе социальной классификации". Как элемент такой системы нация является "аспектом политического и символично-идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувствования"⁷. Иными словами, нация понимается Вердери как символ, пробуждающий целый спектр эмоций, сформированных за долгое время его употребления, и неоднозначный, как и всякий символ. Это отнюдь не значит, что за этим символом не стоит никакой реальности, уже хотя бы потому, что его использование творит реальность. С другой стороны, возможности различных интерпретаций этого символа заинтересованными силами также не безграничны, а во многом определены той реальностью, с которой приходится иметь дело. Следовательно, правомерно задать вопрос, как и при каких обстоятельствах тот или иной аспект реальности влияет на формирование и использование символа нации.

Национализм, в этом случае, может быть определен как "политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, которые заставляют людей реагировать на использование этого символа"⁸. Следовательно, национализм не должен пониматься как социальный актер, и вопросы о том, плох он или хорош, совместим с демократическими ценностями или нет, становятся некорректными. "Нам следует спрашивать: каков глобальный, общественный и институциональный контекст, в котором различные группы борются за контроль над этим символом и его значениями? Каковы программы этих различных групп? Каковы общественные условия, которые способствуют победе той или иной группы или программы?"⁹ Иначе говоря, национализм предстает в этой трактовке как оболочка для различных психологических и идеологических конструкций, которые облачаются в эту оболочку постольку, поскольку она оказывается самым эффективным средством их адаптации для массового сознания.

Нельзя сказать, чтобы этот подход, наиболее полно сформулированный К. Вердери, и поддержанный рядом других авторов¹⁰, совершенно не имел корней в предшествующей литературе. Собственно, Вердери заново и иначе ставит проблему национализма и массовых коммуникаций, впервые обозначенную еще в 50-е годы К. Дойчем¹¹. Из рассматриваемых в этой книге авторов более всего она занимает Б. Андерсона. Однако в таком развернутом и от-рефлектированном виде, с использованием категории дискурса, эта концепция впервые предложена именно сейчас, будучи, как представляется, одним из важнейших симптомов завершения определенного этапа в теоретической разработке проблемы национализма и начала нового, предлагающего существенно иные подходы и исследовательские приоритеты. Определенный аспект такой смены оптики отражает перечень вопросов, которые К. Вердери предложила как первоочередные в рамках сформулированного ею подхода. Какова природа самой концепции идентичности, в том числе национальной идентичности, на личном и коллективном уровне? Как внедряется в человеческое сознание идея национальной принадлежности? Каким образом символизируется нация? В каком отношении стоит понятие нации к другим социальным операторам, то есть как соотносятся понятия расы, этничности, локальной общности и национальности? Как разрушение (размывание) национальных государств влияет на жизнеспособность и эффективность символа нации в современной политике? Как представляется, есть определенные основания для того, чтобы развить этот последний вопрос, а именно: не присутствуем ли мы, как бы невероятно это ни звучало сегодня в России, при начале заката националистического дискурса, хотя бы уже потому, что сегодня мы в состоянии поставить задачу анализа самого дискурса, решение которой и открывает возможность выхода за его рамки.

С точки зрения концепции дискурсивной природы национализма полезно подойти к проблеме, которая, будучи лишь недавно четко сформулирована Дж. Холлом¹², неизменно присутствовала, часто имплицитно, в большинстве теоретических работ на эту тему. Речь о единстве и множественности национализма как феномена. Иначе говоря,

имеем ли мы дело с преломлениями общего принципа, проявлениями некой единой силы, разнообразными постольку, поскольку различаются конкретные условия, или же речь идет о различных силах и идейных комплексах, облекаемых в более или менее общую, часто заимствованную форму. Различные подходы к этой проблеме отражаются, например, в принципах построения периодизаций. Одни авторы предпочитают говорить о "волнах" национализма, о "часовых поясах", в которых этот принцип проявляется по-разному, предполагая, тем самым, возможность и необходимость построения единой модели национализма, как это попытался сделать Э. Геллнер. Другие, как Дж. Холл, в согласии с дискурсивной концепцией считают "единую, универсальную теорию национализма невозможной"¹³, а потому склонны предлагать лишь "внутреннюю" периодизацию развития отдельных типов национализма.

В последнем случае центральной становится проблема типологии¹⁴. Это весьма сложная и еще далекая от своего полного решения задача, однозначно неподсильная одному автору. Достаточно сказать, что в одном только европейском культурном ареале исследователи довольно единодушно выделяют по крайней мере шесть самостоятельных типов: национализм развитых стран атлантического побережья; интеграционный тип Италии и Германии; "культурный" национализм Центральной и Восточной Европы, который, в свою очередь следует разделить на национализм этносов с полными и неполными социальными структурами; национализм господствующих народов континентальных империй (русских, турок, отчасти венгров); "креольский" национализм Латинской Америки. Очевидно, что и этот перечень неполон, особенно если учесть существование разнообразных комбинаций черт, присущих разным типам. Например, целый ряд национализмов Центральной и Восточной Европы (хорваты, румыны, украинцы, на несколько ином уровне и поляки) имели ярко выраженные черты интеграционного типа.

Смещение в начале 90-х годов внимания от национализма "вообще" в сторону конкретно-исторических исследований, авторы которых часто ставят себе задачей проверку той или иной модели, кажется мне одним из важных

симптомов смены этапов в развитии исследований национализма. Это неизбежно приведет к поиску и разработке новых, в первую очередь массовых источников, что уже сегодня делают, например, австрийские ученые в группе под руководством А. Морича¹⁵. Другим предсказуемым следствием этих перемен станет активное изучение истории построения и воспроизводства отдельных националистических дискурсов.

Это, однако, вовсе не должно вести к совершенной фрагментации исследований национализма. Националистический дискурс как глобальный феномен наверняка останется одной из приоритетных тем, и многое в этой области уже сделано. Так, в литературе уже утвердилось согласие относительно нововременного¹⁶ характера национализма, формирование этого дискурса при частных различиях подавляющим большинством авторов датируется второй половиной XVIII века. Довольно подробно описано в литературе влияние различных факторов и сил на формирование национализма: роль индустриального развития (Э. Геллнер, М. Грох), абсолютистского государства (М. Манн), печатного капитализма (Б. Андерсон), стандартизированной системы образования (Э. Геллнер), интеллектуальных элит (М. Грох, Э. Хобсбаум). Сегодня мы можем уверенно поставить в ряд этих факторов и этничность, поскольку следующий тезис К. Калхуна немногие возьмутся всерьез оспаривать: "Хотя совершенно разделить национализм и этничность невозможно, равно невозможно объяснить национализм как простое продолжение этничности"¹⁷. До сих пор многие авторы, разрабатывавшие проблему влияния того или иного отдельного фактора, неизбежно были склонны если не абсолютизировать, то во всяком случае преувеличивать его роль. Огромный резерв скрыт здесь в сфере сравнительного изучения различных вариантов национализма и пропорционального значения в их развитии различных факторов.

Еще один важный аспект проблемы, который может быть осмыслен только в глобальном контексте, это взаимовлияние различных типов национализма и механизм имитации, играющий весьма важную роль в построении отдельных националистических дискурсов. В этой связи

неизбежен выход за рамки весьма распространенного тезиса об идейной нищете национализма, и увеличение в литературе о национализме удельного веса исследований общественной мысли в самом широком значении этого понятия.

Сегодня, когда внеученные обстоятельства, блокировавшие возможность нормального изучения национализма в России, перестали существовать, нет резона, чтобы и новый этап развития этих исследований прошел без полноценного участия российских ученых. Следует при этом иметь ввиду, что смена исследовательской парадигмы, некоторые симптомы которой я попытался описать, происходит на основе важных достижений предыдущего этапа. Отсюда и главная задача нашего сборника – помочь заинтересованному читателю сориентироваться в богатой литературе по национализму, увидевшей свет в последние два десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Winkler H. A. Vorwort. In: Winkler H. A. (Hrsg) Nationalismus. Köln, 1978.
2. Verdery K. Whither "Nation" and "Nationalism"? // *Daedalus*. Summer 1993. P. 37.
3. Smith A. Nationalism and the Historians // *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. XXXIII. N. 1–2. 1992; Hall J. A. Nationalisms: Classified and Explained // *Daedalus*. Summer 1993; Calhoun C. Nationalism and Ethnicity // *Annual Review of Sociology*. 19.1993.
4. Эпштейн М. Способы воздействия идеологического высказывания. В кн.: *Образ человека XX века*. М., ИНИОН, 1988.
5. См., например: Перепелкин Л., Шкаратан О. Экономическая модернизация и национальное возрождение (*Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 89), где авторам приходится защищаться от подобных обвинений.
6. Сказанное вовсе не означает, что в советской науке не было заслуживающих внимания исследований, особенно по проблеме формирования наций. Например, целый ряд важных работ на эту тему был опубликован в 70-е годы в Институте славяноведения и балканистики. См. обзор этих публикаций в статье В. И. Фрейдзона "Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970–1980-е гг. (Историографические заметки) в книге "Нации и национальный вопрос" (М., 1991). Однако обсуждение теоретических аспектов этой проблемы было настолько несвободно, что даже в начале 90-х автор упомянутой статьи предпочитает вообще не употреблять в ней слова национализм.

7. Verdery K. Whither "Nation" and "Nationalism"? P. 37.
8. Ibid. P. 38.
9. Ibid. P. 39.
10. См., например: Calhoun C. Nationalism and Ethnicity...
11. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass., 1953.
12. Hall J. A. Nationalisms: Classified and Explained.
13. Ibid. P. 1.
14. Не случайно из рассмотренных в книге авторов более всего внимания уделяет ей Б. Андерсон.
15. См.: Moricsch A. (Hrsg.) Vom Ethnos zur Nationalität. Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Wien. München. 1991. Я благодарен О. Павленко за информацию об этих исследованиях.
16. При всей своей неуклюжести этот перевод английских понятий "modernity", "modern" кажется мне удачнее, чем калька "современность".
17. Calhoun C. Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. 19. 1993. P. 232. О соотношении модернистских и примордиалистских концепций нации см. также В. Коротева. "Воображенные", "изобретенные" и "сконструированные" нации: метафора в науке // Этнологическое обозрение. № 3. М., 1993.

А. МИЛЛЕР

ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛИЗМА ЭРНЕСТА ГЕЛЛНЕРА И ЕЕ МЕСТО В ЛИТЕРАТУРЕ ВОПРОСА

Книга "Нации и национализм" стала не только самым известным из многочисленных сочинений английского социолога и антрополога Эрнеста Геллнера, но и самой, пожалуй, заметной работой среди бесчисленного количества публикаций о национализме, появившихся в восьмидесятые годы. (Со времени своего выхода в свет в 1983 году она выдержала 6 изданий.) Не случайно книга Геллнера – единственная из рассматриваемых в этом сборнике – переведена на русский¹. С одной стороны, это освобождает нас от необходимости подробного ее изложения. С другой – заставляет уделить концепции Геллнера особое внимание, поскольку без его работ невозможно восстановить общую логику развития теоретической мысли о национализме за последние полтора десятилетия. А еще потому, что весьма влиятельная во всем мире, книга Геллнера ввиду уже упомянутых обстоятельств занимает в российском интеллектуальном ландшафте едва ли не монопольную позицию.

В этой статье меня будут интересовать по преимуществу вопросы, касающиеся места Э. Геллнера в традиции теоретического писания о национализме. Иными словами – в чем корни несомненного успеха его книги, в каком отношении стоит Геллнер к предшествовавшей литературе о национализме, какова его роль в том похожем на цепную реакцию умножении публикаций о национализме, которое мы наблюдаем с начала восьмидесятых. Главное же – попытка разобраться, насколько основательны претензии Геллнера на универсальность его модели. А говорит он о них вполне определенно: "В течение двух столетий, следовавших за Французской революцией, национальные государства стали нормой политической жизни. Как и почему это произошло? Для ответа на этот вопрос я предлагаю теоретическую модель, основанную на правдоподобных и в некотором смысле бесспорных обобщениях, кото-

рые вкупе с известными нам данными об изменениях, происходивших в обществе в XIX в., вполне объясняют это явление. Соответствующий эмпирический материал укладывается в данную модель практически полностью... Если это в самом деле удастся сделать, то проблема национализма, в отличие от большинства других крупных проблем, связанных с историческими изменениями в обществе, получит исчерпывающее решение... В данном случае речь идет именно об убедительном и неоспоримом объяснении национализма"². Все эти вопросы я предполагаю рассмотреть с точки зрения историка, по преимуществу историка Центральной и Восточной Европы, что в данном случае правомерно постольку, поскольку в своих работах о национализме Геллнер уделяет этим регионам особое внимание³.

Но прежде необходимо все же изложить основные положения концепции Геллнера, тем более, что она развивалась и уточнялась им в ряде работ, опубликованных уже после выхода его книги. Одна из них – "Пришествие национализма. Мифы нации и класса" – напечатана по-русски в журнале "Путь" и в силу малого тиража этого издания не столь известна, как "Нации и национализм".

Геллнер исходит из того, что национализм и нации как таковые суть явления, присущие только тому периоду истории, который в западной литературе принято называть "modern" или современным. В основе его модели лежит оппозиция аграрного или агро-письменного общества и общества индустриального, описанию которых он посвящает специальные главы своей книги. (Важно отметить, что эти понятия отнюдь не синонимичны привычным терминам "феодализм" и "капитализм"⁴.) Этим типам общества присущи принципиально различные типы культур, выполняющие разные роли.

Для агро-письменного общества характерна культурная неоднородность, наличие постоянного "напряжения" между высокой культурой, передаваемой в процессе формального образования, зафиксированной в текстах и постулирующей некие социально трансцендентные нормы, и, с другой стороны, одной или несколькими низкими культурами, которые не заданы в отчужденной письменной форме, существуют лишь в самом течении жизни и, следова-

тельно, не могут подняться выше нее, здесь и теперь происходящей"⁵. Агро-письменное общество "постоянно генерирует внутри себя культурные различия", оформляя таким образом различия сословные, кастовые или корпоративные. В результате между культурой, с одной стороны, и политической легитимностью и границами государств с другой "нет почти никакой связи"⁶. В аграрном обществе политические единицы как правило "оказываются либо более узкими, либо более широкими, чем единицы культурные"⁷.

Императивы индустриального способа производства в корне меняют роль культуры. Сложное и постоянно меняющееся разделение труда делает "настойчивую необходимость смены занятий неотъемлемой чертой социального строя"⁸. Именно в этом сложном и бесконечно изменчивом разделении труда видит Геллнер "корни национализма". Система образования в индустриальном обществе принципиально отлична от прежней. "Это типовое обучение, никак не связанное с высокоспециализированной профессиональной деятельностью индивида и предшествующее ей. Индустриальное общество может быть по большинству критериев самым высокоспециализированным из когда-либо существовавших обществ, но его образовательная система, бесспорно, наименее специализированная, наиболее унифицированная из всех"⁹. Сам метод коммуникации в индустриальном обществе ("стремительный обмен сообщениями между анонимными, далеко друг от друга отстоящими собеседниками") "уничтожает контекст"¹⁰. В результате "впервые в истории человечества высокая культура становится всеобъемлющей: она операционализируется и охватывает общество в целом". "Пронизанность единой стандартизированной высокой культурой" становится условием эффективного функционирования индустриального общества. Это, по мнению Геллнера, и создает главную предпосылку для распространения национализма. Для своего воспроизводства такая культура нуждается в поддержке государства, поскольку никто иной не может покрыть расходов на содержание "гигантской, дорогостоящей стандартизированной системы образования"¹¹. Одной из главных задач государства становится культурная гомо-

генизация общества. У государства в новых условиях есть два оправдания или источника легитимации – обеспечение устойчивого экономического роста, а также охрана и развитие культуры, характерной для данного общества. С другой стороны, "всякая стандартизированная культура стремится обрести свое государство"¹².

Такова, в сущности, исходная модель Геллнера. Заметим, что мнение автора о ее самоочевидности не разделяют многие исследователи.

Во-первых, стоит обратить внимание на некоторую неясность, вытекающую из только что цитированных тезисов. Откуда возникают "стандартизированные высокие культуры", стремящиеся обрести свое собственное государство? Как они формируются в рамках "несвоих" (дабы не сказать чужих) государств? Есть ли в доиндустриальном обществе какие-либо силы и структуры, приготавливающие процесс формирования современных наций? Всякому историку нового времени, занимающемуся европейской периферией, ясно значение этих вопросов, которые обошел своим вниманием Геллнер, но которые весьма интересуют, например, Мирослава Гроха.

В своем описании агро-письменного общества Геллнер, и это не случайно, избегает употребления термина "этничность" и его производных. Развернутым комментарием к этому замечанию может послужить читателю помещенная в данном сборнике статья о работах Э. Смита, который не оспаривает сам тезис о нововременной локализации национализма, но подчеркивает качественно более высокую степень преемственности между этничностью в домодернизированном обществе и современным национализмом.

Наконец, очевидно, что и К. Дойч, автор книги "Национализм и социальные коммуникации", которая послужила Геллнеру, хоть он и не признается, отправной точкой многих его рассуждений, и Б. Андерсон, опубликовавший свою книгу о национализме одновременно с Геллнером, отнюдь не склонны приписывать стандартизированной образовательной системе столь исключительную роль, хотя они и разделяют с Геллнером мнение о решающей роли культуры в развитии национализма¹³.

Существует, между тем, и целая группа весьма авторитетных теоретиков, склонных связывать генезис национализма, а точнее сказать – определенной его разновидности, прежде всего не с эволюцией культуры, и даже не с индустриализмом, а с проблемой властных отношений. Внимание Ч. Тилли, Э. Гидденса, М. Манна обращено в их последних работах на опыт Британии и Франции восемнадцатого века, который концепцией Геллнера не объясняется¹⁴. Эти исследования показывают, как соперничество, в первую очередь военное, между династическими государствами и стремление властей максимально мобилизовать необходимые для этого ресурсы подталкивали монархические режимы к целому ряду экономических и административных мер, которые формировали современное государство. Иными словами, "войны создавали государства в не меньшей степени, чем государства создавали войны"¹⁵. Одновременно эти меры резко ускоряли процесс формирования гражданского общества и создавали поле его интенсивного взаимодействия с властью, что способствовало впоследствии формированию прежде всего политической, а не этнической концепции нации. Таким образом, ранняя стадия развития национализма в Западной Европе связывается в первую очередь с проблемой централизации власти, установления прямого правления и эффективного административного контроля задолго – по крайней мере в Англии – до наступления индустриальной революции. Процесс взаимодействия власти и гражданского общества в ходе решения этих проблем особенно подробно рассматривает на британском примере Линда Колли¹⁶.

Вернемся к работам Геллнера. На базе разработанной им модели он предлагает теорию, которая должна описать, как происходит переход от "мира империй, построенных не по этническому принципу, и микро-политических образований" к "миру государств, гомогенных в национальном отношении"¹⁷. В основе ее лежит схема, которая изначально была предложена Геллнером как периодизация национализма в Восточной и Центральной Европе¹⁸. Она включает пять стадий.

Первая – династическо-религиозная, нашла наиболее яркое выражение на Венском конгрессе 1815 года, когда

Европа была "приведена в порядок" в соответствии с принципами, совершенно игнорировавшими национальную идею, что не вызвало в тот момент сколько-нибудь серьезного протеста.

Вторая стадия – националистического ирредентизма – наступает вскоре после Венского триумфа первой. Геллнер высказывает предположение, что ее начало можно датировать по греческому восстанию 1821 г. Конец этой стадии был положен первой мировой войной. Переход от первой стадии ко второй был, по Геллнеру, следствием социальных изменений, которые происходят в связи с индустриализмом или (знаменательная оговорка!) "даже появлением тени индустриализма".

Третья стадия – триумф и поражение национал-ирредентизма – датируется 1918 и 1939 годами. Триумф состоял в том, что на месте распавшихся империй возникли более мелкие государства, претендовавшие быть национальными и легитимировавшие себя через национальный принцип. Острота возникшей в этих государствах проблемы национальных меньшинств обернулась поражением национализма, поскольку новые государства "наследовали все слабые места прежней системы, но одновременно приобрели ряд новых". Геллнер при этом подчеркивает непрочность новых национальных государств, в качестве аргумента напоминая, сколь слабым было их (как государств) сопротивление гитлеровской и сталинской агрессии¹⁹.

Стадия четвертая названа Геллнером в напоминание о нацистских практиках геноцида термином, которым сами нацисты обозначали такие операции, *Nacht und Nebel* (ночь и туман). Не ассимиляция, но массовое уничтожение и этнические чистки становятся повсеместно распространенным средством обеспечения соответствия территориально-политических и этнических границ в 1940–1948 годах.

Пятая стадия, относительно которой Геллнер делает оговорку, что она представляет собой смесь реальности и его благих пожеланий, характеризуется снижением накала, хотя и не исчезновением национализма, в связи с возросшим благосостоянием, культурной конвергенцией и на-

сущением общества результатами националистической политики.

Геллнер оговаривается, что предложенная им схема в разных регионах или "часовых поясах" Европы срабатывала по-разному. Но и собственно для Центральной и Восточной Европы она, как представляется, не вполне точна. Первая стадия схемы, например, явно не согласуется с историей польского шляхетского национализма. Во-вторых, ирредентизм вряд ли можно считать удачным термином для описания любого национализма в Восточной Европе или, скажем, чешского и словацкого национализма в Европе Центральной на протяжении практически всего XIX в. (Чешский пример подробно рассмотрен в работах И. Кожалки, которым посвящена специальная статья сборника.) Вообще помещение целого столетия от 1821 до 1914 года в одну (вторую) стадию является очевидной слабостью схемы. В этой стадии "теряется" сам момент прихода индустриализма или его "тени" во многие области региона, а с ним и проблема изменения социальной структуры общества и роли различных его классов, слоев и групп в развитии национализма. Геллнер упоминает в своих рассуждениях лишь крестьянство, в том числе на стадии его миграции в город, и интеллигенцию. Категория класса появляется у Геллнера в связи с весьма важным для его концепции и, одновременно, весьма спорным тезисом. Выясняя, в каких ситуациях потенциальный национализм срабатывает, а случается это по справедливому замечанию Геллнера не всегда и даже не в большинстве случаев, он пишет: "Этнические группы не были националистическими, когда государства складывались в сравнительно стабильных аграрных системах. Угнетенные и эксплуатируемые классы не изменяли политическую систему, если они не могли определить себя "этнически". Только когда нация стала классом, заметной и неравномерно распределяющейся категорией в других отношениях мобильной системы, она стала политически сознательной и активной. Только когда классу удастся в той или иной степени стать нацией, он превращается из "класса в себе" в "класс для себя" или "нацию для себя". Ни нации, ни классы не являются политическими катализаторами, ими являются

лишь "нации-классы" или "классы-нации"²⁰. Развивая этот тезис, Геллнер вводит различие между "ранним" и "поздним" национализмом, первый из которых порождается в основном проблемами коммуникации, а второй ограничением социальной мобильности, вызванным некомуникативными проблемами²¹. Аргумент Геллнера, конечно, не столь чудовищен, как могло бы показаться ортодоксальному марксисту: необходимость культурной эмансипации весьма важна для формирования "класса для себя". Но высказанный в такой форме, он заставляет прислушаться к замечанию Дж. Холла, которое не раз приходит на ум при чтении работ Геллнера. Холл полагает, что Геллнер подвергает теоретическому осмыслению прежде всего свой собственный экзистенциальный опыт, приобретенный в 50–60-е гг., когда он часто бывал в Северной Африке²².

Общий недостаток периодизации Геллнера заключается в том, что основана она, как нетрудно заметить, на сугубо политическом критерии, в то время как собственно генезис национализма объясняется Геллнером в социокультурных и социальноэкономических категориях.

Другой недостаток периодизации, на мой взгляд, в том, что она не учитывает проблемы внешнего воздействия на происходившие в регионе процессы. 1918 г. вернее было бы назвать триумфом не ирредентизма, а вильсоновских тезисов. По крайней мере два государства – Чехословакия и Югославия – вполне добровольно формируются не как мононациональные. Одной из главных линий раскола польской политической элиты был также вопрос о том, следует ли ориентироваться в построении государства на мононациональную или федеративную полиэтническую модель.

Также и явления, характерные для четвертой стадии, вряд ли целиком вытекают из внутренней логики развития национализма в регионе. Геноцид возникал либо в условиях краха политики в результате войны и/или революции, и уже конец второго десятилетия нашего века дает тому ряд примеров, либо как практика качественно новых тоталитарных режимов. Он вовсе не является логическим следствием развития межвоенных центральноевропейских государств, сколь бы конфликтным оно ни было.

Обратимся теперь к тем выделенным Геллнером в Ев-

ропе четырьмя "часовыми поясами", в которых описанный им механизм срабатывал по-разному. В первый пояс Геллнер включает крепкие династические государства атлантического побережья – Францию, Англию, Испанию, Португалию, политические границы которых охватывали относительно однородные в культурном отношении области. Насажде-ние высокой централизованной культуры связано здесь с подавлением местных диалектных различий в крестьян-ской культуре, и проходит относительно "легко, без осо-рых конфликтов и труда"²³.

Во вторую зону Геллнер включает итальянские и немец-кие земли, где высокие культуры были озабочены "созда-нием единой политической крыши на всей территории, где они уже доминировали"²⁴. Здесь проблемы политического объединения отодвигали на второй план задачу, которая была центральной для первой зоны (цивилизовать кре-стьянство), а главные роли в процессе отводили полити-ческим и военным лидерам.

В третью зону попадает Центральная и Юго-Восточная Европа, где одновременно решается проблема создания высокой культуры и обретения собственного государст-ва. Геллнер полагает, что различие между "историчес-кими" и "неисторическими" нациями этого региона "не столь принципиально, как это принято считать"²⁵. Главная, с его точки зрения, особенность такого варианта развития состоит в ключевой роли "активистов-пропагандистов-просветителей", "выдумывающих" национальную культуру и действующих без поддержки государства.

Четвертый часовой пояс – территория бывшего СССР, где восстановление империи на новых, советских основа-ниях, прервало и существенно изменило процесс, в основ-ном совпадавший до 1918 г. с третьей зоной. Геллнер де-лает оговорку, что "обширная зона между Балтикой, Адриа-тикой и Черным морем, принадлежавшая в период между мировыми войнами третьему поясу, была затем силой присоединена к четвертому"²⁶. Тезис весьма сомнитель-ный, поскольку из него вытекает, что Геллнер не видит принципиальных различий между положением бывших совет-ских республик и стран так называемой народной демо-кратии.

Это, конечно, не единственное спорное место схемы. Например, Польша и Хорватия, в отношении последней обратим внимание читателя на статью С. Романенко в этом сборнике, демонстрировали ряд черт, характерных для второго пояса. Очевидно также, что полякам не нужно было в XIX в. заниматься "изобретением" стандартизированной культуры.

Тип развития, характерный для третьего пояса, Геллнер с блестящим юмором и образностью описывает в своей книге в притче о руританцах и мегаломанцах²⁷. Бросается, однако, в глаза, что описание это подходит лишь "неисторическим" нациям с неполной социальной структурой, так что притча сама служит веским аргументом против мнения ее автора о непринципиальности различия между "историческими" и "неисторическими" нациями этой зоны. Недооценка этого различия сказалась и на уже отмеченных недостатках предложенной Геллнером периодизации процесса развития национализма в Центральной и Восточной Европе.

Сам принцип такого зонально-хронологического деления Европы по типам национализма не нов. Ближе всего схема Геллнера стоит к концепции Т. Шидера, писавшего о трех этапах формирования в Европе национальных государств, два из которых совпадают с первым и вторым "часовыми поясами" Геллнера, а третий этап включает остальные два "часовых пояса". Уже тогда, между прочим, Шидер подчеркивал, что в случае Англии и Франции XVIII в. культурная и языковая общность не имела решающего значения²⁸. Сам Геллнер ссылается на статью Дж. Пламенаца "Два типа национализма"²⁹, которая, в свою очередь, восходит к модели Х. Кона. Концепцию последнего, представленную в работах 50–60-х годов³⁰, при всех ее недостатках, стоит изложить подробнее, поскольку некоторые идеи Кона оказали заметное влияние на различные направления современных исследований национализма.

Модель Кона была построена на бинарной оппозиции национализма, характерного для передовых стран Запада, включая США, и национализма, характерного для стран "запаздывающего" развития. Различия начинаются уже в условиях формирования. На Западе подъему национализма

предшествовало формирование государств, которым в будущем предстояло стать национальными. (В случае США эти процессы совпали во времени.) Национализм имел здесь с самого начала политическую мотивацию и был тесно связан с концепцией индивидуальной свободы. Он был ответом на проблемы, возникавшие в процессе строительства нации и обретения ею суверенитета, то есть в борьбе с монархическим принципом легитимности за расширение политического участия и за политическую интеграцию для решения внешнеполитических задач, переосмысленных в категориях национального интереса. Такой национализм концентрировался на текущей политической борьбе и в весьма малой степени был обращен в прошлое, то есть был ориентирован на достижение практических, рационально положенных целей. Нация понималась как объединение граждан, как воля индивидов, реализуемая через общественный договор. (Отражением этого тезиса и являлось знаменитое определение нации как повседневного плебисцита, данное Э. Ренаном в его Сорбоннской лекции 1882 г.) Концепция гражданства была легалистская и рациональная. Национализм такого типа не находился в конфронтации с космополитизмом и просвещенческим рационализмом, которые делали акцент на общих чертах различных наций. Социальную базу националистического движения составляли экономически сильные и образованные средние слои, а позднее организованное в профсоюзы рабочее движение под руководством социал-демократов. Развитие национализма было в решающей степени результатом действия внутренних сил общества, производной политических процессов периода эмансипации буржуазии. (Нетрудно заметить, что эти идеи получили развитие в упоминавшихся работах Ч. Тилли, М. Манна и др.)

Национализм периферии имеет, по Кону, существенно иную природу. Здесь национализм появляется не только позже, но и в других политических условиях. Границы существовавших в периферийной части Европы государств не совпадали с территорией этносов, обретающих в процессе модернизации культурную идентичность. Национализм возникает здесь как протест против существующей государственной формы, а импульсом для него служит куль-

турное влияние Запада, стремление к имитации форм организации жизни передовых стран. В национализме периферии очень сильный акцент делается на прошлом, которое подвергается инструментальной интерпретации.

Национализм периферии был обращен не столько вовнутрь, сколько вовне – на борьбу за независимость или на экспансию с целью завоевания территорий, которые воображались как часть "идеального" отечества. (Оговоримся, что собственно этого термина у Коңа нет.) Изначально рожденный влиянием Запада, национализм вскоре приобрел черты оппозиции внешним, "чуждым", враждебным влияниям, в нем усилилась изоляционистская, ксенофобная составляющая.

На периферии сохранилась и средневековая идея мировой империи – отсюда такие явления как пангерманизм, панславизм, отчасти и концепция мировой революции.

Образ "идеального" отечества как отдаленной цели, сконцентрированность на идеализированных образах прошлого или будущего – эти ключевые элементы не связаны напрямую с решением практических политических и экономических задач, нагружены заметно более высокой эмоциональностью. Нация в этом случае понимается как сообщество, построенное на неформализуемых, не оформленных в правовом отношении концепциях традиционной культуры, расовой, этнической общности. Акцент делался на различиях и самодостаточности нации.

Коң построил в свое время эту модель под заметным влиянием ранних, "оптимистических" версий теории модернизации, в которых национализм отстававших в своем развитии регионов со всеми его отталкивающими чертами рассматривался как следствие недоразвитости. По мере "подтягивания" отсталых регионов и национализм в них должен был обрести более цивилизованные черты, приблизиться к идеализированному образу западного национализма. Сам Геллнер в своих ранних работах отдал дань такой точке зрения, полагая, что национализм в меньшей степени связан с индустриализацией и модернизацией как таковыми и в большей – с их неравномерным распределением³¹. В работах восьмидесятых годов он сделал важный шаг вперед, рассматривая национализм как неотъемлемую

черту индустриального этапа развития общества, но одновременно упустил очень важный мотив, который связан с отмеченной им неравномерностью развития. Проблема, которая остается нерешенной, и вообще мало замеченной в работах Геллнера, это механизм имитации. Говоря об активистах националистического движения, Геллнер неоднократно подчеркивает, что "исторические носители национализма не понимают сути того, что они делают"³². В том то и проблема, что в Центральной и Восточной Европе, и не только здесь, уже в течение по крайней мере второй половины XIX в., и уж тем более в XX в., как политика националистической ирреденты, так и весь процесс политической модернизации не может быть понят без анализа идейных заимствований и попыток имитации западных институтов и форм политического действия, или, как все чаще случается в последние десятилетия, программного отторжения западных форм. В этой связи остается только сожалеть, что Геллнера совершенно не интересует история националистической мысли, анализ которой неизбежно выводит к проблеме влияния западных идей и представлений о западных формах общественной организации на политическое и культурное развитие периферийных регионов.

Обратимся в заключение к тому, как решает Геллнер два ключевых для любой теории наций и национализма вопроса, а именно в каком отношении стоят эти два феномена, и что, собственно, есть нация. На первый из них он дает совершенно определенный ответ: "Именно национализм порождает нации, а не наоборот"³³. Можно сказать, что модернистская концепция нации нашла в работах Геллнера наиболее полное и категорическое выражение. Сложнее с определением нации. В точном смысле слова его у Геллнера нет, хотя он по крайней мере трижды приступает в своей книге к выработке этого определения³⁴. С нашей точки зрения, обоснованной во Введении, отказ от такого формализованного определения вовсе не является недостатком. В конечном счете, Геллнер приходит к заключению, что для нации необходимо сочетание трех условий, а именно "слияние доброй воли, культуры и государства"³⁵.

Вернемся к вопросам, которые были поставлены в начале статьи. В чем причины несомненного успеха книги

"Нации и национализм"? Этот вопрос нуждается в уточнении. Вернее, его стоит разделить на два. Во-первых, чем объясняется успех книги Геллнера у весьма широкого круга читателей-непрофессионалов, к каковым в данном случае следует причислить и тех профессиональных гуманитариев, которые проблемами национализма не занимаются? Конечно, во многом это связано с блестящей формой – легкий стиль, образность, ирония, яркая парадоксальность суждений. Но далеко не в последнюю очередь успех пришел благодаря категоричности аргумента, четкости бинарных оппозиций, стройности и доступности чисто дедуктивной, по признанию самого автора³⁶, модели. Эти достоинства, однако, часто оборачиваются слабостями с точки зрения введливой научной критики.

Между тем, книга Геллнера сыграла очень важную роль и в развитии теоретической мысли о национализме. Во-первых, именно Геллнеру тема прежде всего обязана своей популярностью в восьмидесятые годы, когда национализмы Центральной и Восточной Европы были еще надежно упрятаны в коммунистическом "холодильнике". Геллнер выступил в роли своего рода интеллектуального катализатора, а отчасти и провокатора, потому что как иначе может воздействовать на научное сообщество претензия на построение модели, которая вполне и окончательно объясняет такое явление, как национализм?! Трудно отделаться от ощущения, что Геллнер принял на себя эту роль сознательно. Он создал консолидированную концепцию, вобравшую в себя, как мы попытались показать, многие достижения предшественников, сказал много нового и, заявляя о том, что своей теорией "закрыл" тему, Геллнер на самом деле дал новую точку отсчета, новый исходный уровень для дальнейших дискуссий и исследований. Его претензии на универсальность и полноту модели, конечно, неосновательны. Но если согласиться, что в сфере наук об обществе главным критерием плодотворности теории служит число порождаемых ею новых интересных вопросов, то работы Геллнера о национализме заслуживают самой высокой оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
2. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. "Путь". № 1. М., 1992. С. 9.
3. Весьма интересный критический разбор концепции Геллнера с точки зрения этнолога опубликовала В. Коротева в статье "Воображенные", "изобретенные" и "сконструированные" нации: метафора в науке. Этнологическое обозрение. № 3. М., 1993.
4. Геллнер Э. Нации... С. 58.
5. Геллнер Э. Пришествие национализма. С. 14.
6. Там же.
7. Там же. С. 16.
8. Геллнер Э. Нации... С. 67.
9. Там же. С. 72.
10. Геллнер Э. Пришествие национализма. С. 18.
11. Там же. С. 19, 22.
12. Там же. С. 24.
13. Deutsch K. Nationalism and Social Communication. N. Y. 2nd edn. 1966; Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. О книге Б. Андерсона см. статью в этом сборнике.
14. Tilly Ch., ed. The Formation of National States in Europe. Princeton, 1975; Giddens A. The Nation State and Violence. Berkeley, 1984; Mann M. Emergence of Modern European Nationalism. In: Hall J. A. and Jarvie I., eds. Transition to Modernity. Cambridge, 1992; Idem. Sources of Social Power. Volume Two: The Rise of Modern Nations and Classes, 1760–1914. Cambridge, 1993.
15. Hall J. A. Nationalisms: Classified and Explained. Daedalus. Summer 1993. P. 5.
16. Colley L. Britons: Forging the Nation. 1707–1837. New Haven, Conn., 1992.
17. Геллнер Э. Пришествие национализма. С. 24.
18. Доклад "Стадии национализма в Восточной и Центральной Европе" на организованной фондом Фельтринелли в 1991 г. конференции в Кортоне (Италия). В сокращенном виде дана в: Геллнер Э. Пришествие национализма. С. 24–41.
19. Там же. С. 24, 32.
20. Геллнер Э. Нации... С. 252.
21. Там же. С. 178.
22. Hall J. A. Nationalisms... P. 5.
23. Геллнер Э. Пришествие национализма. С. 42.
24. Там же. С. 43.
25. Там же. С. 44.
26. Там же. С. 47.
27. Геллнер Э. Нации... Глава "Путь подлинного национализма никогда не бывает гладким". С. 132–140.
28. Schieder Th. Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaates in Europa. Historische Zeitschrift. Bd. 202. 1966.

29. Plamenatz J. Two Types of Nationalism. In: Kamenka E., ed. Nationalism. The Nature and Evolution of an Idea. London, 1976.

30. Кohn H. The Idea of Nationalism. N. Y., 1967; Idem. The Age of Nationalism. N. Y., 1968. В систематизированном виде классификация Кона представлена в: Kemilainen A. Nationalism, problems concerning the Word, the Concept and Classification. Yvaskyla, 1964.

31. Gellner E. Thought and Change. London, 1964. P. 147–178.

32. Геллнер Э. Нации... С. 88, 114, 137.

33. Там же. С. 127.

34. Там же. С. 32, 122, 127.

35. Там же. С. 127.

36. Там же. С. 189.

ЭТНОНИ СМИТ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ

Научная литература о нациях и национализме отличается фрагментарностью и пестротой, даже если принять во внимание только обобщающие работы и оставить в стороне исследования конкретных регионов, стран или народов. Нельзя сказать, что одному какому-нибудь автору удалось создать всеобъемлющую теорию. Наоборот, стало традицией в предисловии к работе отказываться от попыток конструирования универсальной схемы. Это особенно характерно для работ историков, несмотря на то, что некоторые из них охватывают в своем изложении все континенты, все периоды современной истории и последовательно используют сравнительный метод (как Х. Сетон-Уотсон или Дж. Брейи)¹. Но и социологи, более ориентированные на выявление закономерностей, чем на систематическое описание, явно ограничивают объяснительные возможности своей концепции. Само поле исследований настолько обширно, что можно выделять хоть и взаимосвязанные, но все же относительно самостоятельные сюжеты: идеологическая доктрина национализма и национализм как форма политики или как культурная система, условия появления национализма и его последствия, национальная идентичность и типология наций и т. д. Выбор преимущественного объекта исследований — наций или национализма — в скрытом виде предполагает теоретическую ориентацию автора.

Э. Смит не изолирует изучение национализма и того, что является объектом националистических усилий и постоянной ссылкой националистической идеологии — нации. Многие ученые, рассматривая доктрину национализма, просто отказываются от определения нации. Они пользуются или интуитивно понимаемым смыслом или вообще считают ее изобретением националистов. Такое абстрагирование вполне позволительно, если ограничиться словесным содержанием национальных идей, анализировать тексты, декларации, манифесты. Если национализм понимает-

ся как политика, то инструменталистский подход также может обойтись без нации. Для него достаточно проанализировать реальные политические цели, преследуемые теми, кто выступает от лица нации. Для Смита направление исследований несколько иное. Он принимает нацию всерьез, как реально существующую, а не просто как словесный оборот в националистической речи. Он стремится установить сложное отношение между нациями и национализмом. Для Смита оно не укладывается в афористическую формулу Э. Геллнера: "Национализм порождает нации, а не наоборот"². Но он не разделяет и наивное представление, что нация обязательно присутствует, если от ее имени выдвигаются политические требования. Для него отношения нации и национализма взаимообуславливающие. По определению Смита, национализм – это "идеологическое движение, стремящееся добиться или поддержать автономию, единство и идентичность социальной группы, предназначенной стать нацией". Поэтому мы можем изложить идеи Смита, исходя из его теории нации.

Работы Э. Смита 1970–1990-х гг. относятся к наиболее известным в современной мировой литературе по национальной проблематике. Начав с критического анализа теорий национализма, он в дальнейшем перешел к изучению особенностей самой доктрины национализма, ее соотношения с другими влиятельными идеологиями современности, ее приложения к конкретной политике⁴. Две последние книги – "Этнические корни наций" и "Национальная идентичность" показали его интерес к социальной реальности, которую национализм стремится истолковать и преобразовать⁵. Я останавлюсь именно на этих последних работах, так как в них сформулированы наиболее оригинальные положения его концепции.

Долгое время преобладающей парадигмой в изучении наций был примордиализм скорее в его исторической, чем натуралистической версии (идея о том, что нации могут быть обнаружены во все исторические периоды, что неоднозначно утверждению об их внесоциальном, "натуральном" происхождении). Историки описывали этнические общности древности и средневековья наряду с нациями современной эпохи как разные стадии одного и того же

явления. Появление же национализма датировалось ими приблизительно одинаково – концом XVIII – началом XIX века. В последние два десятилетия более влиятельными оказались взгляды их оппонентов. Такие ученые, как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум настаивают на том, что в индустриальную эпоху произошел радикальный разрыв в человеческой истории и лишь в этот период можно говорить о существовании наций, "сконструированных", "изобретенных" или "воображенных"⁶. Это позиция последовательного "модернизма". Если Хобсбаум еще допускает некоторое подобие наций в более ранний период, называя их "протонациями", то Геллнер категорически отрицает саму возможность появления этнических связей, выходящих за пределы общины. Работы Э. Смита являются в значительной степени полемикой с Э. Геллнером, причем не только по содержанию, но и по форме. Вместо социологического эссе он пишет детализированное сравнительное исследование. Его несколько старомодные работы возобновляют традицию точной исторической записи, интереса к тому, как оно было, а не как оно должно было быть, исходя из логики. Но социологическая критика работ более ранних историков потребовала от него явной концепции, социологического теоретизирования.

Две особенности работ Смита – выбранная им длительная историческая перспектива и внимание к символической стороне культуры тесно связаны между собой. По его мнению, в сфере культуры нет той пропасти между средневековьем и Новым временем, которая существует в технологии и формах политической организации. Такие концепции как "индустриальное общество" и "капитализм" не имеют всеобъемлющей объяснительной силы вне своего экономического контекста. Некоторые формы человеческой ассоциации и соответствующие им культурные атрибуты обладают значительной устойчивостью. Конечно, они подверглись изменениям в современную эпоху (здесь Смит уже возражает примордиалистам), но их существование в свою очередь воздействовало на формы общественной трансформации. Ученый соглашается, что появление первых наций действительно можно датировать не ранее конца XVII в. Однако в досовременный период можно

обнаружить поразительные параллели идее национальной идентичности и даже движения, очень напоминающие национализм своей защитой территории и культуры. Задача, которую ставит перед собой Смит – проследить, как далеко уходят "корни" наций в прошлое и установить их связь с этническими общностями.

1. Субъективная сторона этнического бытия.

По Смиуту, объективные факторы – размер населения, экономические ресурсы, системы коммуникации и бюрократической централизации играют важную роль в создании среды для этноса, но сами по себе они мало говорят об отличительных качествах этнической общности. Как он считает, болле продуктивно посмотреть на "субъективные" моменты человеческого взаимодействия. Оставляя в стороне эфемерные, мимолетные явления – коллективные чувства, волю – необходимо сосредоточиться на более постоянных, которые запечатлеваются в искусстве, языке, науке, юридических кодах и т. д. Речь идет о символах, мифах, памяти и ценностях.

Он доказывает, что "ядро" этничности, как она отражается в исторических записях и обуславливает индивидуальный опыт, заключается именно в этих компонентах культуры. Чтобы объяснить специфические качества и историческую устойчивость отдельных этносов, надо смотреть на природу (форму и содержание) их мифов и символов, историческую память и центральные ценности, механизмы их распространения и передачи будущим поколениям⁷.

Сам этнос Смит определяет как "общность людей, имеющую имя, разделяющую мифы о предках, имеющую совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией и обладающую чувством солидарности"⁸. В этом определении не упоминается ни единая хозяйственная жизнь, ни общая юрисдикция, ни даже владение определенной территорией.

Важнее не само обладание участком земли, а тот символический смысл, который земля имеет для связанного с ней народа. Этническая родина – это место, где располагаются священные центры и куда совершаются паломничества (хотя бы просто в памяти и молитвах) – Кум и Меш-

ход в Иране, Эчмиадзин в Армении и т. д. Ощущается некий симбиоз между человеческим коллективом и его территорией. В случае утраты родной земли тоска по ней и стремление вернуть ее поддерживает этнические чувства. Для этнического самосознания необходимо и внешнее признание ассоциации данного народа с его территорией, даже если такое признание не влечет за собой немедленных политических последствий. Многие автономистские движения добиваются для представляемого ими населения статуса автохтонного.

Исторический миф указывает на происхождение группы, пути, приведшие к ее современному состоянию, а также толкует ее будущее. Он отвечает на вопросы "Кто мы? Откуда мы пришли? Что уготовлено для нас судьбой?" Миф объясняет причины сходства членов общности тем, что у всех у них единые предки. Уже сам его сюжет выделяет и называет группу людей, о которой повествует. Форма мифа и его отдельные сюжеты регулярно повторяются у народов мира. Это повествование о происхождении в пространстве и во времени, о прародителях и родословной, о миграции, о "золотом веке", об упадке или ссылке, которые неизбежно сменяются возрождением. Отдельные мифы обобщаются, сплавляются, систематизируются и в конечном итоге кодифицируются уже национальной интеллигенцией в современную эпоху.

Под общностью культуры Смит понимает не комплекс черт, выделяемых посторонним исследователем. Это культура, неразрывная с повседневным опытом группы и способами интерпретации этого опыта. Особое место в ней занимают этнические символы. Символ указывает на этническую общность, олицетворяет ее. Конкретное содержание символа может быть самым разнообразным – от элемента одежды, жеста, до архитектурного стиля или особенности технологии. Главное, чтобы он недвусмысленным образом мог быть отнесен к коллективу людей, понимаем как самим коллективом, так и взаимодействующими с ним людьми.

Хотя Смит и заявляет, что исследует четверку "миф, символ, память и ценности", на самом деле он концентрируется лишь на первых двух компонентах и почти не обра-

щается собственно к "памяти" и "ценностям". Я думаю, что это не случайно. Память этнической общности о прошлом тесно связана с мифом, конечно, в самом широком его понимании. К нему относятся и обыденные представления об истории, а порой и национальная историография. Поэтому понятие "памяти" оказывается излишним. Оно у Смита скорее образ, чем аналитическое средство. Ценности же не стали специальным предметом изучения возможно из-за затруднений с их объективацией, вычленением их из системы поведения. Требуется обоснования и возможность самого существования этнических ценностей, общих для всей группы (в таком случае они способны трансформироваться в этнический символ, например, ценность гостеприимства в отдельных культурах).

Я считаю, что категорий "миф" и "символ" достаточно для определения этнического феномена. Смит сам использует понятие "комплекс мифов и символов". Именно он, а не отдельные мифы и символы характеризует своеобразие этнической общности. При подвижности отдельных своих компонентов этот комплекс обладает значительной устойчивостью. Он определяет общий стиль этнической культуры и делает ее узнаваемой, кристаллизуется в на протяжении нескольких поколений в священных текстах и языках, религиозных святынях и могилах, стилях одежды, искусства и архитектуры, музыке, поэзии, танце, юридических кодах, городской планировке, формах иерархии (гражданской, военной и религиозной), способах ведения войны и производственных технологиях. Автор хорошо показывает это на примере Ирана, пережившего не просто смену государств на своей территории, но и смену религий — этого ядра духовного опыта. Иранская культура сохранила свою определенность, скорее приспособившись к себе политические нововведения, чем трансформируясь под их влиянием.

Понятие стиля (формы) допускает уже собственно культурологический анализ — он запечатлен, овеяствен в предметах, может быть прослежен на протяжении длительного периода. Но в этом и его слабость с точки зрения анализа этнических явлений. Стиль может идентифицироваться с определенным регионом, но он еще ничего не говорит об этническом составе населения этого региона.

Описание преемственности культурных стилей не позволяет сделать вывод об устойчивости этнического самосознания – а именно такова задача Э. Смита. Мифы и символы принадлежат одновременно миру культуры и сфере самосознания, в них заключено объективированное сознание. Указывая на группу и объясняя ее историю, они предполагают, что группа выделяет себя из своего окружения. То же самое нельзя сказать о стиле, это уже собственно явление культуры. Оно может вообще не соотноситься с сознанием, характеризовать несколько имеющих совершенно отличное сознание групп или, наоборот, принадлежать лишь части общности, которая считает себя единой. В определенном смысле здесь Смит отступает от своего определения культуры как значимой для самих ее носителей. Положение, что культурные формы могут быть идентифицированы с этносом, проблематично с точки зрения современной культурной антропологии.

Предупреждая эту критику, Смит вводит понятие "этническая категория" для обозначения группы людей с явно выраженными культурными особенностями, но о чем самосознании мы не можем ничего однозначно сказать. Если возможно доказать, что этническая категория ощущает себя как нечто целое и демонстрирует чувство солидарности хотя бы в экстремальных ситуациях, то перед нами – уже этническая общность. Не берясь утверждать, что этнические общности всегда существовали в человеческой истории или что они были главной формой социально-культурной организации, английский историк стремится показать, что этничность оставалась возможной моделью такой организации с начала третьего тысячелетия до нашей эры вплоть до наших дней.

Древним и средневековым этносам свойственен этноцентризм (ощущение своей культурной уникальности и чувство превосходства по отношению к другим народам) и этницизм – форма коллективной активности в защиту этноса. Примечательно то упорство, с каким покоренные народы продолжают придерживаться своих богов и обычаев. Движения этнического сопротивления и обновления рождаются в ответ на угрозу извне или опасность деградации культуры изнутри. Они преследуют цель вернуть утра-

ченную территорию (например, стремление изгнать англичан и их бургундских союзников из Франции, каталанская реконкиста и т. д.), восстановить прерванную генеалогическую линию (усилия Птолемея вписаться в родословную египетских династий) или добиться культурного обновления. В последнем случае движение не ограничивается правящим домом или знатью, и может затрагивать всю общину, как сопротивление древних евреев процессу эллинизации, выразившееся в востании Маккавеев.

Движение этницизма активизируется благодаря "мифомотору" – конституирующему мифу общности. Термин "мифомотор" был введен де Виньясом и разработан Дж. Армстронгом⁹. Он бывает как династическим, связанным с правителем и его окружением, так и общинным, оправдывающим особую миссию всей группы. В первом случае мифомотор является политическим если не по своей форме, то по крайней мере по своим намерениям (миф франков при Меровингах и Каролингах о своем троянском происхождении, делающий оправданным правление над романизированным населением). Общинный мифомотор может также иметь политическую форму – гражданский патриотизм древнегреческих городов. Персидское вторжение превратило латентный эллинский этноцентризм в открытое политико-культурное движение. В своем священном мифомоторе армяне видят себя как избранный народ, своих героев представляют как ветхозаветных воинов и как бы разделяют роль древнего Израиля (интересно, что в последние годы, во время конфронтации с Азербайджаном этот образ опять ожил, хотя аналогия проводится уже с современным Израилем, находящемся во враждебном мусульманском окружении – В. К.). Ирландцы, после покорения англичанами, представляли себя и свою страну как святой остров католицизма в океане протестантизма и материализма. В России произошло смешение династического и общинного мифомотора. Священная власть царя как наследника византийского императора сочеталась с миссией всего православного народа. К этой мифу добавился также военно-автократический, перенятый у Киевской Руси – оправдание власти постоянной войной против степных народов.

"Без мифомотора группа не может определить себя для своих членов и посторонних и не может производить или направлять коллективное действие"¹⁰. Подразделение мифомотора на династический и общинный соответствует в теории Э. Смита двум типам этноса в досовременную эпоху. Это центральное положение его концепции "этнических корней нации".

2. "Аристократические" и "демотические" этносы.

Смит стремится смягчить категоричность утверждений о том, что в доиндустриальный период не могли существовать общности людей, включающие разные страты и тем самым сходные с современными нациями. В наиболее острой и полемической форме это положение высказано в работе Э. Геллнера "Нации и национализм". С ним прежде всего и спорит Э. Смит.

Ситуация, которую описывает Геллнер (культурная стратификация, слабое распространение элитной культуры в массах населения) может быть интерпретирована в этнических терминах. Э. Смит вводит понятие "аристократического" ("горизонтального") этноса в отличие от Геллнера, который предпочитает говорить об административных и духовных элитах. Аристократический этнос включает помимо правителей также священников, писцов, возможно некоторых богатых городских торговцев. При своей географической разбросанности он очень ограничен социально. Часть идентичности такого этноса состоит в его особом статусе. Культурное своеобразие и превосходство над окружающим населением сплавляются воедино, чтобы создать чувство отдельной миссии. Мифомотор аристократического этноса связан с правящим домом. Примером горизонтального этноса являются арийцы, проникшие в Северную Индию к началу первого тысячелетия до нашей эры. Они составляли общность, отличавшуюся от остального населения своей брахманической религией. Персидские Ахемениды, наследники племенных конфедераций медеев и персов, включали в свой состав двор, бюрократию, знать и духовенство. Их особая культура проявлялась в искусстве, архитектуре, одежде, языке. Венгерские и османские военные вожди и знать после оседания на территории

приняли на себя миссию защиты своих религиозных цивилизаций. Доказательством определенного единства и осознания этого единства аристократическим этносом для Смита служит существование его особой мифологии и символизма.

В наибольшей же степени Смит расходится с Геллнером, когда пишет о демотических (вертикальных) этносах. В этом типе этноса единая этническая культура проникает в разные страты, даже если ее базис остается городским (торговцы, ремесленники, священники), а отдаленные сельские районы придерживаются своего локального варианта культуры. Демотический этнос не исключал классовых делений и внутренней стратификации по богатству и статусу, но это не мешало чувству этнической идентичности и способности в случае необходимости к решительным политическим действиям. В отличие от горизонтального этноса вертикальный четко ограничен, в нем как правило налагается запрет на религиозный синкретизм, культурную ассимиляцию или даже смешанные браки. Хотя религиозная миссия может характеризовать и аристократический этнос, в демотических общностях священный аспект — часть определения их сущности. Поэтому они могут мобилизовывать мощные чувства привязанности и самопожертвование со стороны всех членов общины.

Э. Смит перечисляет несколько разновидностей демотических этносов. Это население греческих городов-государств, у которых политическая привязанность к индивидуальному городу сочеталась с культурной и эмоциональной солидарностью с родичами благодаря общим мифам (происхождению и родословной, общему искусству и литературе, даже формам проведения досуга. "Пограничные" этносы из-за повторяющихся столкновений с противниками иной культуры развивали этническое самосознание — как Армения, зажата между Римом и Персией, Израиль между Ассирией и Египтом. Стратегическое положение на перекрестке торговых путей также способствовало осознанию своих особенностей — швейцарцами или курдами. Члены племенных конфедераций осознают себя благодаря мифам об общих предках, постоянному ведению войны, совместному перемещению. Арабские и монгольские племена

начальной стадии своих завоеваний были типичным вертикальным этносом – прежде чем их горизонтальное расширение привело к географическому разделению и аристократизации арабо-мусульманских элит и монголо-татарских ханств. Наконец, этнорелигиозные диаспоры и секты – наиболее убедительный пример вертикальных этносов. Большинство в диаспоре из-за своего правового статуса и специфических ниш, которые они занимают, все время подталкиваются к этнической замкнутости и консервации как своей культур, так и ощущения своей обособленности. У локализованных сект, как друзы, парсы, марониты аналогичную роль играют мифы о миграции и эзотерические культы.

Смит оговаривает, что предложенная им типология этносов не имеет жесткого характера, она скорее показывает континуум по степени социального включения разных слоев в единую общность. Возможны также и трансформации одного типа в другой – например, превращение племенной конфедерации в горизонтальный этнос при оседании и особенно при овладении государством.

Ряд приведенных Смитом примеров может вызывать некоторые сомнения – как наличие этнического сознания у швейцарцев уже в средневековье. Источники не всегда позволяют судить о том, кем себя ощущали широкие слои населения. Смит признает уязвимость своей позиции, и часто предлагает принять ее на веру. Наиболее вероятный случай, когда культурная идентичность присуща разным стратам – это этнорелигиозные меньшинства. Здесь религиозное сознание подпитывало чувство этнического обособления, и религиозная составляющая доминировала. Смит демонстрирует, что этническое самосознание могло существовать в досовременный период, хотя насколько часто это случалось – вопрос, допускающий разные ответы. По крайней мере категорическая позиция Геллнера требует уточнения.

3. "Территориальные" и "этнические" нации.

Пути формирования наций, по мнению Смита, зависят от того багажа, который имели предшествующие им этнические общности и той этнической мозаики, которая сложилась к моменту перехода к нации.

По определению Смита, "нация-население, имеющее общее имя, владеющее исторической территорией, общими мифами и исторической памятью, обладающее общей экономикой, культурой и предоставляющее общие права и обязанности для своих членов"¹¹. Если этносу достаточно быть ассоциированным с территорией, то есть связывать свое происхождение с определенной местностью, хранить воспоминание о ней, то нация должна обладать компактной территорией и добиваться полного контроля над ней. Членов нации связывают и общие юридические институты. Наконец, их объединяет единое разделение труда, потенциальная мобильность в пределах своей территории.

Нация как форма организации общественной жизни не может быть принята как нечто само собой разумеющееся. Так же не очевидна и форма национального государства, ставшая общепризнанной в международном праве. Историки, всерьез относящиеся к возможности альтернативного развития, задаются вопросом, почему наиболее эффективной формой стало централизованное государство, а не, например, города-государства, княжества или империи, до некоторого времени бывшие равноценными способами политической организации Европы. Смит объясняет это более успешным осуществлением трех революций: в экономической (создание общего рынка), административно-военной (бюрократизация управления и создание профессиональной армии) и культурной областях (растущая роль государства в унификации культуры и освобождение от церковной опеки). Но если преобразования произошли не в собственно этнической области, то случилось это благодаря отчетливо выраженному этническому характеру самих государств, которые стали позднее национальными. Они унаследовали и границы, и историю, и легитимирующие мифы у своих непосредственных предшественников.

Появление первых наций в рамках существовавших уже государств по-разному описывается отдельными историками. Несмотря на свое название, классическая работа под редакцией Ч. Тилли "Формирование национальных государств в Западной Европе" вообще обходит вопрос об общности культуры населения, находящегося под властью одного суверена. Ч. Тилли оговаривает в предисло-

вии, что авторы не рассматривают, в какой степени однородность населения способствовала успешности политики национальной консолидации¹². В других исследованиях соотношение этнической принадлежности правителей и их подданных изучается в связи с политикой "официального национализма". В этом случае основной вопрос, на который стремятся ответить историки: можно ли назвать централизаторские устремления династий формой национализма, то есть преследует ли она сознательные национальные цели или добивается лишь наибольшей бюрократической рационализации. По мнению Брейи, официальная политика становится националистической лишь в ответ на утверждение своей отдельной идентичности со стороны этнических меньшинств. Национальное самосознание у доминирующих групп таким образом вторично по отношению к сознанию культурно отличного от них подчиненного населения¹³. Б. Андерсон, наоборот, считает, что государственный национализм дает толчок к этническому сопротивлению со стороны меньшинств. Династия "национализируется", чтобы поддержать легитимность при утрате веры в богоданность власти, а не перед лицом более отчетливой национальной идентичности¹⁴.

Подход Смита к этой проблеме несколько иной благодаря его фокусу на нации скорее, чем на национализме. В его модели развития "от государства к нации" этническая составляющая процесса является не его побочным результатом, а присутствует с самого начала. Предшествовавшие национальным государствам Европы политические образования Смит называет этническими государствами. Он соглашается, что этническое самосознание ограничивалось узким кругом в случае аристократического этноса. Но это не припятствовало некоторому культурному единству хотя бы на уровне взаимопонимаемой символики и общего исторического опыта. Сделать этот опыт значимым для самых разных страт населения было задачей централизованного абсолютистского государства. Первая, и некоторое время единственная концепция нации – территориальная, которую можно найти у Энциклопедистов: нация – это группа людей, живущих на одной территории и подчиняющаяся единым законам и одним и тем же прави-

телям. Исходно эта концепция возникла среди населения, имеющего свое суверенное государство, и вне государственного контекста ее трудно представить (путь "от государства к нации"). Территориальная нация складывается на основе предшествующего ей аристократического этноса, который навязывает свою этническую культуру зависимому от него населению.

Прямо противоположный процесс происходил у ряда народов Центральной и Восточной Европы, не имевших собственных государств. Здесь нации складывались на основе предшествующего этноса, этнические связи должны были трансформироваться в национальные через процесс мобилизации, установления контроля над территорией и политизации ("от нации к государству").

Смит увязывает два пути формирования наций с введенным им различием между вертикальными и горизонтальными этносами. Аристократические этносы, контролирующие государства, должны были добиться централизации государства, унификации управления и культурной однородности населения, чтобы сохранить свое господство в условиях межгосударственного соперничества. Путь "от государства к нации" работал только в контексте общих значений и ценностей, общих мифов и символов. Они должны были плавиться в общую "гражданскую религию", передающуюся через стандартизированный язык и образовательные институты. По словам Смита, "территориальная нация становится массовым образовательным учреждением"¹⁵.

В европейской истории территориальным нациям предшествовали этнические политические единицы – в случае Англии, Франции, Испании, Швеции и России. На определенном этапе в своей экспансии они вышли за пределы близкого по своей культуре населения и вторглись на территорию других этносов. Хотя Смит и ставит Россию в один ряд с другими европейскими государствами, в которых отчетливо преобладал один этнос, дальнейшее национальное развитие России видится им как существенно отличное – в направлении формирования империи, а не национального государства. Вплоть до пришествия эры национализма в этнических государствах доминировала культура этнических

кого "ядра". На ней же стала строиться новая национальная культура. Историческое преобладание и культурно-политическое господство центрального этноса было таким, что оно диктовало формы и содержание социальных институтов и политической жизни всего населения внутри границ государства. Участие в общей политической культуре и стало характерным признаком территориальной нации. Ее можно также назвать гражданской нацией. По мнению Смита, этнические меньшинства в Великобритании, Франции и Испании приняли до некоторой степени историю государства, в которое они были включены, как свою собственную. Таким образом, эти государства превратились в национальные (но отнюдь не в нации-государства, что подразумевало бы уже большую этническую однородность).

Большие трудности возникают с описанием формирования этнических наций. Здесь Смит излагает историю художественной и научной интеллигенции, кодифицирующей язык и обычаи своих соплеменников. Он предполагает, что демотическая общность уже существует, но она должна быть выведена из состояния пассивности, мобилизована для политических целей, дополнена экономическими связями. По словам Смита, этническая концепция нации подчеркивает такие компоненты, как генеалогия, популизм, нативизм (почвенничество), обычаи и диалекты. "Этническая концепция нации стремится заменить обычаями и диалектами юридические коды и институты, которые образуют цемент территориальной нации... Даже общая культура и "гражданская религия" территориальных наций имеет свой эквивалент в этническом пути и концепции: своего рода мессианский нативизм, вера в искупительные качества и уникальность этнической нации. В этнической концепции нации "история" становится двойником "культуры" в территориальной концепции"¹⁶.

Такое противопоставление выглядит сомнительным. Более логично было бы сравнивать культурную активность, осуществляемую государством, в одном случае и интеллектуальные усилия, идущие помимо государственных институтов, в другом — через создание сети местных школ или культурных ассоциаций. Во втором случае культурная деятельность не просто не поддерживается государством,

но и часто осуществляется вопреки его ассимиляторскому давлению. Соотношение между политическими правами в территориальной нации и настойчивым утверждением особых "обычаев и диалектов" в этнической тоже не столь очевидно. Этническая нация сначала должна очертить свои пределы, чтобы претендовать на общие права и обязанности. Так как такие поиски идут в рамках государств, не совпадающих с областью расселения близкого по своей культуре населения, то они отрицают *status quo* и на место юридических реалий должны поставить более мощные аргументы – "естественные права" человеческого коллектива. Отсюда апелляция к древним связям, которые кажутся столь же органическими, как и сама природа. Изложение Смитом двух версий наций не свободно от того оценочного подхода, который отличал многих из его предшественников.

Различение типов, моделей, идеологических образцов наций имеет достаточно долгую традицию. Основное противопоставление здесь – между свободным выбором нации на основе идеологического родства и предписанной принадлежностью к нации. Первая исторически связана с идеологией Французской революции, ее универсальным призывом. Вторая ассоциируется с представлениями немецких романтиков и вообще с немецкими идеями национальности. Конфликтующие версии обсуждались в связи с проблемой Эльзаса-Лотарингии в переписке ведущих интеллектуалов с французской и немецкой сторон, где они были возведены в принцип. К концу XIX в. Ф. Майнеке, характеризуя политическую географию Германии, ввел понятия "культурной" и "политической" нации¹⁷. В работах подэтнических исследователей противопоставляются не французская и немецкая модели, а западноевропейский и восточноевропейский опыт. Первый характеризуется как рациональный, гражданский, второй – как органический, иррациональный, романтический. Ханс Кон связывал это различие с социальным составом протагонистов национальной идеи, их взаимоотношением с государством. На Западе Возрождение и затем Реформация породили светское образование. Отсюда господство либерализма и рационального мировоззрения. Вне западного мира, в Централь-

ной и Восточной Европе, а затем в Азии национализм вырос не только позднее, но и как правило на более отсталой стадии социального и политического развития. Отсюда комплекс неполноценности у немецких, русских и индийских интеллектуалов, размышления о "душе" и "миссии" нации и бесконечные дискуссии об отношении к Западу. В рассуждении Кона "западный" и "восточный" национализм идентифицируется с конкретными географическими регионами¹⁸.

Смит формулирует это различие в более абстрактном виде, не привязывая его к отдельным странам, а возводя в различие идеальных типов. Это позволяет мерить опыт каждой страны с помощью критериев, заложенных в модели. Его подход также позволяет схватить динамичный характер национальной идентичности. В соответствии с логикой идеальных типов, модели могут найти лишь неполное воплощение в действительности, возможен синтез элементов каждой из них. Смит не только допускает эту возможность, но и показывает, что на самом деле "каждая нация содержит черты как этнической, так и территориальной"¹⁹. Здесь, как и в случае различения демотических и аристократических этносов, Смит не настаивает на непроницаемой границе между отдельными типами. Более того, в разные периоды истории в одной и той же стране может преобладать представление о нации как гражданском сообществе или, наоборот, как общности по крови и культуре.

Он показывает, что даже во Франции, которая кажется воплощением идеи гражданской нации, соперничающая версия национального сообщества возобладала в идеях "интегрального национализма" и достигла наиболее полного выражения в деле Дрейфуса. Смит демонстрирует конфликт между двумя моделями, каждую из которых выбирают в качестве политического идеала противостоящие друг другу силы. С другой стороны у ряда центрально- и восточно-европейских народов — поляков, венгров — присутствует идея территориальной нации и ими предпринимались попытки сплавить этнически разнородные элементы в гражданскую нацию. Автор объясняет это памятью о средневековом государстве и идеями исторического права. В германском случае сочетались обе моде-

ли. Здесь переход к нации произошел в условиях политической фрагментации, при которой слабо чувство исторической общности, но изобилуют общие мифы, символы и сохраняются воспоминания о политическом единстве. Если различие между этнической и территориальной моделью столь относительно, то в чем же его ценность?

Я думаю, что по крайней мере на уровне идеологических образцов это различие полезно. Многозначность понятия "нация" в националистической речи все время требует от исследователя определять, что же имеется в виду. Политический или этногенетический смысл, вкладываемый в понятие национального сообщества, будет по-разному характеризовать тот или иной национальный проект.

Однако Смит оставляет множество вопросов. Как понимать "модель": является ли она проектом политической деятельности, который явным образом формулируется и потом реализуется, или этот проект вычленяется исследователем из системы практических действий. Эти два понимания не просто отличны, но и могут быть противоположны друг другу. Анализ Смита может быть дополнен сопоставлением идеологических предпосылок и воплощаемой практики – если оценивать их в предложенных им категориях (например, процесс построения этнической нации при гражданской риторике).

Смит не вполне объясняет, почему в одном случае выбирается этническая, в другом территориальная модель. Это не может быть вызвано лишь этнодемографическим составом населения: обычно государства имеют дело с этнической мозаикой, которую надо преобразовать в нацию. Можно поспорить с утверждением: "В Восточной Европе и на Ближнем Востоке ситуация была иная"²⁰. Собственно "национальные" государства – Великобритания, Франция, Испания являются многоэтничными, о чем еще раз напоминают движения этнического возрождения. Между тем по крайней мере в случае с Францией государственной элите удалось убедить население в том, что оно составляет единую нацию. Это относится и к группам, которые сохраняют в быту свой язык. Успех такой политики на фоне провала аналогичных усилий в других государствах может быть сюжетом для самостоятельного исследования. О

тем более увлекательно, что этот успех тоже относительный — Франции не удалось "переварить" Алжир и сделать алжирцев частью французской гражданской нации, так же как Великобритания не смогла интегрировать Ирландию²¹.

Можно задать и более радикальный вопрос. Реализуем ли вообще проект гражданской нации? Оставляя в стороне иммигрантские общества, мы можем сослаться лишь на пример Франции. Однако есть основания предполагать, что это пример исключительный. В других странах, где сосуществуют этнически отличающиеся группы, живущие на своей исторической территории, государству не удалось сплавить политическое сообщество, преодолевающее этнические деления. Ни шотландцы в Великобритании, ни баски или каталонцы в Испании не согласятся, что принадлежат к соответственно британской и испанской нации. А Великобритания и Испания часто приводятся как пример успешного построения нации-государства. Французскому образцу стремились подражать многие правители, но чаще всего достижения на этом поприще были ограниченными.

Наиболее наглядный пример неудачи — венгерское государство в пределах Австро-Венгрии, проводившее во второй половине XIX в. политику единой государственной нации и открытое для ассимилирующихся меньшинств. Наступательная ассимиляторская политика встретила сопротивление со стороны меньшинств и породила этнический национализм. Возможно, причина неуспеха заключена в новых условиях, когда национальная идеология доступна для этнически отличного населения — французское государство было свободно от этого препятствия. Тем более в современных обстоятельствах, когда идея национального самоопределения стала общим местом в международном политическом языке, а мобилизация культурных отличий общепризнанной идеей, создать гражданскую нацию становится еще сложнее. Отсюда те подчас непреодолимые трудности, с которыми сталкиваются национализирующиеся государства и которые отмечает Э. Смит.

4. Построение нации как постоянно возобновляемая активность.

"Изобретение" наций национализмом считается чертой незападных обществ. Х. Сетон-Уотсон выделял "старые" и "новые" нации. Первые приобрели свою национальную идентичность до того, как была сформулирована доктрина национализма. В новых нациях два процесса – формирование национального сознания и национализм – развивались одновременно. Если у старых наций сознание единства сложилось спонтанно, то национальные лидеры после 1789 г. прекрасно представляли, чего они старались добиться и какой модели стремились подражать²².

Э. Смит в целом соглашается с этим различием. Национализм как идеологическое движение, за пределами Западной Европы выполнял большую творческую функцию. По мнению Смита, для него были доступны две модели – территориальной (политической) или этнической (генеалогической) нации. Нелегкий выбор пути национальной консолидации, столкновение контрастных версий национальной общности – отличает новейшие попытки создания наций. Этот выбор, не всегда осознанный, обусловлен этнической структурой населения, доступным этнокультурным багажом, наконец, политическими возможностями государства внутри страны и в сфере международных отношений.

Для элиты, пришедшей к власти в новых государствах, сплочение населения в нацию является одной из важнейших задач внутренней политики. Соразмерность нации и государства обычно предпочтительна с точки зрения стабильности государства. Естественно ожидать, что будут предприняты попытки по крайней мере провозгласить гражданскую модель нации, даже если и не воплотить ее в практику. Исторический анализ складывания наций, проведенный Смитом, дает ему возможность приложить некоторые закономерности к современной ситуации. Существование "государств без наций" – черта постколониального мира (добавим, что некоторые республики бывшего СССР превратившиеся в самостоятельные государства, еще должны "найти" свою нацию, то есть создать ее). Здесь

различение территориальных и этнических наций как потенциального проекта особенно значимо. Будет ли государство считать себя органом для избранной этнической нации или постарается сплотить своих граждан в политическое общество вне зависимости от сосуществующих этнических культур?

Второй проект представляется развитием "по западному пути", имитацией западноевропейского опыта. Он может осуществляться несколькими способами. Если в государстве есть "этническое ядро", численно преобладающая или культурно и политически доминирующая группа, то остальные "этнические фрагменты" могут быть ассимилированы, инкорпорированы в доминирующую общность. Это способ, в наибольшей степени повторяющий историю складывания национальных государств в Западной Европе.

Если в государстве нет "ядра", то велика вероятность появления нескольких этнических групп давления, ревниво следящих за распределением разного рода ресурсов. Перекрыть такую этническую солидарность возможно, лишь объединив разрозненные группы в совершенно новую общность, политическую нацию. Но в обоих случаях формирования общих институтов и систем коммуникации недостаточно для того, чтобы новая общность оказалась эмоционально значимой для своих членов. И здесь, парадоксальным образом, усилия по созданию политической нации превращаются в поиски подходящего этнического прошлого — общей истории, связывающей все население страны, вдиных героев, культурной традиции. То, что в западноевропейском случае казалось данным (а на самом деле было продуктом совместной истории в рамках одного государства) в случае с новыми странами должно быть изобретено. Смит показывает, что сделать это легче, если государство может воспользоваться мифами и символами доминирующей группы, навязав их этническим меньшинствам. Тут ассимиляция более эффективна, чем построения абсолютно новой символической системы, включающей культурный багаж нескольких объединяемых групп. Но и в таком случае не исключено сопротивление меньшинств, нежелающих расстаться со своим культурным своеобразием. Смит высказывает пессимизм по поводу возможностей

политической (гражданской) нации в современных условиях. Это особенно относится к африканским странам, не имевшим общей доколониальной истории.

Более распространенными являются попытки "открыть" этническую нацию, основанную на общей культуре и предполагаемом генетическом родстве. При этом необязательно, чтобы этническая нация уже существовала, чтобы сделать ее основой государства. Характерен пример Индии, где общность индуистской культуры с ее священными текстами, ритуальной практикой, пантеоном используется для достижения единства пестрого в языковом отношении населения. Это не политическая модель, так как она исключает людей иного вероисповедания. Но индийское государство не может воспользоваться собственно этнической традицией одного из народов. На место уходящих корнями вглубь веков этноса ставится древняя цивилизация. Таким образом, в ряде случаев этнические компоненты в этнической модели еще должны быть изобретены. Это и переписывание истории, и присвоение культурных достижений иных цивилизаций, расположенных на данной территории или даже имени государства, находившегося за много километров (как случилось с историей средневековой Ганы). Но сама модель оказывается более притягательна, чем альтернативная ей гражданская. Смит доказывает, что комплекс мифов и символов, исторической памяти, перенесенных на более широкую историческую общность или самым откровенным образом сконструированных, является непременным условием выживания новых наций²³. Отсутствие других компонентов может быть каким-то образом компенсировано, их проще создать, если есть общая символическая система.

На мой взгляд, выделение этнического и гражданского проекта строительства нации, как их описывает Смит нуждается в той доле релятивизма, которая присутствует в других частях концепции ученого. Каковы основания считать случай ассимиляции этнических меньшинств доминирующей группой гражданской, а не этнической модели? Ведь здесь очевидно предпочтительное обращение к одной из этнических культур. Я полагаю, что единственный критерий различия — успешность данного проекта. Ли

а posteriori можно судить о том, гражданская или этническая модель была реализована. Удалось сплотить все население, преодолеть этническое сопротивление меньшинств, подчинить их символы и традиции господствующему этносу – значит действительно осуществлялся гражданский проект. Не удалось – значит государство ассоциировалось с преобладающей этнической общностью и исключило все другие части населения из своей концепции нации.

Такая же неопределенность отличает даже "модельные" нации. Сама европейская история образования наций не завершена. По Смит, построение наций – это вечно возобновляющийся процесс. Каждое последующее поколение застает готовые способы интерпретации коллективного опыта, но задача интерпретации принадлежит ему самому²⁴. Здесь возможны конфликтующие версии. Они не ослабляют чувство этнического сплочения. Наоборот, если в общественном сознании сталкиваются различные понимания того, что такое нация вообще и где границы данной нации, интерес к этим вопросам не ослабевает. Подход Смита открывает возможности для объяснения феномена "этнического возрождения" в развитых странах, пересмотра устоявшихся представлений о всемогуществе национальных государств и "необратимости" некоторых процессов.

5. Заключение.

Работы общетеоретического характера о национализме неизбежно обращаются к истории, хотя бы в наиболее схематизированном виде. Сама новизна идеологии национализма привязывает ее появление к конкретным историческим событиям.

История в модели Смита играет двойную роль. Она ограничивает возможности создать нации из ничего – нужен доступный культурный материал: мобилизуемое прошлое, общий исторический багаж. Смит демонстрирует это на примере первых наций и видит необходимость этого для последующих националистических усилий. Во-вторых, исторический опыт Запада очерчивает поле возможной политики для новых государств. Чтобы добиться успеха,

нужно, например, создать языковое единство, общие институты, чувство привязанности. Вероятно, условия, в которых совершались конкретные действия, не могут быть воспроизведены, но необходимо следовать некоторой логике.

Я полагаю, что заслуга Смита не в построении очередной схемы всеобщей этнической истории: как все такие схемы, она открыта для критики. Внимание к символической стороне этничности и представление о ее динамическом характере дает возможности для интерпретации современных процессов. Предсказание же, что нация надолго еще останется моделью социальной организации, сделанное в 1986 г., с тех пор лишь подтвердилось распадом нескольких многонациональных государств в Европе и Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Seton-Watson H. Nations and States. London, 1977. Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.
2. Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 55.
3. Smith A. National Identity. London, 1991. P. 50.
4. Smith A. Theories of Nationalism. London, 1971. Idem. Nationalism in the Twentieth Century. Oxford, 1979. Idem. The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.
5. Idem. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986. Idem. National Identity. London, 1991.
6. Gellner E. Op. cit.; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; Hobsbawm E., Ranger T. (eds.) The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. Анализ этих работ см.: Коротева В. В. "Воображенные", "изобретенные" и "сконструированные" нации: метафора в науке. – Этнографическое обозрение, 1993, № 3.
7. Smith A. The Ethnic Origins... P. 15.
8. Ibid. P. 30.
9. D'Abadal i de Vinyals R. A propos du legs Visigothique en Espagne – Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'Alt. Mediovo, 1958. N 2.
10. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
11. Smith A. National Identity. P. 14.
12. Tilly Ch. Reflections on the History of European State-Making. In Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. P. 42.
13. Breuilly J. Op. cit. P. 53.
14. Anderson B. Op. cit. Chapter 6.
15. Smith A. The Ethnic Origins... P. 136.

16. Ibid. P. 137-138.
17. Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge (Mass.), 1992. P. 11-13.
18. Kohn H. *The Idea of Nationalism*. 2-nd ed. N. Y., 1967. P. 329-331.
19. Smith A. *The Ethnic Origins...* P. 149.
20. Ibid. P. 140.
21. Lustick I. *State-Building failure in British Ireland and French Algeria*. Berkeley, 1985.
22. Seton-Watson H. *Op. cit.* P. 6-9.
23. Smith A. *The Ethnic Origins...* P. 17.
24. Ibid. P. 206.

ДВА ВЕКА ЕВРОПЕЙСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА ЧТО ДАЛЬШЕ?

(Эрик Хобсбаум. "Нации и национализм после 1780 г.: программа, миф, реальность")

Марксистскую историографию всегда волновал вопрос, почему справедливая и разумная социалистическая идея всякий раз терпит поражение от нелогичного, если не сказать иррационального национализма. Может быть поэтому именно из-под пера историков-марксистов вышли труды, в которых не просто доказывается относительная новизна наций как формы социальной организации, но вскрываются механизмы, с помощью которых тем или иным политическим силам удастся манипулировать массовым сознанием, изобретая "национальные" традиции¹ и объединяя "своих" против "чужих" в сообщества, существующие лишь в воображении². Одним из наиболее ярких представителей этого направления является корифей английской историографии Эрик Хобсбаум. Как марксист он судит о каждом конкретном случае проявления национализма с прагматической точки зрения, а именно, насколько это способствует торжеству дела социализма³, как человек — признается, что политический национализм ему чужд, более того, в отличие от многих историков, которые "оказались неспособны оставить свои "неисторические" убеждения за дверьми кабинетов и библиотек", ему оставлять нечего⁴. Свои взгляды на природу и эволюцию национализма историк обобщает в новой книге "Нации и национализм после 1780 г.: программа, миф, реальность"⁵.

Однажды Хобсбаум сравнил национализм с облаком, которым Гамлет дразнил Полония: при желании в нем можно увидеть верблюда, хорька или кита, хотя на самом деле оно не является ни тем, ни другим и ни третьим⁶. Если развернуть метафору, то национализм для Хобсбаума, подобно облаку, изменчив: в XX в. он уже не тот, что был в конце XVIII в. Национализм столь же обманчив: он претендует на древность и органичность, в то время как

был сознательно "сконструирован" около двух веков назад. Наконец, как и облако, в один прекрасный день национализм растает без следа.

Свой анализ наций и национализма Хобсбаум начинает с отказа от любых попыток дать априорное определение того, что зовется нацией. Объективные критерии (язык, этнос, территория) обречены на провал в силу того, что лишь немногие несомненно национальные образования обладают вышеперечисленными признаками. Что касается субъективных критериев, таких как чувство принадлежности к нации или желание войти в ее состав, они не только не объясняют, что же такое нация, но и ведут к опасному заблуждению, что желания составить единую нацию достаточно, чтобы она появилась на свет. Как следствие, Хобсбаум решает, во-первых, в интересах исследования, именовать "нацией" всякую достаточно большую группу людей, которые считают себя членами таковой, а во-вторых, раз реальная нация познаваема лишь после того, как она уже создана, сосредоточить свое внимание сначала на эволюции концепции нации, то есть на эволюции национализма⁷.

Рождение наций

Существование нации для Хобсбаума нераздельно связано с современным типом национального государства, вне которого обсуждать нации бессмысленно⁸. Подтверждение своим взглядам историк находит в толковых словарях, регулярно переиздававшихся в большинстве европейских стран. Сравнительный анализ словарных статей показывает, что современное значение слова "нация" становится общепринятым в середине 80-х гг. XIX в. т. е. не ранее, чем обретает законченный вид современное бюрократическое централизованное государство. До этого под "нацией" обычно понимали население провинции, страны или королевства, а также большие замкнутые корпорации (купцов, студентов), которым было необходимо отличать себя от тех, с кем приходилось сосуществовать бок о бок. Впервые в современном политическом и социальном смысле термин "нация" начал употребляться в эпоху буржуазных революций. Лидеры американской революции,

чтобы не ставить под вопрос федеративный характер вновь создаваемого государства, старались избегать самого этого слова, предпочитая вести речь о "конфедерации", "союзе", "народе", но уже в годы Великой французской революции сообщество граждан, чья политическая суверенность служила основой их объединения в государство, все чаще именуется "единой и неделимой нацией". Таким образом, подчеркивает Хобсбаум, современная нация возникла не на основе общей этнической принадлежности, языка или общего исторического прошлого, но как торжество общего интереса над частным, общественного блага над сословными привилегиями⁹.

Свое дальнейшее развитие концепция нации получила в эпоху либерализма (1830–1880), когда "принцип национальности" коренным образом изменил карту Европы, на которой возникли две великие державы – Италия и Германия, а империя Габсбургов разделилась на Австрию и Венгрию. Каково было место нации в теоретических рассуждениях европейских либералов? Очевидно, что в условиях, когда не всякое государство было нацией и не всякая нация обладала государственностью, главный вопрос был, какие национальности обретут в ближайшем будущем свою государственность и какие государства будут именоваться нациями.

Понятие нации вписывалось в идеологию либерализма в двух аспектах. Во-первых, будучи явлением новым, наций уже одним этим настраивала против себя консерваторов и привлекала либералов, для которых она ассоциировалась с понятиями свободы, равенства и прогресса¹⁰. Во-вторых, в нации видели закономерную ступень на пути эволюции человечества от семьи к племени и далее через провинциальный, региональный и национальный уровни к мировой экономической и политической системе. Поскольку нация была предпоследней ступенью на пути прогресса, то чем большие размеры она принимала, тем ближе была к идеалу¹¹.

В результате принцип национальности оказывался применим не ко всем, а лишь к экономически и культурно "жизнеспособным" сообществам. Во-первых, право на создание нации признавалось только за национальностями

определенного размера. Здесь вступал в силу т. н. "принцип порога", переступить который вряд ли могли надеяться сицилийцы, бретонцы и даже ирландцы. Во-вторых, создание нации рассматривалось исключительно как процесс экспансии, т. е. все национальные движения должны были носить воссоединительный характер. И в самом деле: немцы и итальянцы мечтали о единой Италии и Германии, сербы желали объединиться с хорватами, чехи со словаками, румыны Молдавии – с румынами Валахии и Трансильвании¹².

Обратной стороной принципа "жизнеспособности" наций была уверенность в том, что слабые, малочисленные, иными словами, "нежизнеспособные" нации в один прекрасный день исчезнут с карты Европы. Это не подразумевало никакой враждебности к "малым народам" и даже предполагало, что их языки и культура сохранятся на локальном уровне, в то время как сами они волеются в более крупные национально-государственные образования. Вообще же признавались лишь три критерия, позволявшие с уверенностью классифицировать ту или иную общность как нацию: обладание в настоящем или в недалеком прошлом собственной государственностью, наличие культурной элиты, создавшей "национальный" язык управления и образования, и способность вести завоевательную политику. Прочие кандидаты не исключались априорно, но никто и не утверждал, что у них есть шанс выжить¹³. Так, термин той эпохи "балканизация", означавший распад Османской империи на враждующие друг с другом малые государства, сохранил свое негативное значение и поныне.

Протоционализм народных масс

Поскольку нации, создаваемые главным образом сверху, не могут быть поняты без учета процессов, идущих снизу¹⁴, национализм должно изучать не только, как он видится правительствам, считает историк, но и как понимается простыми людьми, являющимися объектами государственной политики и пропаганды. Хобсбаум признает, что скорее всего нам не дано знать достоверно о мыслях и чувствах простых, в большинстве своем неграмотных людей

былых эпох, тем более что мы не всегда с уверенностью можем сказать, что думают современные мужчины и женщины, на чьи патриотические чувства претендуют права тельства и национальные движения. Тем не менее задача ученого — объяснить, почему и как широкие народные массы оказались охвачены идеей "национального патристизма", столь далекой по сути своей от повседневного опыта большинства людей¹⁵.

Ответ на этот вопрос, считает Хобсбаум, заключается способности государств и национальных движений мобилизовать складывавшиеся веками чувства коллективно принадлежности (протонациональные связи), которые можно использовать на макрополитическом уровне в интересах современных государств и наций. К таким связям вряд ли можно отнести язык или этнос. До наступления эпохи всеобщего начального образования национальный язык существовал лишь как литературный и административный язык правительства и интеллектуальной элиты и имел ничего общего с тем родным языком, который ребенок усваивал от неграмотных родителей. В этом смысле современные национальные языки отнюдь не являются основой национальной культуры и матрицами национального самосознания, как утверждает националистическая пропаганда¹⁶. Тем не менее опосредованно языку предстояло оказаться в центре современного определения нации, ибо, как показал Бенедикт Андерсон, существующий язык господствующего класса, помноженный на мощь территориального государства, печатного слова и системы народного образования, может стать важным инструментом сплочения широких слоев населения¹⁷. Что же касается этноса, то хотя идея общего происхождения, "родства" и "крови" привлекает современный национализм как средство консолидации членов сообщества и исключения чужаков, нации возникают на культурной, а не на биологической основе. И несмотря на то, что общая этническая принадлежность может играть определенную роль в сплочении народностей, живущих на обширной территории, не имеющих своей государственности, в некую "пронацию" (курды, баски), такие этносы не имеют ничего общего с "крестовиной современной нации" — государ

вом, более того, чем сильнее чувство племенной этнической общности, тем враждебнее такие сообщества (пуштуны, берберы) любой форме государственности¹⁸.

Вопрос о роли религии в протонациональном сознании, признает Хобсбаум, наиболее сложный и не поддающийся обобщениям. Главная трудность заключается в том, что в современном сознании религиозный и национальный аспекты часто совмещаются и мы судим о таких нациях, как боснийцы или пакистанцы, *ex post facto*, поэтому остается открытым вопрос было ли, например, создание государства Пакистан результатом национального движения или реакцией на всеиндийское национальное движение, игнорировавшее религиозные чувства мусульман¹⁹.

Важнейшей протонациональной связью, утверждает Хобсбаум, было чувство принадлежности к государственно-политическому образованию, хотя изначально это чувство не владело с равной силой всеми слоями общества и не распространялось на всю территорию современной нации²⁰. Оно поддерживалось с помощью коллективных символов и обрядов, таких как культы святых, почитаемых на территории, которая достаточно велика, чтобы составить нацию; культы королей и императоров, чьи государства совпадали с границами будущей нации; регулярные празднества и соревнования, например, греческие Олимпийские игры; или поклонение святыням, подобным православным иконам²¹.

Несомненно, что эти связи были сильнее у т. н. "исторических наций", чей господствующий класс выработал систему ценностей, включавшую понятия верности государству и нации, как это имело место в Венгрии и Польше, однако и потерявшие свою государственность народы не менее остро ощущали сопричастность "воображенному сообществу", как, например, сербы, которые и в XIX в. хранили память о своем древнем королевстве, павшем под натиском турок, не только в фольклоре, но и в тексте православной литургии. В то же время, предостерегает историк, не следует искать преемственность там, где ее нет: современный сионизм не имеет ничего общего с еврейским протонационализмом²².

Таким образом, протонационализм, как правило, зна-

чительно облегчал дело современного национализма, который охотно использовал чувства и символы принадлежности к государственному образованию для создания нации, хотя эти явления далеко не тождественны и связь между ними весьма опосредована²³.

Правительственная перспектива

Нации возникают на пересечении политики, технического прогресса и глубоких социальных изменений, считает Хобсбаум, поэтому их следует рассматривать не просто как производные современного государства, но в контексте определенной стадии экономического и технического развития²⁴.

С одной стороны, в ходе государственной централизации возрастало влияние государства на граждан через администрацию, полицию, школу и армию. С другой, вследствие расширения избирательного права все больше людей получало (пусть номинально) доступ к политике. В этой связи перед государством стояли две важнейшие задачи: во-первых, выработать такую систему управления обществом, которая наиболее эффективно связала бы государство и простых граждан, сделав последних объектом постоянного контроля со стороны правительства; и во-вторых, обеспечить политическую лояльность граждан государству, поскольку повсюду, где простой человек получал право голоса, правительство уже не могло автоматически рассчитывать на его пассивность²⁵. Стремление государства решить эти задачи, утверждает Хобсбаум, неизбежно вело к тому, что национальность все прочнее связывалась с языком и этнической принадлежностью.

Теперь, когда интересы правительства в дни мира и особенно войны все в большей степени зависели от активного содействия широких слоев населения, оно как никогда ранее нуждалось в патриотизме, не случайно названном Руссо "гражданской религией"²⁶. Соперниками государства в борьбе за умы и сердца граждан были социализм и национализм. У социалистов массы можно было отвоевать путем демократизации общественно-политической жизни. К сожалению, это облегчило правительственную пропаганду

ду времен первой мировой войны, ибо в обращениях воюющих держав к своим народам акцент был сделан именно на защиту гражданских прав от посягательств "агрессоров"²⁷. Что касается национализма, то тут Хобсбаум категорически не согласен с распространившимся в последнее время взглядом на национализм как на продукт модернизации. Историк настаивает, что вне зависимости от того, какую роль национализм играл в процессе государственной модернизации, он противостоял государству как автономная политическая сила.

Чтобы превратить кусок суши, не являющийся одним целым с точки зрения физической географии, в "отечество", правительства включались в процесс массового изобретения патриотических традиций²⁸. Через администрацию, прессу, школу, общественно-политические организации и неформальные объединения правительства насаждали культ гимна и флага, пропагандировали персонифицированные образы родной страны (символ Франции Марианна), возводили памятники, увековечивающие славную "национальную" историю.

Наибольший эффект эта политика имела там, где удавалось подкрепить политическую лояльность граждан символами и чувствами "воображенного сообщества", сделать национализм центральным эмоциональным компонентом гражданского патриотизма. Однако сознательное и целенаправленное "социальное моделирование" не следует рассматривать как чистую манипуляцию сверху. Этот процесс шел успешнее там, где он мог опереться на уже неофициально существующие ксенофобию, шовинизм и мелкобуржуазный национализм. Эти чувства не создавались, а лишь заимствовались, и поэтому могли выйти из-под правительственного контроля, как это случилось в 1914 г. в Великобритании, когда приступ анти-немецкой ксенофобии, захлестнувший страну, вынудил королевскую семью сменить славное династическое имя Гвельф на менее германское Виндзор²⁹. В результате всех этих превращений национализм, возникший в конце XIX в., не имел ничего общего с государственным патриотизмом, ибо был связан уже не со страной, а с ее идеологической конструкцией.

Трансформация национализма

Национализм, который выступил на политическую арену в 80-х гг. XIX в. радикально отличался от национализма эпохи либерализма. Во-первых, ушел в прошлое "принцип порога", и теперь любое сообщество, считающее себя нацией, требовало права на самоопределение, иными словами, создание независимого государства. Во-вторых, в результате резкого роста числа потенциальных "неисторических" наций этнос и язык оказались решающими, а иногда единственными критериями национальной принадлежности³⁰. В-третьих, в уже сложившихся национальных государствах произошел существенный сдвиг вправо в отношении к нации и флагу.

Модернизация системы управления государством и вовлечение в политику широких слоев населения были немыслимы без официального письменного языка, одинаково хорошо понимаемого на всей территории страны, а экономический и научно-технический прогресс требовал уже не просто всеобщей грамотности, но обязательного среднего образования³¹. Правительства, исходя из чисто прагматических соображений, выбирали в качестве "национального" язык, максимально облегчавший общение между жителями страны. Возникшая таким образом связь с национальной принадлежностью неизбежно превращала лингвистический национализм, утверждавший, что язык это душа нации, в политическую силу.

В основе лингвистического национализма лежали вопросы власти, социального статуса, политики и идеологии, а никак не проблемы общения или культуры. Камнем преткновения был язык управления и образования, поэтому наибольший интерес к лингвистическому национализму проявляли те, чьи интересы непосредственно соприкасались с официальным употреблением письменного языка — незаметные мелкие буржуа (провинциальные журналисты, школьные учителя, чиновники), занимавшие свои позиции исключительно благодаря образованию. Язык, помимо прочего, был для них единственным капиталом, требовавшим выгодного вложения. Для того, чтобы обеспечить свои позиции, эти социальные группы нуждались в поддержке госу-

дарства³², и если они еще не располагали таковым, то борьба за национальную независимость сулила в будущем гарантии высокого положения, которого они так добивались.

Эволюция мелкой буржуазии по направлению к национализму происходила на фоне массовых миграций второй половины XIX в. и складывания новых классов и социальных групп в быстро капитализирующихся странах. Защита языка начинает символизировать защиту старых общественных устоев и традиций от губительного влияния модернизации и безбожного иммигрантского социализма. Именно поэтому национализм из идеологии, связанной с либерализмом и политическим радикализмом, превращается в крайне правое движение, враждебное социализму и зараженное шовинизмом и ксенофобией.

Однако было бы ошибкой придерживаться традиционной точки зрения, что националистический и социалистический призывы взаимно исключали друг друга. Групповое самосознание не обувь, напоминает Хобсбаум, выбирая которую знаешь, что одновременно сможешь носить лишь одну пару. В умах людей той эпохи спокойно уживались вера в Бога и в торжество социалистической идеи, а рабочие партии часто включали в свои программы националистические лозунги³³. Уже сам факт, что соперничавшие между собой национализм, социализм и различные религиозные движения вели борьбу за одни и те же массы, свидетельствует о потенциальной готовности аудитории откликнуться на любой из этих призывов³⁴. Поэтому если в канун первой мировой войны казалось, что национализм в воюющих державах восторжествовал над прочими социально-политическими движениями, то в 1917 г. революция в России поставила под вопрос безоговорочную победу национализма, а в 1919 г. он восторжествовал в той мере, в какой политические движения, отражавшие подлинные нужды и чаяния простого народа, потерпели поражение в 1918-м.

1918—1950: апогей национализма

Ничто не могло с такой ясностью продемонстрировать несостоятельность национализма, как "триумф принципа национальности" в межвоенной Европе. Абсурдное стремление авторов Версальского мирного договора совместить

территориальные и национальные границы не увенчалось успехом: практически все вновь созданные государства оказались этнически неоднородны. Попутно выяснилось, что национализм малых народов не менее нетерпим к национальным меньшинствам, чем "великодержавный шовинизм", а национальное самосознание индивидов не всегда совпадает с идеологией, проповедуемой лидерами национальных движений: часть поляков осталась жить в Германии, а часть словенцев предпочла Австрию Югославии³⁵. С претворением в жизнь принципа национальности национализм лишился своей освободительной и интегрирующей миссии: "освободить" оставалось лишь своих собратьев, оказавшихся национальными меньшинствами в соседних странах, а "интеграция" была единственно возможна путем внутренней или внешней экспансии. В результате, над вильсоновской Европой, пишет Хобсбаум, довлел ирредентизм вновь созданных национальных государств³⁶.

В проигравших войну странах крайне правые силы смогли легко мобилизовать население под фашистские знамена, объяснив, что во всех бедах виноваты внешние враги и предатели внутри страны. Однако, предостерегает Хобсбаум, не следует смешивать национализм государств и правых движений, подменяющий собой все прочие формы общественно-политического сознания, со сложным комплексом национально-гражданских чувств, в котором национальное и социальное неразрывно связаны³⁷. Если допустить, что классовое чувство имеет национальное измерение, в то время как у этнического сознания есть социальное, станет ясно, почему антифашизм был одновременно движением за национальное освобождение и социальное обновление³⁸.

Политическая риторика правых сил, дискредитированных открытым сотрудничеством с фашистами или ставкой на Гитлера в борьбе с большевизмом, вышла из употребления почти на целое поколение, поэтому с 30-х по 70-е гг., пишет Хобсбаум, в национально-освободительном движении доминировали левые теории, и особенно коминтерновский марксизм. Связь национализма с левым радикализмом укрепилась в годы антиимпериалистической борьбы в колониальных странах. Любые общественные движения независимости и деколонизации, особенно после 1945 г., безусловно ассоциировали себя с социализмом (коммунизмом) и антиимпериализмом.

Лишь в 70-е гг. восстанавливается альянс национализма и правых сил. На Западе национальная агитация, направленная против коммунистических режимов, вновь обретает прежние, более простые и привычные формы, а в странах "третьего мира" рост религиозного интегрализма создает благоприятную почву для революционного национализма и национальных репрессий³⁹.

Национализм в конце XX века

На первый взгляд принцип национальности восторжествовал: все государства на планете сегодня официально именуется "нациями", все освободительные движения стремятся быть национально-освободительными, а "национальная" агитация потрясает основы старейших национальных государств. И все-таки, несмотря на свой неоспоримый успех, считает Хобсбаум, национализм сегодня менее значим. Он перестает быть "столбовой дорогой цивилизации", как это было в XIX–XX вв.⁴⁰.

Мировая история не может более быть привязана к нациям и национальным государствам ни экономически, ни политически, ни культурно. Международное разделение труда, рост транснациональных корпораций и беспрецедентный масштаб миграций последних десятилетий вывели экономические процессы из-под контроля национальных правительств. Политически мир еще в 1945 г. превратился в биполярную систему, в которой доминировали две супердержавы, и нет никаких оснований считать, что в будущем перераспределение власти произойдет в пользу национальных государств. Наконец, национальные культуры под натиском интернационализировавшихся средств массовой информации все больше отступают на региональный уровень. Поэтому каким бы сильным эмоциональным накалом не обладал национализм, он ничто без создания государства, а сегодня мир таких государств не является осуществимым проектом.

Это дает Хобсбауму основания утверждать, что национальные государства и нации постепенно уступают место новым наднациональным формам социальной организации. Абсурдно утверждать, что этот день не за горами, заклю-

чает Хобсбаум, однако сам факт, что историки начинают делать некоторый прогресс в изучении наций и национализма, свидетельствует, что изучаемое явление пережил свой расцвет. Сова, символ мудрости, появляется в темноте, и это добрый знак, что теперь она кружит над нациями и национализмом⁴¹.

Подход Хобсбаума к проблеме наций и национализм не дает убедительного ответа на вопрос, почему же инь социальные связи не могут сравниться по притягательности с чувством принадлежности к "воображенному сообществу". Если нация "изобретена" и "сконструирована" справедливо возражает Энтони Смит, почему эта "фабрикация" пережила столько превратностей и приспособилась к столь непохожим условиям?⁴² Связывая нацию исключительно с эпохой модернизации, считая ее продуктом капиталистического развития, историки не избавляют себя от труда вновь и вновь возвращаться к прошлому и к тому, как ощущается связь с этническим прошлым. Даже если нация была придумана, то сам факт, что этот процесс шел веками, если не тысячелетиями и что многие этносы, меняясь сохраняли узнаваемые черты, свидетельствует о том, что мы не можем игнорировать наличие и влияние протонациональных общностей на современный национализм. Только более пристальное внимание к социальным и культурным корням национализма (не сводимым единственно к чувству принадлежности к государственному образованию) способно объяснить, почему до сих пор столько людей отождествляет себя с той или иной нацией. Новые исследования, и сам ход истории покажут, кто прав в споре, на что похоже облако-национализм, и растает ли оно, как это предвещает Эрик Хобсбаум.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. The Invention of Tradition / Ed. by E. J. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, 1983.

2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. Lond., 1983 (1 st ed.); 1991 (2 nd ed.).

3. Hobsbawm E. J. Some Reflections on "The Break-up of Britain" // *New Left Review*. No. 105. Sept-Oct. 1977. P. 10.

4. Idem. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambr., 1990. P. 12-13.

5. В 1985 г. по приглашению Queen's University г. Белфаста (Северная Ирландия) Хобсбаум прочел четыре лекции о национализме, текст которых, учтя результаты дискуссии, он в 1990 г. переработал в книгу "Нации и национализм после 1780 года".

6. Idem. *Some Reflections*, P. 3.

7. Под "национализмом" Хобсбаум вслед за Эрнстом Геллнером понимает принцип, гласящий, что политические и национальные общности должны совпадать. См. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxf., 1983. P. 1.

8. Hobsbawm E. J. *Nations and Nationalism*. P. 9-10.

9. Ibid. P. 20.

10. Ibid. P. 40.

11. Ibid. P. 31.

12. Ibid. P. 31-33.

13. Ibid. P. 38.

14. Основной недостаток книги Э. Геллнера "Нации и национализм", по мнению Хобсбаума, состоит в том, что автор предпочел "перспективу сверху", оставив без внимания процессы, происходящие "внизу". Ibid. P. 10-11.

15. Ibid. P. 46.

16. Ibid. P. 54.

17. Anderson B. *Op. cit.* P. 46-49.

18. Hobsbawm E. J. *Op. cit.* P. 63, 64.

19. Ibid. P. 70.

20. Ibid. P. 73.

21. Ibid. P. 71-72.

22. Ibid. P. 76.

23. Ibid. P. 77.

24. Ibid. P. 10.

25. Ibid. P. 81-82.

26. Ibid. P. 85.

27. Ibid. P. 89.

28. Подробнее об изобретении государственных традиций во Франции и Германии см. Hobsbawm E. J. *Mass-Producing Traditions: Europe, 1870-1914 // The Invention of Tradition*. P. 263-308.

29. Ibid. P. 93.

30. Историки порой забывают, что вопрос о языке длительное время волновал лишь интеллектуалов и оказался включенным в программы национальных движений довольно поздно. В первой половине XIX в. политические амбиции поляков не основывались на принципе языка, а лингвистическое движение в Чехии не ставило вопрос о национальном самоопределении. Лишь в 80-х гг. (и не ранее), как это показал Мирослав Грох, национализм обретает некоторую массовую поддержку, которую он всегда приписывал себе. Ibid. P. 12, 104.

31. Ibid. P. 94.

32. Ibid. P. 113. Как без поддержки государства финский язык смог бы стать языком среднего и даже высшего образования, в то время как и в

конце XIX в. финская интеллигенция предпочитала шведский родному языку.

33. Ibid. P. 123. Хобсбаум напоминает, что социалистические партии Финляндии, Польши, Грузии и Армении сыграли существенную роль в деле провозглашения независимости в своих странах.

34. Ibid. P. 124.

35. Ibid. P. 134.

36. Ibid. P. 143.

37. Ibid. P. 145.

38. Ibid. P. 147. В 1945 г. на выборах в Великобритании лейбористы одержали победу над консерваторами, потому что обе партии выступали против фашизма, и лишь одна была за социальные реформы.

39. Ibid. P. 150.

40. Ibid. P. 163–164.

41. Ibid. P. 183.

42. Smith A. D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. XXXIII. 1–2 (1992). P. 72.

БЕНЕДИКТ АНДЕРСОН: НАЦИОНАЛИЗМ КАК КУЛЬТУРНАЯ СИСТЕМА

Б. Андерсон (род. в 1936) – ирландец, учившийся и работающий в Англии. По образованию он филолог, специалист по культуре Индонезии. Книга "Воображенные сообщества. Размышления о происхождении и распространении национализма"^{1*} выдержала уже 7 изданий (последнее переработано и дополнено двумя новыми главами) и заслуженно принесла ему широкую известность. Подзаголовок (Размышления...) весьма точно отражает стиль изложения, не претендующего на строгую систематичность и законченность, тем не менее, книга Андерсона входит в число наиболее оригинальных и влиятельных теоретических исследований проблемы национализма.

Отправная точка рассуждений автора – констатация бесплодности марксистских и либеральных интерпретаций национализма и заявление о необходимости "коперниковского" переворота в подходе к этому феномену. Как можно предположить, Андерсон видит такой переворот в своем предложении трактовать национализм как "культурный артефакт" особого рода (С. 13). Андерсон связывает национализм в первую очередь не с рационализированными политическими идеологиями, но с "большими культурными системами, которые ему предшествовали, из которых и против которых он возник" (С. 19). Иными словами, национализм стоит в ряду с такими явлениями, как религиозная общность и династический принцип государственного устройства, а не с марксизмом или либерализмом (С. 20).

Андерсон определяет нацию как "воображенное политическое сообщество, которое обладает такими неотъемлемыми качествами, как обособленность и суверенность"

* Ссылки на эту книгу далее даются в тексте статьи указанием номера страницы в скобках.

(С. 15). Обособленность потому, что ни одна, даже самая большая нация не воображает себя как охватывающая все человечество. У нации всегда есть границы, за которыми лежат другие нации, и это положение воспринимается как неизбывное. Суверенность потому, что эта концепция рождается в эпоху Просвещения, когда прежние источники легитимности рушатся, а на смену им приходит именно нация как суверен. Нация была осознана как сообщество, поскольку идея общности национальных интересов, идея национального братства преобладает в этой концепции над любыми признаками неравенства и эксплуатации внутри этого сообщества.

Андерсон явно опасался возможности неверной интерпретации этого введенного им термина – "воображенное сообщество" – и снабдил его обстоятельным комментарием. Опасения были не лишними: во многих откликах и рецензиях на эту книгу термин интерпретируется неверно, поэтому стоит подробно изложить трактовку автора. Андерсон называет "воображенными" все сообщества, члены которых не знают и не могут знать лично или даже "понаслышке" большинства других его членов, однако имеют представление о таком сообществе, его образ. "Воображенный" характер таких сообществ вовсе не свидетельствует, с этой точки зрения, об их ложности или "второсортности". Крупные сообщества следует, по Андерсону, классифицировать не по их подлинности или ложности, а по способу, стилю, в котором они были воображены. Свой тезис о том, что способы воображения сообщества могут меняться, Андерсон иллюстрирует примером аристократии, которая стала восприниматься как класс и часть общества лишь в XIX в., а прежде осознавалась через категории родства и вассалитета.

В этом отношении подход Андерсона принципиально отличен от подхода Геллнера, для которого тезис о том, что национализм изобретает нации, а не наоборот, так важен во многом именно потому, что подкрепляет идею об "искусственности", а значит второсортности и ложности наций как сообществ.

Основная часть исследования Андерсона посвящена, по его собственному определению, "описанию процесса,

благодаря которому нация (как концепция. — А. М.) может быть воображена и, будучи однажды воображенной, затем моделируема, адаптируема и трансформируема" (С. 129), то есть применяется с разной степенью осознанности в весьма различных социальных ситуациях и в весьма различных политических и идеологических сочетаниях. Такая постановка проблемы оказывается весьма плодотворной. Она концентрирует внимание именно на тех чертах исследуемого феномена, которые остаются "темной стороной луны" при подходе, предложенном Э. Геллнером в книге "Нации и национализм", опубликованной в том же 1983 г., что книга Андерсона. (Мне вообще кажется, что полезно чтение этих книг "в паре", и было бы весьма уместно издать их под одной обложкой. Жаль, что авторы никогда на это не согласятся.)

Во-первых, в рамках подхода, предложенного Андерсоном, меняется оптика — его в первую очередь интересует не то, какие социальные и политические изменения "запустили" процесс формирования наций в конце XVIII в., а то, какие черты общественной жизни сделали в это время возможным "вообразить" или, как сказали бы русские переводчики немецких философов, "помыслить" нацию. В книге Андерсона нет понятия дискурс, но, если воспользоваться этой категорией М. Фуко, то будет справедливо сказать, что его исследование в основном посвящено выяснению того, как и когда националистический дискурс сформировался и стал доминирующим.

Во-вторых, внимание концентрируется на комплексе идей и представлений, символов и мифов, которые составляют национализм как культурную систему. При этом Андерсон предостерегает от применения к национализму тех неадекватных для него критериев, с которыми мы подходим к анализу идеологий. В частности, он указывает на то, что марксизм и либерализм вовсе не занимаются проблемами смерти и бессмертия, которые так важны для национализма (С. 18). Между прочим, если вспомнить сочинения Андрея Платонова, прежде всего "Котлован", то описываемый им феномен явно принадлежит не идеологии, а тому типу культурных систем, к которому Андерсон относит национализм.

Наконец, подчеркивая "модульный" характер этой системы, Андерсон указывает на проблему заимствований и имитации как на одну из центральных для исследователя национализма.

Рассматривая национализм как культурную систему, приходящую на смену религиозному и династическому принципу, Андерсон датирует начало этого процесса XVI-XVII вв. В XVI в. начинается кризис латыни как священного языка, объединявшего пан-европейский высший интеллектуальный слой. С 1575 г. число книг, издаваемых ежегодно в Париже по-французски неизменно превышало число книг, изданных на латыни. Радикальность перемен можно оценить, имея ввиду, что в 1501 г. 80 из 88 парижских изданий были на латыни. Начиная с XVII в., с казни Карла I Стюарта в 1649 г., династический порядок, а вернее его божественная легитимность, также подвергается эрозии.

Но постепенный упадок священных сообществ, языков и порядков преемственности не исчерпывает особенностей ситуации, в которой рождается националистический дискурс. С точки зрения Андерсона, важное значение имело также изменение концепции времени. Совершенно иначе, чем в средневековье, оно стало восприниматься как "пустое и гомогенное", измеряемое с помощью часов и календаря. Прежде одновременность осознавалась главным образом как присутствие в настоящем прошлого и будущего, что так ярко проявлялось в присутствии современных художнику персонажей, интерьеров и костюмов при изображении евангельских сцен. Теперь же одновременность предполагала временной срез, осмысление событий, происходивших в одно и то же время, но прямо между собой не связанных. "Образ социального организма,двигающегося сквозь гомогенное, пустое время, является точным аналогом идеи нации, которая также понимается как единая общность, равномерно движущаяся сквозь историю", — пишет Андерсон. Член такой общности не имеет представления о том, чем занято большинство ее членов в тот или иной момент, но у него есть ясный образ этой общей одновременной анонимной активности (С. 31). Филолог Андерсон очень тонко и с видимым удовольствием анализирует, как отразилось такое понимание времени

в новом литературном жанре реалистического романа (С. 32–40).

Одной из важнейших предпосылок распространения и утверждения националистического дискурса Андерсон считает развитие, начиная с XV в., печатного капитализма. Ссылаясь на данные Л. Февра и А.-Ж. Мартена (2), он указывает, что уже к 1500 г. в мире было напечатано около двадцати миллионов томов, а к 1600 г. это число возросло в 10 раз. Книгоиздание превратилось в крупное капиталистическое производство с весьма развитой инфраструктурой задолго до индустриальной революции. Низкая емкость латиноязычного рынка печатной продукции уже с XVI в. подтолкнула издателей к переходу в основном на дешевые издания на местных языках (С. 40–42). Языковые различия оказались непреодолимы для капиталистической унификации и интернационализации, так что до сих пор в мире нет транснациональных (точнее – трансязыковых) гигантов в области печатной индустрии (С. 46).

Андерсон выделяет также два других фактора, способствовавших эмансипации местных языков – Реформацию и утверждение определенных диалектов в качестве инструментов административной централизации будущих абсолютных монархий. Все три процесса были взаимосвязаны, и Андерсон говорит о "коалиции Реформации и печатного капитализма" (С. 44).

Печатные языки положили основу национального самосознания (С. 47). Андерсон выделяет три составляющих этого процесса. Во-первых, благодаря печати языки обрели фиксацию и стабильность, стали более эффективным средством "связи времен". Язык XII в. было мало понятен в веке XV, но уже к XVII столетию западноевропейские языки в основном обрели стандартизированные формы. Во-вторых, те местные наречия, которые не стали печатными языками, теряли свой статус в сравнении с теми, которым "повезло", становясь лишь их разговорными диалектами. Наконец, особое значение Андерсон придает появлению газет. Само чтение одной и той же газеты (газёт) в одно и то же время определенной группой людей формирует их представление об общности. Гегель не случайно говорил, что чтение газет заменило современному человеку утреннюю

молитву – сравнение емкое, отражающее церемониальную важность и массовость действия. "Можно ли представить более яркий образ секуляризованного, заключенного в историческом времени воображаемого сообщества?" (С. 39). Нужно отметить, что эта общность усиливается и тем, что читатели газет объединяются выбором информации, которую они получают. Здесь существует очевидная взаимозависимость – газеты пишут о том, что читателю интересно, но одновременно и формируют его интересы выбором информации.

Особое внимание Андерсон уделяет формированию национальных государств в американских владениях испанской короны (С. 50–65). Этот пример так для него важен потому что позволяет показать, что здесь ни экономические интересы, ни либерализм, ни Просвещение, ни культурные и языковые различия не играли принципиальной роли. В качестве решающих факторов он выделяет здесь два – ограничение мобильности креольского чиновничества границами провинций, которые затем и оформились в национальные государства, и деятельностью местных издателей, газеты которых формировали образ таких провинций как самодостаточного целого. Этот тип развития национализма Андерсон называет креольским, подчеркивая доминирующую роль этого довольно узкого слоя, страдавшего от дискриминации со стороны метрополии и, с другой стороны, отделенного социальной и культурной пропастью от основной массы местного, этнически отличного населения.

Если сравнить подход Андерсона с концепцией Геллнера, то можно выделить существенные отличия. Во-первых он прослеживает процесс формирования националистического дискурса с заметно более раннего времени и в непосредственной связи с индустриальной революцией. (Развитие печатного капитализма ей предшествует.) Во-вторых, он делает акцент не на развитии массового образования, а на начавшемся ранее развитии социальных коммуникаций (рынок печатной продукции, административная централизация), и в этом предстает как более последовательный сторонник концепции К. Дойча.

В отличие от Геллнера, писавшего о "часовых поясах".

в которых по-разному срабатывает единый механизм национализма, Андерсон предпочитает говорить о "волнах" национализма, Андерсон предпочитает говорить о "волнах" национализма (С. 104), сосредоточивая внимание на их отличиях. Третьей, после западноевропейской и креольской, была, по Андерсону, волна "лексикографических революций" (С. 70) в Европе XIX в. Важным рубежом стала первая мировая война, после которой национальное государство утверждается как норма международной жизни: не случайно Лига Наций носила именно такое название. Следующая волна – распад заморских колониальных империй после второй мировой войны – имела, с точки зрения Андерсона, много общего с "креольским" вариантом по своим движущим силам, мотивации поведения националистических элит и способу "воображения" нации.

Нетрудно заметить, что в этой периодизации главным критерием является именно эволюция способа "воображения" нации и распространение националистического дискурса. Процесс индустриализации, заявленный Геллнером как главный критерий, и политическое развитие, ставшее в его периодизации таким критерием на самом деле, для Андерсона предстают в ряду других дополняющих факторов, так что в выстраивании своей периодизации Андерсон остается верен изначально сформулированному подходу.

Особенно интересующий нас с точки зрения задач этого сборника раздел книги Андерсона, посвященный национализму в Европе XIX в., не принадлежит к числу наиболее удачных. Книга вообще неровная, информация нередко, в том числе и при написании обсуждаемых 5-й и 6-й глав книги, черпалась автором из не всегда удачно выбранных компендиумов. Отсюда многочисленные неточности. Однако ряд наблюдений Андерсона представляет несомненный интерес.

Андерсон выделяет две, с его точки зрения главные, особенности этой волны национализма. Прежде всего, и это очень важный тезис, доступность готовых образцов, моделей уже на самых ранних этапах развития националистических движений в Европе XIX в. "Нация", таким образом, изначально была в этом случае осознанным проектом, а не постепенно формировавшейся концепцией; как

это было свойственно более ранним волнам национализма С. 66). Отсюда особая роль имитации и сознательного политического и культурного действия, что позволяет говорить более о строительстве нации (nation-building), чем о по-преимуществу стихийном формировании нации (nation-formation). Заметим, что многие авторы, пишущие по-английски, проводят такое разграничение, а также используют термин "nation-creation", который приблизительно можно перевести как "создание нации", для обозначения совокупности процессов, отраженных двумя первыми понятиями. С этой точки зрения обычно выделяемые как особые типы германская и итальянская модель, с одной стороны, и восточноевропейский вариант национализма, с другой, могут быть отнесены к общей категории или "волне".

Второй особенностью этой волны была центральная идеологическая и политическая роль "национальных печатных языков" (С. 66), что, собственно, и побудило Андерсона назвать эти движения "лексикографическими революциями". Андерсон дает подробный анализ роли словаря в этих революциях. На роль символа эпохи мог бы претендовать, по его мнению, моноязычный, толковый словарь, который Андерсон сравнивает с переписью имущества, словно бы закрепляющей "частную собственность" на определенный язык той или иной этнической группы (С. 69-73). Весьма остроумно его замечание о роли двуязычных словарей как инструмента эмасипации: в рамках такого словаря чешский и немецкий, например, языки были равны, хотя в реальной жизни дело обстояло далеко не так (С. 69). Продолжая тему печатного капитализма, Андерсон рассуждает также о проблеме потребителя, рынка печатной продукции на эмансипирующихся языках (С. 73-75). Здесь, как представляется, он преувеличивает капиталистический интерес — мы знаем, что многие издания на первых порах были убыточны и часто датировались, что, кстати, вполне соответствует логике самого Андерсона, подчеркивающего роль осознанного проекта в развитии "лексикографических революций".

Андерсону не удалось сказать что-либо примечательное о национализме "малых", если воспользоваться тер-

минологией М. Гроха, народов Центральной и Восточной Европы – он явно слабо владеет этим материалом. Зато большой интерес представляет глава 6, посвященная "официальному" национализму. Этим заимствованным у Х. Ситона-Уотсона (С. 82) термином Андерсон обозначает национализм господствующих наций континентальных европейских и евроазиатских империй: русских, австрийских немцев, венгров и турок. Формирование "официального" национализма Андерсон описывает как реактивное, запаздывающее по сравнению с национализмом подчиненных наций империи, который, будучи сам моделируемым по предшествовавшим образцам, в свою очередь служит катализатором процесса у имперских наций (С. 83). Заметим, что на следующем витке уже "официальный" национализм, практики которого Андерсон как именем нарицательным обозначает словом "руссификация", дает дополнительные импульсы развитию национализма подчиненных народов, в том числе и затрудняя центростремительную мобильность элит национальных меньшинств.

Запаздывание официального национализма было обусловлено также затянувшимся нежеланием правящих династий признать, что божественный источник их легитимности в XIX в. все больше иссякал. "Натурализация" династий фактически означала для них признание неудачи в попытках сохранить свой наднациональный, "истинно имперский" характер. К принятию политики "официального" национализма династии подталкивали с середины XIX в. слои, изначально стоявшие в оппозиции националистическому дискурсу (аристократия, имперская бюрократия), но позднее испугавшиеся возможности своего исключения или маргинализации в рамках воображенного национального сообщества (С. 102)³.

Идеи Андерсона, касающиеся развития национализма в империях XIX и XX вв., имеют весьма широкий отклик у специалистов. Так, свое исследование "официального" национализма в Османской империи С. Дерингиль строит как case-study, то есть во многом как проверку модели Андерсона на конкретном материале⁴. В свою очередь, получившая широкую известность работа А. Мотыля, предложившего подробно разработанную детерминистскую мо-

дель распада империй⁵, также развивает тезисы Андерсона о механизме возникновения и эмансипации региональных элит и центров власти в больших, точнее слишком больших, имперских государствах (С. 127).

Важной особенностью работы Андерсона является то, что по сравнению с другими западными теоретиками он менее всего привержен ироническому, снисходительному порой уничижительному тону рассуждений о национализме, который так характерен, например, для Хобсбаума или Геллнера. Это логически вытекает из главного тезиса Андерсона, с которым трудно не согласиться: мы живем в эпоху доминирования националистического дискурса.

Но порой Андерсону свойственен скорее тон адвоката, который особенно чувствуется в главе "Патриотизм и реализм". Андерсон резко противопоставляет эти категории, подчеркивая, что в национализме (патриотизме) "элемент ненависти играет на удивление незначительную роль в выражении национального чувства" (С. 129). Не ненависть образ врага, но самопожертвование и любовь составляют основу националистических эмоций, — говорит Андерсон, ссылаясь в доказательство на разнообразную культурную продукцию национализма (С. 129–132). Андерсон отмечает, что язык, описывающий эти политические эмоции, указывает на близость этих чувств к чувствам семейной любви, преданности (Отечество, Родина, etc.). Особенность таких эмоций — это "естественность", природная предопределенность. Один из главных постулатов националистического дискурса — и здесь Андерсон прав — состоит в том, что свою национальную принадлежность не выбирают. Верность нации, как и верность семье, в идеале предполагает жертвенность, отсутствие личной корысти. (Андерсон отмечает здесь некоторое сходство националистического марксистского дискурсов (С. 132).) "Смерть за Родину, которую не выбирают, предполагает моральное величие, несравнимое со смертью за лейбористскую партию, Американскую ассоциацию врачей или даже Международную Амнистию, присоединиться к которым или выйти из которых вы можете без труда по первому желанию", — пишет Андерсон (С. 132), выступая, кажется, в этот момент

большей степени как участник националистического дискурса, чем как его аналитик.

Заметим в заключение, что если подойти к книге Андерсона с точки зрения того, чего в ней нет, то оценка этой работы была бы весьма критичной. Но Андерсон не декларировал в качестве своей задачи построение целостной модели, в то время как заявленное стремление предложить новые подходы к исследуемому феномену по прочтении книги представляется во многом обоснованным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London. New York. 1983.

2. Febvre L., Martin H.-J. *The Coming of the Book. The Impact of Printing, 1450–1800*. London, 1976. Французское издание: *L'Apparition du Livre*. Paris, 1958.

3. Таким образом, В. Коротева ошибается, когда противопоставляет взгляды Андерсона и Брейи на механизм возникновения "официального" национализма. См. с. 31 этого сборника.

4. S. Deringil. *The Invention of Tradition as Public Image in the Late Ottoman Empire, 1808–1908*. *Comparative Studies in Society and History*. Vol. 35. N 1. January 1993. P. 3–29.

5. Motyl A. J. *From Imperial Decay to Imperial Collapse: The Fall of the Soviet Empire in Comparative Perspective*. In: Rudolph R. L., Good D. F. (eds.) *Nationalism and Empire*. New York, 1992. P. 15–43.

6. Интересно, связано ли это обстоятельство с ирландским происхождением Андерсона? ✓

МИРОСЛАВ ГРОХ: ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ МАЛЫХ НАРОДОВ

Концепция нации, национализма и национальных движений современного чешского историка М. Гроха прошла несколько этапов становления и развития. Начало ее разработки относится к 1961 г.¹; первые итоги были подведены в монографиях 1968 и 1971 гг.², и, наконец, проблема "национальные движения и буржуазные революции" рассматривалась в монографии 1981 г.³ В наиболее полном и развернутом виде эта концепция предстала в работе 1985 г.⁴ — исправленной, переработанной и дополненной публикации, обобщающей аналитический и статистический материал из книги 1968 г. и фактические сведения по истории отдельных наций — из исследования 1971 г. По выражению Э. Хобсбаума, именно монография 1985 г. открыла "новую эру в изучении национально-освободительных движений"⁵.

Все перечисленные труды основаны на компаративном принципе; во всех были широко использованы биографический и количественный методы, в первую очередь — для макроанализа социальной структуры⁶. По своему появлению эти книги вызвали обширные отклики, как правило, дискуссионного характера. При этом позиции критиков⁷, бесспорно признававших фундаментальный характер и стимулирующую роль исследований Гроха, варьировались в довольно широком диапазоне — от "ортодоксально марксистской", ставившей в вину Гроху недостаток марксизма⁸, до "государственно-культурологической", упрекавшей его в попытке сочетать два "великих мифа XIX и XX веков" — марксизм и национализм⁹.

Основу концепции Гроха составляет трактовка нации как "компонента социальной действительности, имеющего историческое происхождение"¹⁰. Это объективистское понимание расходится с позицией многих крупных теоретиков национализма, в частности, Х. Кона и его последователей, считающих национализм первичным, формирующим

фактором, а нацию – его производной, продуктом национального сознания, национализма, национальной воли и национального духа¹¹. Бóльшая открытость другим факторам общественного и экономического развития отличает работу немецкого историка Е. Лемберга, хотя основная посылка остается той же, что и у Кона. По Лембергу, объективные отношения играли определенную роль в формировании нации, занимая при этом второе место после национализма, "идей, которые создали нацию"¹². Эта теория в 60–70-е гг. была поддержана рядом историков из Восточной Европы¹³.

Интерпретация нации как "реально существующего феномена, выражающего себя в националистических движениях", в корне расходится также с концепцией другого теоретика национализма – Э. Геллнера, считающего, что нации не существуют "в реальности", а возникают как особая форма соединения культуры и государства, возможная при определенных исторических условиях¹⁴.

Итак, Грох определяет нацию как "большую социальную группу, характеризуемую комбинацией различных типов отношений (экономических, территориальных, политических, религиозных, культурных, лингвистических и т. п.), которые возникают, с одной стороны, из решения фундаментального противоречия между человеком и природой на определенной компактной территории, с другой стороны, – из отражения этих отношений в сознании людей"¹⁵.

Признавая важнейшую роль экономических отношений в процессе формирования нации, Грох в то же время предостерегает от трактовки "развития отношений обмена и национального рынка" в качестве единственной причины формирования современной нации. По его мнению, "экономическое развитие определило скорее природу составных частей, из которых сформировалась нация; форма же ее, с другой стороны, была обусловлена территориальными, лингвистическими и политическими отношениями"¹⁶. Таким образом, важнейшими факторами образования нации являются комбинации (сочетаемость) и роль различных типов общественных отношений, вписанных в определенный экономический контекст.

Особую роль среди нациообразующих факторов играло

национальное сознание, трактовка которого у Гроха является последовательно материалистической. Поскольку осознание национальной идентичности являлось отражением объективных отношений между людьми, этот процесс у больших и малых наций шел по-разному: если в первом случае он распространялся на все более и более широкие слои населения, у которого с национальной точки зрения была единственная возможность выбора, то у угнетенных национальностей преобразование феодального общества в капиталистическое открывало два или более альтернативных пути эволюции национального сознания. У правящих наций процесс национальной самоидентификации развивался параллельно с борьбой против старого правящего класса, состоящего из представителей той же национальности, в силу чего этот процесс представлял собой органическую часть преобразования общества и буржуазной революции. Однако это не означало, что он обязательно включал элементы революционной идеологии. Гораздо более сложным было положение малых наций, которые также выступали в своем национальном движении против феодальной идеологии и старого общества, но одновременно вступили в конфликт с новой правящей нацией¹⁷.

В общем контексте концепции Гроха проблема национального сознания делится на две: во-первых, как объективные отношения, в которые был включен индивидуум, влияли на осознание им принадлежности к определенной нации и, во-вторых, при каких условиях осуществлялся переход от простого осознания национальной идентичности к активному национальному сознанию — патриотизму, считавшему принадлежность к нации бесспорной ценностью¹⁸.

Не всякая угнетенная национальность сформировалась как нация, "пробужденная" к национальной жизни. Субъективно эта неудача проявилась в нераспространении национального сознания среди достаточно многочисленной группы представителей данной национальности. Все большее утверждение отношений, рассматриваемых в качестве определяющих для появления нации, должно было вызвать соответствующую реакцию в сознании людей, объединенных этими отношениями. Почему этого не произошло?

По мнению Гроха, при анализе причин этого явления не следует рассматривать степень распространения патриотических позиций среди угнетенных национальностей в качестве решающего и наиболее важного фактора возникновения нации, так как национальное сознание являлось продуктом взаимодействия объективных (всеобщих) и субъективных факторов. Под первыми понимаются объективные отношения в обществе, под вторыми – условия существования самого национального сознания, в том числе – "национальная идея", ее распространение через образование и другие формы национальной пропаганды. Наряду с идеологическим (в узком смысле слова) содержанием национального сознания важное значение для успешности его становления имели характер материальных интересов, которые способствовали росту общественной значимости патриотизма, и источники интеллектуального содержания общественного сознания, которые, по Гроху, также лежали в сфере материальных интересов. Поэтому национальная идеология оказывалась эффективной тогда, когда отражала (пусть даже в чисто иллюзорном виде) интересы тех групп, к которым она была обращена, или же, по меньшей мере, хотя бы частично включала программные положения, близкие интересам этих групп¹⁹ (выделено мной. – М. Б.).

Формирование современной нации как составляющая общественных преобразований во время перехода от феодального сословного к капиталистическому гражданскому обществу, шло по двум основным направлениям, которые определялись различными "исходными" ситуациями.

В первом случае ("правлящей" или "великой" нации), как это было во Франции, Англии, Испании, Германии, Дании и ряде других стран, новый класс, т. е. "третье сословие", выступал против старого правящего класса феодалов и раньше или позже провозглашал себя представителем всей нации. Тем самым третье сословие фактически отождествляло себя с нацией, в которую оно включало всех формально равных индивидуумов, т. е. всех граждан. В этом новом обществе граждан, организованном как нация, национальное сознание и патриотизм становились элементами сознания общественного.

Во втором случае становление буржуазного общества отнюдь не шло строго параллельно движению к "национальному существованию". Здесь старый правящий класс был заменен буржуазией (или же сам превратился в таковую), этнически не идентичной населению соответствующего политического образования. Таким образом, на территории последнего начинало развиваться национальное движение, направленное не только против *ancien régime* и прежних правящих классов, но и против нового правящего класса, отличного этнически от местного населения. Эта модель формирования современной нации реализовывалась теми национальностями, которые во время их преобразования в современные нации, во-первых, не имели своего собственного правящего класса, принадлежавшего к ним этнически, а управлялись представителями иной национальности. Поэтому социальная структура данной нации в течение определенного времени был несбалансированной, неполной, так как в ней отсутствовали некоторые элементы, типичные для данной общественной ситуации. Во-вторых, эти национальности составляли этническое (иногда даже историческое) целое, но никогда – независимую политическую единицу; в-третьих, – не имели устойчивой культурной традиции, опиравшейся на свой собственный литературный язык (или же имели когда-то, но впоследствии язык был либо утрачен, либо серьезно деградировал). С развитием капитализма эта группа национальностей полностью или частично попала под господство иностранного правящего класса – буржуазии.

Грох определил этот тип национального развития как "возрождение" угнетенной, или малой нации²⁰, где термин "малая" употреблен не в чисто количественном, а, скорее, социально-структурном смысле (наглядным примером такой интерпретации может служить данная Грохом и уже упоминавшаяся выше оценка ситуации в Дании, где существовала своя "правящая", или "великая", нация). Практически это означает, что малые нации подчинялись правящей столь долго, что отношения подчинения стали для обеих сторон структурообразующими. При этом с точки зрения политических связей следует различать две группы угнетенных наций – так называемые "нации без истории", ко-

торые в докапиталистический период своего развития никогда не были субъектом самостоятельного политического образования и нации, которые в средние века составляли политические единицы, имели свой собственный правящий класс феодалов, но потеряли свою политическую независимость или ее важнейшие признаки еще до того, как произошло их становление в качестве современной нации²¹.

Кроме первой и второй моделей, Грох выделил также переходные случаи – в частности, эволюцию поляков и венгров, которые пережили период своего формирования на заре капитализма как большие нации, а затем оказались в характерной для угнетенных народов ситуации²².

Две основных и одна переходная модель формирования современных наций были рассмотрены Грохом более детально на основе периодизации этого процесса при особом внимании к главному объекту исследования – возрождению малых народов. Эта периодизация и опирающаяся на нее типология национальных движений разработана путем наложения двух систем понятий, отражающих различные социальные измерения, – развитие общества в целом (в его стадийно-формационной интерпретации) и эволюцию самого национального движения. Поэтому в качестве основного критерия выступает соотношение национального движения с общим направлением общественных преобразований при обязательном учете принципиального различия между двумя стадиями этого движения²³ – с одной стороны, периодом антиабсолютистской борьбы, буржуазной социальной революции и становления капитализма (стадия I), а с другой – эпохой после победы капитализма, совпадающей со становлением и развитием рабочего движения (стадия II). Кроме того, Грох считал возможным дополнить это двухэтапное деление третьим элементом – периодом всемирной интеграции и влияния средств массовой информации и коммуникации, начало которого можно приблизительно датировать окончанием I мировой войны.

Основной критерий периодизации возрождения малых наций дополняют критерии, определявшиеся непосредственно внутренними преобразованиями в ходе формирования современной нации. Если нация – это "большая соци-

альная группа с определенными историческими корнями, состоящая из людей, которые постепенно, под влиянием объективных условий, приобретают национальное сознание"²⁴, то таковыми критериями являются количественный рост национальной активности, социальное воздействие национальной пропаганды, выработка и эволюция национальной программы, формирующейся национальной культуры и т. п.²⁵.

Данные критерии, т. е. обращение к количественным аспектам распространения национально-сознательных позиций, когда членство в нации рассматривается в качестве неоспоримой ценности, позволяют хронологически отождествить две основные стадии в развитии малых наций с изменениями в отношениях двух типов общества - феодального и капиталистического. Кроме того, Грох предложил структурное членение самого национального движения на три основные фазы.

Фаза А, или "период научного интереса", отмечена характерным для начала любого процесса национального возрождения горячим стремлением группы людей, как правило, интеллектуалов, к изучению языка, культуры, истории угнетенной национальности. Эти люди "не имели большого общественного влияния и обычно даже не пытались вести патриотическую пропаганду, частично в силу их обособленности, частично из-за неверия в ее целесообразность. Их стремления объяснялись патриотизмом просвещенческого типа, т. е. деятельной любовью к месту, где они жили, сочетавшейся с жадой познания каждого нового и недостаточно исследованного явления". В таких условиях любая национальная пропаганда оставалась на индивидуальном уровне, где отсутствовала организационная база.

Напротив, в заключительной фазе национального возрождения (фаза С) национальное сознание распространяется среди более широких слоев (хотя все еще не среди всех членов нации), а национальное движение, охватив всю территорию, имеет четкую организационную структуру.

Переход от одной стадии к другой - отнюдь не спонтанный процесс; между проявлениями научного интереса, с одной стороны, и массовым распространением патриотических взглядов, с другой, лежит эпоха, ставшая решающей

для фактического формирования малой нации и характеризовавшаяся активной патриотической пропагандой — фаза В или период "активизации национального сознания". Успех патриотической пропаганды был обусловлен становлением новых объективных отношений в экономике, политике и других сферах. Ведущей силой в этот период национальной пропаганды была группа патриотов, которые перестали довольствоваться рамками интереса к истории, языку и культуре и поставили своей целью распространение национального сознания среди народа. Научные исследования в этой фазе продолжали развиваться, выполняя уже не только чисто академическую, но и национальную (точнее, нацио-формирующую. — М. Б.) функцию. В ходе фазы В патриотическая пропаганда раньше или позже начинала влиять на все большее число представителей угнетенной национальности, среди которых постепенно вырабатывалось отношение к своему членству в нации как к чему-то большему, чем просто данности или политическому следствию подчинения определенному монарху.

Выделяя в национальном движении фазы А, В и С, Грох отмечает их взаимоналожение, когда фаза С в одних национальных движениях начиналась еще в рамках фазы А, в других — фазы В²⁶.

С другой стороны, поскольку национальная пропаганда не всегда была успешной, фаза В не обязательно переходила в фазу С, что определяет важнейшую роль первой в формировании малых наций. В силу этого Грох при анализе конкретных национальных движений сосредоточил свое внимание преимущественно на ней.

Разработав довольно сложное (двухстадиальное и трехфазное) структурное деление процесса формирования малых наций, Грох предлагает на его основе свою типологию национальных движений, соотнося фазы со стадиями и обращая особое внимание на уровень и интенсивность национально-ориентированной деятельности²⁷.

При первом типе национальных движений фаза В полностью приходится на первую стадию; при этом неважно, произошел переход к массовому национальному движению еще до полной победы капиталистических отношений или же совпал с ней, т. е. с переходом ко второй стадии. При

втором типе национальных движений фаза В предположительно началась на первой стадии и продолжалась на второй, а переход к массовому национальному движению должен был произойти в условиях, когда антагонизм между буржуазией и пролетариатом стал господствующим. Это обстоятельство изменило не только общественную значимость и роль национального движения, но и его программу. При третьем типе фазы А, В и С быстро сменяли друг друга еще до перехода к капитализму; поэтому массовое движение развивалось еще при господстве феодальных отношений. Четвертый тип включает главным образом те национальные движения, которые на второй стадии не перешли к фазе С; здесь начало фазы национальной пропаганды пришлось на более или менее развитое индустриальное общество.

Такова "первичная" типология, от которой отталкивается Грох, признавая, тем не менее, ее приблизительность, обусловленную упрощенным пониманием границы между первой и второй стадиями. Переход от первой ко второй осуществлялся в рамках целой серии сложных общественных взаимодействий и преобразований, наиболее важными из которых были буржуазная революция, промышленная революция и оформление организованного и классово-сознательного рабочего движения (в некоторых случаях к этому можно добавить аграрную революцию). Кроме того, при периодизации национальных движений необходимо учитывать "степень зрелости" процесса формирования современной нации, ту границу, которая означает его завершение (хотя национальное движение само по себе продолжало развиваться и позже).

Эта граница, по Гроху, определяется характером и степенью развития классовой структуры национальной общности. Поскольку в процессе формирования малых наций их социальная структура была неполной, то завершение этого процесса можно констатировать при наличии у них типичной для капиталистического общества классовой структуры и массовом характере национального движения. При этом достижение политической независимости не обязательно означало завершение формирования малой нации и, напротив, борьба за независимость могла продолжаться

и после него (как, например, у чехов, хорватов и поляков). В целом же, как это следует из самого определения малой нации, процесс ее формирования не может быть завершен до буржуазной и расцвета промышленной революции²⁸.

Учитывая сложный характер межстадиального перехода и степень "сформированности" современной нации, Грох предложил уточненный и дополненный вариант "первичной" типологии, основные черты которого можно определить как многофакторность и вариативность при опоре на марксистскую теорию общественно-экономических формаций (точнее, ее элементы). При этом в качестве хронологической оси для характеристики отдельных типов национальных движений выступает последовательность следующих событий:

переход от фазы А к фазе В (обозначенный автором типологии как АВ);

переход от фазы В к фазе С (= ВС);

завершение формирования современной нации (= FN);

буржуазная революция (= BR);

промышленная революция в ее начальной стадии (= IR);

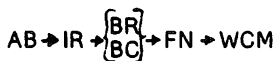
начальный этап организованного движения рабочего класса (= WCM).

Автор статьи счел целесообразным представить все предложенные Грохом типы национальных движений в графическом виде (см. схемы на с. 81).

Первый, или "интегрированный", тип национальных движений предполагает два возможных варианта. При первом промышленная революция начинается до буржуазной в то время, когда национальная пропаганда уже находит определенные отклики в обществе. Национальное движение становится массовым во время или вскоре после революции, а организованное рабочее движение заявляет о своих правах после складывания современной нации. Схематически данный вариант выглядит следующим образом:

Думается, более наглядно данную схему можно представить как

То же можно сказать о схеме второго варианта "запаздывающего" типа национальных движений, приведенной ниже.

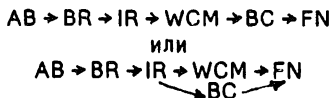
Второй вариант развития национального движения данного типа возможен при завершении буржуазной революции до промышленной, то есть

В обоих вариантах борьба против феодализма и абсолютизма относится к той же эпохе, что и пропагандистские усилия патриотов в малых нациях; оба явления эволюционировали приблизительно в одном и том же направлении, не противореча и взаимно дополняя друг друга. Сформировавшаяся современная нация сравнительно быстро обрела полную классовую структуру и разработала в ходе революции свою программу, соответственно носившую демократический характер.

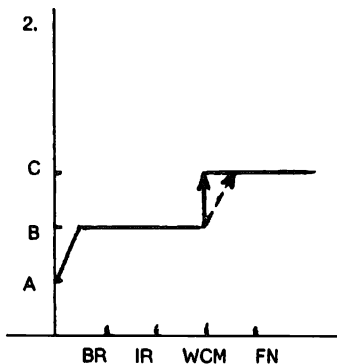
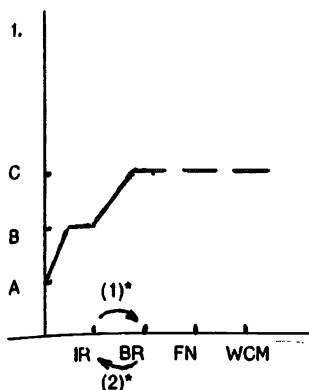
Итак, если обобщить выводы Гроха, то при первом типе национальных движений переход от академического интереса к активной пропаганде совершается до промышленной и буржуазной революции. За этим следует завершение формирования современной нации и только после этого зарождается рабочее движение.

Второй, "запаздывающий", тип национальных движений появился до политической и промышленной революции, но переход к фазе С, т. е. массовому национальному движению, был отложен вплоть до организации классово-сознательного пролетариата или даже до возникновения рабочего движения. Поэтому формирование современной нации запаздывало (отсюда — соответствующий характер национального движения). Схематически Грох изображает данную модель следующим образом:

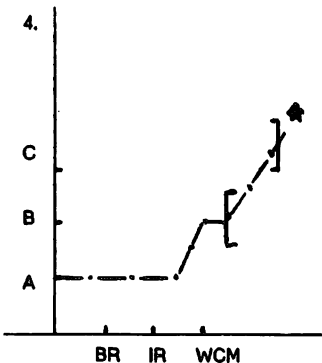
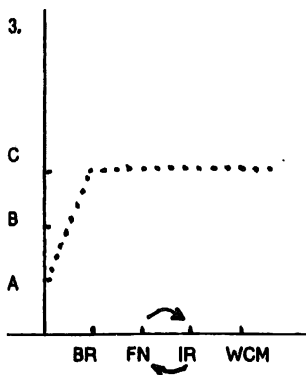

Независимо от того, был переход к фазе С обусловлен неравномерностью в экономическом развитии региона про-

Графические схемы различных типов национальных движений (составлены М. А. Бобрович)

* Два варианта первого типа национальных движений

[] * - данная фаза наблюдается не во всех движениях 4-го типа

BR – буржуазная революция;
 IR – промышленная революция в ее начальной стадии;
 WCM – начальный этап организованного движения рабочего класса;
 FN – завершение формирования современной нации.

живания угнетенной национальности (как, например, контраст между Ригой и латвийской деревней) или же иностранным угнетением (например, мадьяризация в Словакии), патриотическая пропаганда в любом случае играла важную роль в кристаллизации классовых противоречий капиталистического общества.

Таким образом, при втором типе национальных движений, так же как и при первом, национальные агитаторы пришли на место ученых еще до буржуазной и промышленной революции, рабочее движение появилось до перехода от пропаганды к массовому движению или одновременно с этим переходом, а формирование целостной современной нации замыкало все эти процессы. В качестве иллюстрации данного типа национального движения Грох ссылается на результаты исследований М. Гросс^{28а} и Г. Брюнна о хорватском и каталонском национальных движениях²⁹.

При третьем, так называемом "повстанческом" типе национальное движение приобретает массовый характер еще в феодальном обществе, т. е. до становления общества капиталистического. В этом случае наступление фазы С обычно сопровождалось вооруженной борьбой против правящей нации, причем борьба эта играла важную роль в буржуазном преобразовании общества. Теоретически следует учитывать также специфические черты антифеодальной крестьянской войны. Процесс формирования нации шел еще до буржуазной революции и вполне мог быть завершен даже до промышленной. В виде модели мы имеем:

$$AB \rightarrow BC \rightarrow BR \rightarrow FN \rightarrow IR \rightarrow WCM$$

или

$$AB \rightarrow BC \rightarrow BR \rightarrow IR \rightarrow FN \rightarrow WCM$$

Когда возникло массовое национальное движение, глобальные преобразования как в сфере культуры (становление современной литературы, политических идеологий, театра и т. п.), так и в обществе (появление интеллигенции) уже шли достаточно активно и имели ярко выраженное национально-патриотическое значение и социальные функции. Это вариант интенсивного движения к национальному государству.

Здесь агитаторы сменили ученых еще при феодализме,

современная нация возникла в рамках феодальной формации, национальное движение приобрело массовый характер также в условиях феодализма и сама нация формировалась еще до появления буржуазного общества.

Наконец, при четвертом, "дезинтегрированном", типе национального движения национальная пропаганда начинается в условиях капиталистического общества и либерального конституционного строя, т. е. после буржуазной и начала промышленной революции:

BR → IR → AB → WCM ... [→ BC?].

Эта последовательность оказала явно дезинтегрирующее влияние на национальное движение, которое в результате либо вообще не вступало в свою "массовую фазу", либо достигло ее очень поздно. Таким образом, по Гроху, четвертый тип национального движения показывает, что ранняя индустриализация могла оказаться фатальной для национального движения и национализма.

Признавая многообразие особенностей и индивидуальных характеристик в различных национальных движениях и формах нациообразующего процесса, Грох тем не менее подчеркивает близость каждого конкретного случая к одному из упомянутых типов. При этом исследователь не должен ограничиваться только типологическим подходом, учитывая, в частности, региональный фактор и абсолютную хронологию³⁰. В последнем случае особое значение имеют стадия и характер промышленной революции, а также состояние, степень сформированности и организованности рабочего класса в международном масштабе.

Конкретно-аналитическая часть исследований Гроха фактически полностью раскрывает содержание трех типов формирования наций и национальных движений: к первому, или интегрированному, типу отнесены наряду с чешским национальным движением в Богемии норвежское и финское (а также эстонское как "пограничный" вариант), ко второму, запаздывающему, — словацкое и литовское, и, наконец, к четвертому, дезинтегрированному, — фламандское. Для изучения социальной структуры какого бы то ни было национального движения третьего типа в принципиально важной фазе В источникового материала недостаточно; отчасти для этого можно использовать сведения о болгарском, македонском, белорусском и латышском

национальных движениях.

Выводы, к которым приходит Грох на основе своих теоретических построений и анализа конкретного материала, могут быть суммированы в нескольких основных положениях³¹.

Во-первых, этот материал, по его мнению, подтверждает начальную гипотезу (в корне отличающуюся от интерпретации Х. Кона, Е. Лемберга и др.) о том, что появление современной нации и зарождение национального движения не может быть объяснено прежде всего через патриотическую пропаганду. Аналогичные формы пропаганды, аналогичные проявления патриотизма у различных национальностей приводили к различным результатам, причем нигде они не были столь эффективны сами по себе, чтобы успешно привести национальное движение к его массовой фазе. В ряде случаев патриотическая пропаганда может дать ключ к объяснению изменений в позиции интеллектуалов в фазе А; но при рассмотрении решающей для развития малых наций фазы В необходимо учитывать тесную связь между национальной пропагандой и объективными отношениями, определявшимися аграрной революцией, индустриализацией, урбанизацией и глобальными общественными изменениями на заре капиталистического общества³².

Сама по себе фаза А, ее характер и значение также существенно различались у различных национальностей. У тех малых национальностей, которые сохранили определенные традиции политической индивидуальности, хотя и сосредоточенные в основном на историческом сознании, а не исторической действительности, эта фаза имела ярко выраженный характер, реализуя себя как через "Landespatriotismus", так и через научный интерес. Там, где местный патриотизм опирался на изначальную, но постепенно исчезающую политическую автономию или ее остатки, часть старого правящего класса присоединялась в фазе А к национальному движению, причем участие это было тем более заметным, чем более выраженной была в этой фазе политическая программа. В данной ситуации принятие национальным движением феодальной, сословной политической программы могло отождествляться (хотя совсем не обязательно отождествлялось) с началом патриотической

пропаганды. Ярким примером тому служат различия в участии правящего класса в национальном движении чехов или литовцев, с одной стороны, и норвежцев, поляков, венгров и хорватов, — с другой³³. Там, где территория политической единицы, на которую был ориентирован *Landspatriotismus*, не совпадала с территорией, населенной представителями соответствующей малой национальности (Хорватия, Финляндия, Богемия, Шлезвиг), в фазе В уже явно прослеживается дифференциация внутри тех социальных групп, в среде которых развивалось национальное движение.

Второй и последующий выводы обобщают конкретный материал по социальной структуре национальных движений. Поскольку в фазе В участие старого правящего класса в национальном движении в любом случае сводилось к минимуму или стремилось к нулю, а дифференциация внутри различных групп наиболее многочисленной в этой фазе составляющей национального движения — интеллигенции — была столь значительной, что ни у одной нации ни одна из этих групп не имела аналогичного с другими или постоянного места, то, следовательно, участие в национальном движении не было априори обусловлено членством в определенных классах или социальных группах; напротив, ни один класс или профессиональная группа не являлась в фазе В "незаменимым" компонентом национального движения³³. Так же как некоторые взаимосвязи и отношения, определявшие формирование нации, могли заменять друг друга, так и роли отдельных классов и социальных групп были взаимозаменяемыми (пусть даже временно)³⁴.

Но этот вывод требует, по Гроху, существенного уточнения применительно к двум классам — буржуазии и крестьянству. Их участие в национальном движении являлось основной предпосылкой формирования современной нации, которая иначе не обладала бы полной классовой структурой, типичной для капиталистического общества и необходимой для завершения нациообразующего ("nation-creating") процесса³⁵. Впрочем, как следует из дальнейшего изложения, эта "абсолютная" интерпретация может быть принята только в самом общем, точнее — общетеоретичес-

ком виде: применительно к буржуазии постольку, поскольку в любом случае "имевшая крайне важное значение для развития капиталистических отношений сфера городского производства и финансов была открыта для национальной пропаганды и в большей или меньшей степени поддерживала ее уже в фазе В"³⁶, а применительно к крестьянству постольку, поскольку оно "как естественный носитель национальной языковой и культурной традиции представляло собой необходимое условие успеха любого национального движения"³⁷.

Наряду с этими общими закономерностями Грох сформулировал (или подтвердил на своем материале) черты социальной эволюции национального движения: более быстрое вовлечение в патриотическую деятельность горожан по сравнению с сельскими жителями, и более молодых по сравнению со старшими поколениями³⁸. В целом второй вывод Гроха, сделанный на основе наложения фактического материала на теоретические модели, звучит следующим образом: "наиболее явно интерес к патриотической пропаганде проявлялся среди тех высших категорий профессиональных групп, которые были все еще доступны для представителей угнетенной национальности; конкретные же возможности социального возвышения значительно различались в зависимости от места и времени"³⁹.

Несмотря на все разнообразие характеристик и возможных направлений эволюции социальной структуры национального движения, Грох считал возможным определить и "измерить" показатели социального статуса различных индивидуумов и групп с точки зрения их потенциального участия в движении с помощью двух общих критериев: во-первых, уровня развитости и степени интенсивности социальных коммуникаций ("social communication") и во-вторых, степени социальной мобильности.

Как показывает анализ двух основных характеристик социальной мобильности — межгенерационной и вертикальной⁴⁰, — ни в одной из патриотических групп не доминировали индивидуумы с низкой вертикальной мобильностью как внутри-, так и межгенерационного типов. Следовательно, высокая социальная мобильность создавали

благоприятный фон для восприятия патриотической программы в фазе В⁴¹.

Социальные коммуникации, т. е. "средства и процесс передачи информации о реальности и формирование позиций и реакций", играет важную роль в современном обществе всякий раз, когда необходимы осознанные действия — в том числе и в национальном движении. В этом смысле попытка привести нацию к самосознанию представляет собой усилия по проникновению в коммуникативную систему с целью воздействия на определенные позиции с точки зрения коллективного национального чувства. При этом, как свидетельствует анализ территориальной структуры национальных движений⁴², национальная пропаганда была наиболее успешной и эффективной в регионах со сравнительно высоким уровнем системы социальных коммуникаций.

Исходя из этого, Грох предлагает рабочую гипотезу для дальнейших исследований: по его мнению, национальное движение наиболее быстро достигало успеха среди тех слоев угнетенных национальностей, которые были наиболее мобильны в социальном отношении и обладали более разветвленной системой коммуникативных связей. Поэтому распространение национального движения в фазе В шло параллельно развитию системы социальных коммуникаций и изменению мобильности. Они отнюдь не являлись первичным фактором, а, скорее, выступали в качестве средства взаимодействия общественного сознания и принципиально важных преобразований в экономической и социальной сфере⁴³.

Четвертое. С другой стороны, применение модели и критериев, предложенных Дойчем, привело Гроха к выводу об их недостаточности⁴⁴, причем его мнение не меняет даже утверждение самого Дойча о зависимости уровня развития социальных коммуникаций от экономических факторов⁴⁵. Антагонизмы классового и, более широко, материального характера, которым Грох придает первостепенное значение, остались для первого маргинальными как продукт процесса социального взаимодействия⁴⁶.

По Гроху же, решающее значение для формирования современной нации, а также направленности национально-

го движения, имел такой фактор, как "конфликт материальных интересов", который так же, как и другие, был обусловлен преобразовательными процессами в обществе при переходе к капитализму и проявлял себя посредством отражения материальных интересов в сознании людей. При этом особое значение в контексте концепции Гроха приобрели национально окрашенные компоненты социальных антагонизмов, т. е. те конфликты, которые в фазе В в значительной степени накладывались на лингвистические (иногда также религиозные) различия. Подобные конфликты интересов различных классов и групп, представители которых были разделены также лингвистическими и национальными различиями, имели бесспорное значение для активизации национального движения. Таким образом, поляризация материальных противоречий и национальных различий шла параллельно, и в результате конфликт интересов проявлялся не (или не только) на соответствующем социальном и политическом уровне, но (и) на уровне национальных идей и требований.

Пятое. Отсюда – ключевая проблема предложенной Грохом интерпретации: факторы успеха или неудачи в формировании национального сознания малых наций. При определении этих факторов следует принимать во внимание, что ни в фазе В, ни в фазе С нельзя говорить о "национальных интересах" и "национальных антагонизмах" в обычном смысле слова, так как нация – отнюдь не однородный класс или социальная группа, имеющая как целое свои фундаментальные интересы. То, что патриоты того времени или позднейшие историки определяли как "национальный интерес", представляет собой трансформированное и сублимированное отражение материальных интересов определенных классов и групп, представители которых принимали активное участие в национальном движении или были вовлечены в него⁴⁷. Следовательно, понятие "национальный интерес" есть своего рода метафора, отражающая заинтересованность в существовании нации и определенные отношения, характерные для рассматриваемой как целое национальной группы. Но в таком случае следует говорить не о конфликте интересов как таковом, а общей тенденции национального развития. Поэтому там, где национальное

движение в фазе В не смогло развернуть национальную пропаганду и сформулировать в национальных понятиях интересы составлявших малую нацию различных классов и групп, оно не смогло добиться успеха⁴⁸ (выделено мной. — М. Б.).

Среди многочисленных конфликтов интересов особое место занимали основные антагонизмы, характерные для периода преобразования старого феодального общества и буржуазных революций: между возникающей буржуазией и старым классом феодалов, а также между последним и крестьянством.

Первое противоречие, понимаемое в узком смысле слова, в фазе В отсутствовало в силу неполной классовой структуры (т. е. отсутствия буржуазии) малой нации в процессе ее формирования. Однако это упрощенное и схематизированное понимание, напоминающее утверждение К. Каутского о том, что национальности, не имеющие своей буржуазии, обречены на ассимиляцию⁴⁹. Во-первых, сама буржуазия не была однородной в социальном отношении, и некоторые ее группы в зародышевом состоянии были представлены в патриотическом сообществе; во-вторых, в буржуазном преобразовании общества могли быть заинтересованы другие социальные группы, прежде всего из среды интеллигенции; в-третьих, некоторые ее слои были не только близки к правящему классу, но и способны, в силу своего авторитета и места в системе социальных коммуникаций, в течение определенного времени выполнять функции правящего класса⁵⁰.

Что касается второго противоречия (между классом феодалов и крестьянством), то борьба крестьян против старого режима в форме как открытых восстаний, так и, чаще всего, индивидуальных выступлений интерпретируется Грохом как одно из объективных условий формирования малой нации. Субъективно же участие крестьян в национальном движении отличалось большим или меньшим запозданием, и, как правило, только в фазе С они могли стать субъектами, или активными участниками национального движения⁵¹.

Национально окрашенные конфликты интересов, разумеется, не сводились только к двум названным базовым

антагонизмам, поскольку внутренняя структура самой нации отличалась значительной сложностью и дифференцированностью. Из множества этих конфликтов Грох особо выделяет три, характерные для фазы В: во-первых, между старыми, состоявшими в гильдиях ремесленниками и мелкими торговцами, с одной стороны, и крупными промышленниками и торговцами, с другой⁵²; во-вторых, между вновь формирующейся (главным образом из средних и низших слоев) национальной интеллигенцией с высокой вертикальной мобильностью, и старой профессиональной элитой⁵³; и, наконец, в-третьих, между принципами гражданского равенства и сословного общества⁵⁴.

Лозунг равенства всех граждан приобретал национальное звучание в требовании их равенства независимо от национальности, следовательно, равенства всех национальностей и наций и всех представителей данной нации. Так объединились требование национального равенства и трактовка нации как коллектива равных граждан, без исключения обладающих всеми политическими правами. В этом, по Гроху, заключается принципиальное качественное отличие национального движения как части процесса формирования современной нации от характерной для эпохи феодализма "национальной" (или национально-ориентированной. — М. Б.) борьбы сословного движения за региональные политические права, которую Х. Кон и его последователи ошибочно рассматривают как проявления "национализма"⁵⁵. Интересно, что сам Грох считает конфликт между принципом равенства граждан и сословностью общества гораздо более серьезным, чем так называемое "внешнее" или "лингвистическое" угнетение, на которое традиционно ссылаются многие авторы. По его мнению, последний фактор мог играть национально-интегрирующую роль только в сочетании с другими⁵⁶.

Как видим, заключительная часть концепции Гроха построена на марксистской материалистической основе: определяющую роль в формировании нации играет конфликт (точнее, целая серия конфликтов) материальных интересов, приобретающий при определенных условиях национальное звучание; второе место по значимости в национально-образующем процессе занимают чисто социальные

факторы – социальные коммуникации и мобильность, которые Грох, в отличие от ряда считающих их первичными западных исследователей, рассматривает как "отражение процесса утверждения новых форм производства и нового, капиталистического типа отношений между вовлеченными в процесс производства людьми"⁵⁷.

Кроме заключительной части, классически марксистская материалистическая и, как представляется, излишне жесткая трактовка просматривается еще в одном положении концепции Гроха: в контексте теории формационного развития общества процесс формирования нации и национального сознания безусловно отнесен к эпохе перехода от феодального общества к капиталистическому и соответствующей замены одного способа производства другим.

С другой стороны, концепцию Гроха выгодно отличает от "ортодоксально-марксистских" целый ряд принципиально важных моментов: внимание к *внутренним* тенденциям развития национального движения и формирования нации, не всегда совпадавшим с экономическими и социальными процессами; учет многообразных факторов, влиявших на национальные феномены и зачастую не связанных (во всяком случае, напрямую) с материальными обстоятельствами при особом акценте на самоценные явления в области культуры, идеологии, общественной деятельности, отсутствие категоричности в интерпретации явлений, допускающее поливариантность национального развития и альтернативные возможности разрешения аналогичных ситуаций.

Думается, что эти особенности концепции Гроха объясняются стремлением представить материалистическое видение проблемы, избежав в то же время его крайностей, в первую очередь – абсолютизации материального фактора (хотя по ряду положений это не удалось); тем, что Э. Геллнер излишне, на наш взгляд, резко определил как стремление "придать академическую основательность двум великим мифам XIX и XX вв. – марксизму и национализму"⁵⁸. Во всяком случае, в рамках материалистической трактовки проблемы формирования наций и национализма данная концепция представляется наиболее удачной как в смысле "открытости" другим интерпретациям и возможности синтеза с ними, так и в плане постановки новых

или до Гроха не звучавших столь четко вопросов, открывающих новые подходы в изучении национализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hroch M. K problematice formování buržoazního národa v Evropě. ČSCH. Praha, 1961. N 3.
2. Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968; Idem. Obrození malých evropských národů . I. Národy severní a východní Evropy. Praha, 1971.
3. Idem. Buržoazní revoluce v Evropě. Praha, 1981.
4. Idem. Social preconditions of national revival in Europe. Cambridge, 1985.
5. Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990, P. 4.
6. Подробнее об этом см.: Hroch. 1985. P. 14–21.
7. В числе первых и наиболее детальных можно упомянуть рецензии: Šmerda M. (Časopis Matice Moravské, 1970); Psotová V. (ČSCH, 1972); Gross M. (Časopis za sùvremenu povijest, 1970); Sundhausen H. (Canadian Review of Studies in Nationalism, 1974).
8. См., в частности: Удальцов И. И. Историография чешского национального Возрождения. М., 1984. С. 201–207.
9. См.: Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. "Путь". М., 1992. № 1. С. 47–61, особенно с. 48.
10. Hroch. 1985. P. 3.
11. См., например, Kohn H. The Idea of Nationalism. The Study in its Origins and Background. N.-Y., 1945 (1st ed.); N.-Y., 1961 (2nd ed.); Idem. Nationalism; its meaning and history. An anvil original. Princeton, 1955.
12. Lemberg E. Nationalismus. 2 vols. Hamburg, 1964; особенно: Nationalismus I. Kapitel II. Sekt. E und F.
13. См., в частности, Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu. Warszawa-Kraków, 1975. Kap. 2.
14. Геллнер С. 48.
15. Hroch. 1985. P. 4–5.
16. Ibid. P. 6.
17. Ibid. P. 10, 12.
18. Ibid. P. 11.
19. Ibid. P. 12.
20. Ibid. P. 8–9.
21. Ibid. P. 9.
22. Ibid.
23. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч. 4-е изд. М., 1964. Т. 20. С. 401.
24. Hroch. 1985. P. 22.
25. Ibid.
26. Ibid. P. 23.
27. Ibid. P. 25–30.

28. Как отметил сам Грох, его типологические критерии отличаются от предложенных в: Symmons-Symonolewicz K. National Movements: An Attempt at a Comparative Typology. "Comparative Studie in Society and History". VII. P. 221f.

28a. См. статью С. А. Романенко в данном сборнике.

29. Hroch. 1985. P. 194; см.: Gross M. On the integration of the Croatian nation: a case study in nation building. "East European Quaterly". XV. June 1981. P. 209f.; Brunn G. Die Organisationen der katalanischen Bewegung 1859–1923. "Nationale Bewegung und soziale Organisation". I. Munich und Vienna, 1978. S. 281n.

30. Hroch. 1985. P. 29.

31. Более подробно см.: Ibid. P. 177–191.

32. Ibid. P. 178.

33. Ibid. P. 179.

34. Ibid. P. 180.

35. Ibid. P. 179.

36. Ibid.

37. Ibid. P. 180.

38. Ibid. P. 180–181.

39. Ibid. P. 181.

40. В данном случае Грох использует терминологию из: Rousek J. S., Warren R. L. Sociology: an Introduction. N.-Y., 1965. P. 53–54.

41. Hroch. 1985. P. 183.

42. В качестве критерия для определения уровня коммуникаций Грох использовал выработанное Дойчем понятие "мобилизованное население" / "mobilized population"/: Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1953. P. 100.

43. Hroch. 1985. P. 183.

44. Ibid. P. 185.

45. Deutsch. 1953. P. 65.

46. Это проявилось, в частности, в комментариях по поводу возрождения антагонизмов национального характера в сельской местности: Ibid. P. 129.

47. Hroch. 1985. P. 185.

48. Ibid. P. 186.

49. Kautsky K. Die moderne Nationalität. "Die Neue Zeit". 1887. S. 404 und 444.

50. Hroch. 1985. P. 186.

51. Ibid. P. 187.

52. Ibid. P. 188.

53. Ibid. P. 189; см. также: Hobsbawm E. Age of Revolution. P. 166–167.

54. Hroch. 1985. P. 190.

55. Ibid.

56. Ibid. P. 207–208; см. также: Shafer B. C. Nationalism: Its Nature and Interpreters. Washington, 1976. P. 176–177; Lemberg. Op. cit. Bd. I. S. 100; Deutsch. Op. cit. P. 25.

57. Hroch. 1985. P. 191.

58. Геллнер. С. 59–60.

ЙИРЖИ КОРЖАЛКА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Йиржи Коржалка (род. в 1931 г.) – один из ведущих чешских историков, занимающихся проблемами нового времени, автор ряда крупных монографий и исследований в области национализма XIX в., а также становления и развития социальных структур. Начало его профессиональной деятельности приходится на конец 50-х – начало 60-х годов, когда он становится ассистентом на кафедре всеобщей истории. С 1955 г. Й. Коржалка работает в Историческом институте чехословацкой Академии наук. А в 1958 г. защищает диссертацию о положении немецкого этнического меньшинства в чешских землях. Однако, блестящее начало научной деятельности было прервано в начале 70-х годов, когда его лишили возможности работать в Историческом институте и перестали печатать на родине. С 1975 г. он работает в Музее гуситского движения в Таборе. Велико признание его заслуг научным международным сообществом. В настоящее время Й. Коржалка – один из наиболее авторитетных специалистов по истории Центральной Европы нового времени. Его научные интересы касаются всего региона, образуя взаимосвязанную линию: Вена – Прага – Франкфурт на Майне – Берлин.

* * *

В книге "Нации и государства" Х. Сетон-Уатсон заявил: "Я пришел к заключению, что невозможно дать какого-либо "научного определения" нации, несмотря на тот факт, что этот феномен существует длительное время и будет существовать в будущем"¹. Действительно, процесс выработки отчетливых критериев к понятиям "нация", "национализм", а также создание аналитических моделей этногенеза и нациообразования отличается чрезвычайной противоречивостью и многообразием подходов. Так, харак-

терная для марксистского направления 80-х годов попытка преодолеть "классическую" оценку национализма как аномалию общественного развития и уместить его эволюцию в систему общественно-экономических формаций (наиболее успешно это удалось чешскому историку Мирославу Гроху) вызывает резкую критику со стороны Эрнеста Геллнера, который рассматривает национализм как продукт становления индустриального общества и единого культурного стандарта². Совершенно иная точка зрения изложена в работах Бенедикта Андерсона, в которых доказывается, что национализм представляет собой универсальную культурную систему, возникшую после распада традиционного религиозного мировоззрения, своего рода новую парадигму общества, освобождающегося от *ancien régime*³. Общим для этих исследований является мнение, что подлинный современный национализм не существует на доиндустриальной стадии и принцип национализма начинает по-настоящему действовать при складывании нового социального устройства, когда значительно увеличивается социальная мобильность и ускоряется процесс выработки общих культурных ценностей. Рассматривая этот вопрос в исторической ретроспективе, М. Грох, Э. Геллнер, Б. Андерсон обращаются к специфике национального вопроса в Австрийской империи, приводя собственные концепции процесса эволюции наций в полиэтническом государстве имперского типа. Но, несмотря на то, что эти исследования имеют немалую теоретическую ценность, в них так и осталась нерешенной одна из ключевых проблем истории национализма – особенность положения этноса в крупном государственном конгломерате, каким была Габсбургская держава.

Этот пробел в значительной степени позволяют заполнить труды чешского историка Йиржи Коржалки. И прежде всего его исследование "Чехи в Габсбургской империи и Европе: социально-исторические взаимосвязи формирования наций нового времени и национальный вопрос в чешских землях", изданное в Вене в 1990 г. Это не только издание, приуроченное к 60-летию юбилею автора, своего рода итог сорокалетнего периода его научных изысканий в области национализма, но и цельное, основанное на огром-

ном подборе архивных материалов изложение оригинальной концепции становления чешского национального общества в течение столетия (с 1815 г. по 1914 г.)⁴.

В отличие от универсальных моделей М. Гроха, Э. Геллнера, Б. Андерсона, концепция Й. Коржалки не претендует на исчерпывающее объяснение проблем национализма. Она ограничена исторически определенным периодом и разработкой "частного" аспекта. Тем не менее ряд ее положений обнаруживают некоторую уязвимость масштабных моделей, позволяют скорректировать ряд их позиций.

В своих работах Й. Коржалка уделяет большое внимание сопоставительному этимологическому анализу. Признавая многозначность таких понятий как "нация", "народ" в европейских языках, он видит основное различие в отношении данного народа к идее государственности. В западноевропейском и американском понимании "Nation" прямо обусловлена самостоятельной национально-политической активностью, которая распространяется на всю территорию государства. В то же время более позднее складывание немецкого национального государства способствовало распространению представлений о "Kulturnation", когда языковая и, в целом, культурная самобытность нации воспринималась как новое качество духовной, ментальной интеграции, более глубокой, нежели внешние проявления государственно-политической активности. Этим фактом, по мнению Й. Коржалки, объясняется то, что в немецком языке понятие "народ" — "volk" приближенно по значению "Kulturnation" и как бы выведено из сферы политической деятельности, что, к примеру, никак нельзя сказать об английской или французской трактовках "people", "peuple"⁵. Становление немецкой нации проходило по формуле "от одной культуры к одному государству". Э. Геллнер считает, что именно эта линия развития и составляет основное содержание эпохи национализма (или ирредентизма, согласно его терминологии). Тогда возникает вопрос: характерна ли подобная модель становления национализма для народов австрийского конгломерата?

В соответствии с моделью, которую предлагает Э. Геллнер, существует пять основных стадий перехода от полиэтнических империй и микро-политических образований к

государствам, гомогенным в национальном отношении: сначала – мир, в котором этническое начало не выражено со всей очевидностью и доминируют политические идеи, связывающие его с легитимной властью, далее – вторая стадия, для которой характерен размах националистической агитации против старых государств и старых границ, когда национальная идея выдвигается как политический принцип, на третьей стадии происходит распад многонациональных империй, последующие две фазы обуславливаются складыванием новых национальных государств⁶. Однако, эта логическая конструкция не объясняет того очевидного факта, что до первой мировой войны созревшие в политическом отношении национальные движения Австро-Венгрии не ставили своей целью ее разрушение, а пытались выработать принципы компромисса, при котором существовали бы национальные общества и реорганизованная государственная структура⁷. В работе Б. Андерсона мы также находим утверждение, что "лексиграфические революции" (так автор определяет национальное возрождение народов Центральной Европы) сводили династическую, имевшую надэтнический характер идею к дилемме – либо сохранение консервативных традиционалистских "универсально-имперских" основ, либо их разрушение и утверждение "национального партикуляризма"⁸. Однако, это утверждение также нуждается в корректировке, поскольку существует значительный пласт исторических исследований, в которых убедительно доказано, что многие национально-политические течения, как либерального, так и консервативного толка, искали возможности компромисса с династией вплоть до начала Х в.⁹.

В чем же состояла притягательность идеи австрийского компромисса и ее живучесть? Как рассматривать соотношение двух, на первый взгляд несовместимых факторов – "национального партикуляризма" и "государства национальностей"? Почему даже после распада империи рожденные на ее обломках национальные государства так тянутся к различным вариантам дунайского блока? Список этих вопросов можно продолжить, все они сопредельны одной общей проблеме, имеющей ключевое значение для понимания особенностей эволюции национализма в Центральной

Европе – как "малые" народы, зажатые с двух сторон крупными имперскими образованиями – Россией и Германией – переживали свой экзистенциальный опыт, пытаюсь выработать модель полноценного национального существования?

Й. Коржалка делает попытку аналитически выделить ведущие компоненты структуры национального самосознания чешского общества. Он отдает себе отчет в том, что каждый из них – не самоценен и проявлялся в органичной совокупности с другими ценностными ориентирами на личностном и коллективном уровнях, корректировался степенью зрелости этносоциальных процессов, демографической и политической ситуацией. В соответствии с этим подходом, процесс становления национального общества проходил под прямым воздействием пяти "идеологических доминант", как называет их Й. Коржалка. При переводе этих понятий на русский язык, сталкиваешься с трудностью их адекватного воспроизведения, поскольку в русском варианте они имеют весьма поверхностное значение и нуждаются в дополнительных разъяснениях.

Термин "австрийство" (*Osterreichertum*) стал часто появляться в работах Й. Коржалки с середины 80-х годов, когда он вплотную занялся исследованием австрийской этатистской идеологии и пангерманизма. Это довольно емкое понятие, которое отражает не только традицию государственного патриотизма, рожденную имперским универсализмом, но и государственно-политический уровень идентификации чешского общества. У чехов, где идея государственности имела глубокие корни и даже после 1620 г. продолжала существовать в виде правовой фикции, сформировалось особое понятие "общей австрийской родины", имевшее надэтническое значение. При этом оно не исключало множественность форм этнической идентификации (от консервации форм областного самосознания до осознания исторической общности земель чешской короны), но осуществляло прежде всего внешнюю международно-правовую функцию. "Многонациональное австрийство", считает Й. Коржалка, основывалось на понимании "нации" как в культурно-этническом, так и политическом смыслах, и было ориентировано на признание автономных

прав народов, составлявших дунайское государство, и федеративную перестройку его имперской системы¹⁰. Общность материальной и духовной культуры народов, чья этническая территория в основном входила в рамки центральноевропейского региона, закреплённая общегосударственной системой и династическим правлением Габсбургов, в значительной степени облегчила становление общеавстрийского сознания. В работе М. Гроха "Европейские национальные движения XIX века" на основе сопоставительного анализа показано, что чешское общество развивалось в сравнительно более благоприятных условиях, нежели большинство "малых наций" в Центральной Европе. Это проявилось прежде всего в наличии традиционного консолидирующего центра – Праги и столичного Карлова университета, а также густой сети городов и развитых коммуникаций, связующих центр с провинциями. Но если М. Грох ограничивает благоприятствующие факторы лишь исходной ситуацией, сложившейся в чешских землях, то Й. Коржалка, пытаясь выяснить взаимосвязь "Вена – Прага", делает вывод прямо противоположный марксистским исследованиям. На основе статистического материала ему удастся убедительно показать, что национальный подъём чешского общества с 1860 г. до первой мировой войны не встречал каких-либо существенных препятствий со стороны австрийского государства. Более того, легальная широкая система различных обществ экономической взаимопомощи, культурных и спортивных организаций, деятельность которых официально разрешалась правительством, служила весьма органичным, по мнению Й. Коржалки, заменителем естественной потребности общества в политической национальной активности. Таким образом, складывание "малых наций" происходило не вопреки, а благодаря австрийской государственной системе. Конечно, отношения с центром обострялись из-за неудачных попыток добиться равноправия и федерализации государства. Существенное влияние оказывало также обострявшееся этноязыковое чешско-немецкое соперничество, но габсбургская династия готова была идти на существенные уступки для того, чтобы сохранить внешние черты великой державы, особенно в вопросах внешней политики и армии¹¹.

Другим важным фактором, способствовавшим длительному сохранению "австрийства" в национальном самосознании был осознанный страх "малой нации" перед последствиями великодержавной конфронтации в Центральной Европе. Этому сюжету Й. Коржалка посвящает отдельную главу "Палацкий и Австрия как многонациональное государство", которая во многом перекликается с книгой чешского историка, ныне профессора университета в Инсбруке Георга Моравы "Франц Палацкий. Раннее видение Центральной Европы". Эти исследования объединяет общий подход к личности Франца Палацкого – не только как к мыслителю и политику, деятельность которого ограничена узкими национальными рамками, но и лидеру европейского масштаба. Созданная им федералистская концепция строилась на идее дунайской конфедерации, подобной североамериканским штатам или швейцарским кантонам. Федерализованная государственная структура Австрии, по мнению Ф. Палацкого, была бы наиболее приемлемой формой компромисса между нарастающим в провинциях национализмом и династией. Отказавшись от имперского универсализма, Габсбургский дом смог бы сохранить государственную целостность всего дунайского комплекса, поскольку субъекты федерации были бы заинтересованы в сохранении этого блока как третьей силы в Центральной Европе, сдерживающей гегемонизм России и Германии¹². И Й. Коржалка, и Г. Моравы подчеркивают, что Палацкий не только первым выдвинул идею реформирования Австрии на основе принципов конституционного равенства и национальной автономии, но и попытался осмыслить общность процесса государственно-политической идентификации народов Центральной Европы.

Можно согласиться с мнением авторов, что программа федерализма представляла собой не только стремление сохранить национальную самобытность чешского народа, но и концепцию центральноевропейской безопасности, ориентированной на сохранение политического равновесия в этом регионе. Австрийское государство было общим домом, достаточно просторным и удобным для созревания национальных обществ, – отбирая у них свободу, в широком национально-государственном смысле, – оно предо-

ставляло им безопасность и репрезентативность в общении с внешним миром. Нашедшая отражение в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона и ряда других исследователей формула динамики национализма в Европе "от одной культуры к одному государству" принимает в данном случае несколько иное качество. Развивающееся в благоприятных условиях национальное общество ориентируется на создание "государства в государстве" для внутренней и внешней безопасности. Действительно, в XIX в. идея полного национально-государственного суверенитета для "малых" народов была утопична и губительна. Только с крушением Германской и Российской империй, ликвидацией прежнего политического балланса и посредством решительного вмешательства внешних сил в лице США, Франции и Англии эта идея была реализована.

Согласно выводам исследования Й. Коржалки, уже к началу XX в. чехи имели полноценную социальную структуру, свойственную индустриальным обществам¹³. Каким путем протекал этот динамичный процесс? По этому вопросу имеются существенные расхождения между концепцией Й. Коржалки и подходом М. Гроха. Последний считает, что в рамках одного государства развивалось "два параллельных" процесса – складывание доминирующей австрийской нации и нациообразование у "малых" народов. При этом каждый индивидуум был поставлен перед выбором – либо идентифицировать себя с привилегированной нацией, обеспечив тем самым карьерную мобильность и стабильное положение, либо пойти тернистым путем, защищая права своего народа¹⁴. Однако, земли чешской короны не отличались моноэтничностью и процесс консолидации национального общества не имел столь выраженный альтернативный характер, как это представляет М. Грох. Более столетия проблема взаимоотношений чехов и немцев, проживавших на территории Чехии, Моравии, Силезии, является предметом пристальных исследований. Нередко на академические труды, рассматривавшие эту проблему в широком хронологическом диапазоне – от раннего средневековья до XX в., оказывала прямое влияние специфика международных отношений и официальные идеологические постулаты. Между тем, взаимосвязи народов Центральной

Европы с немцами, как отмечает в работе "Конфликтная общность. Чехи и немцы 1780–1918" Ян Кржен, составляют "один из ключевых вопросов, вокруг которых вращалась история этого субконтинента до середины XX века"¹⁵. В этом исследовании делается попытка проследить специфику взаимоотношений этносов на трех уровнях: судетском, австрийском и общегерманском. Уже в предисловии автор подчеркивает, что он поддерживает концепцию пяти идеологических доминант, разработанную Й. Коржалкой.

Действительно, при анализе чешско-немецких отношений особое место занимает "богемизм", который, согласно мнению Й. Коржалки, представлял собой совокупность идей и представлений о богемской политической нации, имеющей глубокие исторические корни и единую территорию, определявшуюся еще со средневековья как "Богемия". По отношению как к чешскому, так и к немецкому этносу применялось понятие "Bohemismus", введенное Бернардом Больцано. "Богемизм", основывавшийся на земском патриотизме, сочетал в себе общность трех основных признаков: одна территория, билингвизм, сохранявшийся особенно в чиновничьих и предпринимательских слоях вплоть до 1918 г., и общее убеждение в том, что Богемия занимает исключительное положение в Центральной Европе. Этот последний признак получил самое широкое распространение среди богемского дворянства и являлся важным аргументом своеобразной аристократической оппозиционности имперскому универсализму¹⁶.

Если "Böhmen" ассоциировалась с исторической сословно-политической нацией, а "Czechen" лишь со славяноязычным населением королевства чешского, то в 40-е гг. XIX в. Франц Палацкий попытался модернизировать "богемизм", связав его с национальной программой. Ф. Палацкий вышел за рамки традиционного аристократического "богемизма", признав равноправие чешского языка с немецким и расширяя понятие "единый богемский народ" и на моравские земли. Й. Коржалка особенно подчеркивает, что все значительные документы историко-правовой оппозиции после 1867 г. и прежде всего Декларация чешского сейма от 22 августа 1868 г. усиливали юридическое понимание единой богемской нации и доказывали, что она

является такой же древней историко-политической индивидуальностью, как и венгерская. Во время таборского движения Ф. Палацкий настаивал, чтобы "богемская нация" включала как чешскоязычное, так и немецкоязычное население¹⁷.

Этот тезис о существовавшей до конца 60-х годов возможности чешско-немецкого политического компромисса поддерживает также и Я. Кржен, отмечая близость интересов чешских и немецких либералов¹⁸. Для либерального направления важно было закрепить основы конституционности и парламентаризма, широких автономных прав для чешских земель. Однако "богемизм" так и не смог стать общей платформой и утратил полностью свою актуальность уже в 70-е гг. В работах Й. Коржалки и Я. Кржена уделяется большое внимание периоду с 80-х годов до первого десятилетия XX в., когда чехи перешли к позитивной парламентской деятельности и основная тяжесть чешско-немецкого конфликта легла на политические представительские органы чешских земель. Заметим, в историографии гораздо в большей степени изучены линия поведения чехов в этот период "национальной конфликтности", нежели позиция богемских немцев. Й. Коржалка одним из первых делает попытку выявить переменчивое соотношение большинства и меньшинства из представителей этих двух основных этносов в государственных структурах, коммунальном управлении чешских и моравских городов, в представительских органах. Приведенные материалы показывают, что враждебность постоянно усиливалась, и все попытки венского кабинета примирить противоположные стороны заканчивались неудачей. Я. Кржен ставит эту проблему еще более категорично: с распространением в 80-е гг. пресловутой "grenzlandkampf" в Чехии "развивались два параллельных, изолированных друг от друга и в то же время очень похожих национальных общества, взаимные контакты между которыми были сведены до минимума"¹⁹. Особенность развития богемских немцев заключалась в том, что они не столько ориентировались на австро-немецкое национальное движение — ведущую политическую силу Цислейтании, сколько проявляли собственные автономистские устремления. Таким образом, проблема "богемизма",

поднятая в исследовании И. Коржалки, получила дальнейшее развитие и была существенно дополнена работой Я. Кржена, которая призывает рассматривать историю чешских земель нового времени как историю двух основных живущих здесь этносов – чешского и немецкого, каждый из которых имел собственный путь развития и формы национального существования. Исследование Я. Кржена, которое доказывает существование у богемских немцев национального общества на рубеже XIX–XX вв., открывает новые перспективы для развития современной богемистики. Но подобная постановка проблемы требует более фундаментальных исследований социальной структуры богемских немцев, содержания политических программ и, в целом, их национальной культуры. В этой связи возникает много вопросов относительно положения немцев в период первой республики и их "примирения" с чешским языком и идеей "чехо-словацкой государственности", судетского кризиса и внутреннего содержания германского протектората.

И. Коржалка, анализируя следующую доминанту – "großdeutschum", в буквальном переводе – "великогерманство", не отождествляет ее с идеей национальной самобытности богемских немцев. Сущность великогерманской государственно-политической концепции сводилась к тому, что все население Немецкого союза, независимо от этно-языковой принадлежности считалось немецким. Большинство публицистов в Лейпциге и Гамбурге в середине XIX в. обрушивались с критикой на австрийское государство и правительство, пытаясь найти себе союзника именно в Богемии. До революции 1848 г. и первого славянского съезда в Праге в немецких землях доминировало представление о Богемии как о естественной и неотъемлемой части немецкой нации с немецкой культурой, населением и традициями²⁰. "Великогерманство" было логически связано с немецким пониманием "kulturnation", в котором культурно-языковые компоненты преобладали над этно-политическими. В 60-е гг. в немецком движении возобладали либеральные тенденции, ориентированные на "малый немецкий путь" объединения, которые вытеснили прежние этнически недифференцированные представления. Пангерманизм, в

том виде, как он представлен на страницах книги Й. Коржалки, был внешней силой, которая, с одной стороны, вызывала у "малых" народов страх перед немецкой экспансией и германизацией, а с другой стороны, являлась своего рода референтной моделью для консолидирующихся наций. Автор считает, что и в австро-немецкой среде пангерманизм не получил серьезной поддержки и общегерманские атрибуты популяризировались лишь небольшими группами экстремистов.

Следующий раздел книги Й. Коржалки посвящен "Slawismus" – "славизму". Этот термин выбран весьма удачно и наиболее приближен к чешскому пониманию "slovanství" – как совокупности различных идей, представлений, этно-психологических императивов, в основе которых лежало осознание общего этно-языкового родства славянских народов. Этот термин употреблял в своих значительных исследованиях Франк Волман. Но в отличие от Й. Коржалки, он считал, что "славизм" являлся наиболее выраженной идеологической доминантой чешского движения XIX в.²¹ Для чешской историографии 60-х гг. вообще был характерен пристальный интерес к проблемам славянской идеологии и русофильства. Тогда еще в работах В. Штастного, В. Жачека, М. Шестака было показано, что славянская идея использовалась чешскими политиками как одно из средств идеологической борьбы за национальные права. Й. Коржалка продолжает эту линию исследования. Отмечая, что славянская мысль для чехов с самого начала являлась "идеологией смысла", компенсацией за политическое бессилие, он подчеркивает ее второстепенное значение²².

Далее следует оригинальная трактовка австрославизма, нетипичная даже для современных чешских исследований. Как правило, преобладает подход к проблеме становления чешского общества, обоснованный в трудах Т. Г. Масарика. Развитие национальной идеологии представляется в виде непрерывной логически взаимосвязанной линии: будители конца XVIII – начала XIX в.: Ян Коллар – К. Гавличек-Боровский – Ф. Палацкий. Стержнем этого процесса воспринималась идеологическая трансформация идеи славянской взаимности в австрославизм, а затем в австрофедерализм. По мере развития национального самосозна-

ния "чешство" или "идея чешской самобытности" все более выдвигалась на первый план, вытесняя славянскую идеологию, а точнее, подчиняя ее²³. Й. Коржалка не только изменяет акценты, но и полностью перестраивает схему. Так, он доказывает, что австрославизм не представлял собой самостоятельной национальной концепции, а являлся составной частью "многонационального австрийства". Можно согласиться с автором, что австрославизм никогда не подразумевал создание некоей австрославянской единой нации. Тем не менее, в трудах К. Гавличка-Боровского, которого по праву считают автором австрославизма, лейтмотивом проходит мысль: я — чех, а потом уже — славянин", а сам он признает, что стремится освободить чешскую интеллигенцию от иллюзий "великого славянства", чтобы она осознала политический прагматизм ориентации на Вену. Й. Коржалка не ставит целью выявить соотношение между "славизмом" и "австрийством" или подробно проследить различные проявления славянской идеологии в чешском движении. В отличие от разделов, посвященных "австрийству" и "богемизму", Й. Коржалке, на наш взгляд, так и не удалось создать цельного представления о роли и месте славянской идеи в чешском национальном обществе. Ведь после первой неудачной попытки реализовать программу федерализма младочехи стали делать основной упор на славянскую политику. Остается открытым вопрос: почему после неудач в достижении чешско-австрийского компромисса в чешском обществе стихийно вспыхивали русофильские настроения, почему, несмотря на весь прагматизм, в чешской политике была так живуча идея блока австрийского славянства?

Если "австрийство" апеллировало к разуму и здоровому национальному прагматизму, то "славизм" был своего рода катализатором стихийных национальных эмоций и иррациональных чувств. В своем труде "Энциклопедия национализма" профессор Нью-Йоркского университета Луис Л. Снайдер пишет, что панславизм был одним из наиболее ярких проявлений макро-национализма в Европе. Бегло касаясь чешской проблемы, он отмечает, что идея австрийского славянства был реакцией на венгерское и немецкое движения²⁴. Современная чешская историография отмахивает

вается от славянской темы, которую вынуждена была идеализировать в период социализма. Однако, без комплексного аналитического исследования "славизма" невозможно восстановить процесс складывания чешского национального общества.

Наконец, связующим звеном в концепции Й. Коржалки выступает доминанта "Tschechentum". Адекватно перевести немецкое слово и его чешский эквивалент "cesstvi" на русский язык довольно сложно. В немецкоязычной литературе, посвященной проблемам национализма часто используются два основных понятия – "Ethnizität" – сознание этнической общности, которое реализуется на языковом и социально-психологическом уровне "мы – они", а также "Identität" – качественно более высокий уровень сознания, идентифицирующий этнос уже на государственно-правовом уровне²⁵. Для народов Западной Европы с мононациональными государствами, как правило, характерна последовательная смена этих стадий. В то время как в Центральной Европе нередко происходило наложение нескольких уровней самосознания, что значительно усложняло процесс национального самоопределения. Эволюция понятия "чешство" (или "чешская самобытность") подтверждает эту специфику. Й. Коржалка блестяще провел этимологический анализ этнонимов "чех", "Чехия", разбирая лексические пласты с XVII в. до начала XX в. Поскольку этот аспект исследования представляется весьма интересным и совершенно неизученным в нашей отечественной историографии, рассмотрим в общих чертах выводы Й. Коржалки. Этноязыковое содержание понятия "чехи" проявилось в конце XVII – начале XVIII вв., когда иезуитский историк Б. Бальбино использовал его для обозначения чешскоязычного населения. Все известные ученые от Пелцла и Добровского до Палацкого употребляли как синонимы определения "богемский" и "чешский", не подозревая о последующем разрыве понятийных взаимосвязей. На рубеже 30-х – 40-х годов XIX в., когда в немецких журналах усиленно муссировалась тема российской угрозы и панславизма, понятия "чехи", "чешский" стали рассматриваться как часть "славянства", ориентированного на универсальную панславистскую империю. В это же время патриотически

настроенная интеллигенция начала использовать эти слова, чтобы подчеркнуть существование нации, которая не является ни немецкой, ни богемской, ни славянской, но именно чешской. Существование негативного представления о чехах, как о бесперспективном, утратившем свою историю народе, определенный пейоративный оттенок, который в немецкой литературе приобрело понятие "чех", способствовало тому, что чешская публицистика предпочитала использовать "богемцы" вместо "чехи". К концу XIX в. в результате развития чешского движения от неполноправной этно-языковой группы к обществу с современной социальной структурой наступило и признание понятия "чех", "Чехия" в Австро-Венгрии и за ее пределами. Однако споры и дискуссии относительно употребления этих понятий не утихали даже в начале XIX в. Так, к примеру, в 1918 г. серьезно обсуждался вопрос о названии государства и предполагалось такое – "богемско-словацкая республика"²⁶. Конечно, это было связано и с проблемой примирения чехов и богемских немцев.

Й. Коржалка последовательно показывает, что национальный подъем чехов, начавшийся в 60-е гг. XIX в., привел к сравнительно быстрому складыванию общественной структуры капиталистического общества, которое осознавало себя нацией в политическом смысле, как полноценная европейская нация. Для более убедительного доказательства этого положения специальный раздел книги посвящен формированию чешской национальной дипломатии. Хотя автор и признает, что попытки проводить сколько-нибудь самостоятельные внешнеполитические акции наталкивались на строгий административный контроль Вены. Подчеркнуто неаристократический характер чешского общества препятствовал тому, чтобы выходцы из чешской среды занимали высокое положение в дипломатической службе. Поэтому до первой мировой войны существовало противоречие между амбициями чешских политиков, направленными на признание самостоятельной и полноправной чешской нации в международном масштабе, и их неспособностью существенно повлиять на высокую политику. В этих условиях чешское общество в начале XX в. реализовало свои национальные амбиции гораздо в большей

степени в негосударственной сфере (к примеру, в движении неославизма), чем во внешнеполитических акциях²⁷.

К сожалению, рамки обзора не позволяют более подробно проанализировать содержание работ Й. Коржалки. Концепция пяти идеологических доминант представляет собой совершенно новое оригинальное объяснение эволюции чешской нации. Подход Й. Коржалки, строящийся на выявлении чрезвычайной семантической чувствительности языка к этно-социальным изменениям позволяет наиболее полно рассмотреть эволюцию доминирующих признаков национального самосознания. Это сближает исследование с моделью национализма в трудах Э. Геллнера, где доказывается, что процесс складывания национального общества ярко проявляется в изменениях одежды, речи, поведении и образа жизни. Дифференцированное культурно-языковое оформление в лексических пластах таких понятий как "богемский народ", "славянство", "великогерманство", "чешская самобытность", а также представлений об общей австрийской родине — все это показывает, насколько многогранным и неоднозначным был процесс эволюции этнического меньшинства в национальное общество. Метод Й. Коржалки без сомнения перспективен и плодотворен. Он применяется автором в совокупности с исследованием социальной структуры и процесса партийно-политической дифференциации общества, и именно в этой совокупности он является органичным дополнением к анализу всего комплекса проблем нациообразования.

С другой стороны, материалы, которые приводит Й. Коржалка, не вписываются в модели национализма, которые выстраивают как Э. Геллнер, так и М. Грох. В соответствии с их подходом, по мере развития нации происходит упорядочение и стандартизация системы идей. В новом обществе складывается новая структура ценностей и новая модель государства, а "старые связи государства с религией и династией распадаются или становятся нефункциональными и превращаются в чистую декорацию"²⁸. Тем не менее, чехи, сложившись в национальное общество, продолжают остро ощущать необходимость сохранения государственного комплекса австрийских земель и традиция сосуществования отдельных земель империи продолжает

действовать уже на уровне национальных обществ. Й. Коржалка показывает, как доминанта "австрийство", постоянно модернизируясь, наполняясь все более идеями национальной самобытности, оставалась ведущей концепцией на протяжении XIX – начала XX в. Иными словами, "австрийство", с одной стороны, помогало преодолевать комплекс "неполноценности" (малочисленности) малой нации и, с другой стороны, предоставляло определенные гарантии от внешней ассимиляции. Такой подход дает возможность по-новому взглянуть на эволюцию национализма в имперском пространстве. Появление этого исследования заставляет во многом пересмотреть устоявшиеся подходы к проблемам складывания чешской нации и открывает новые перспективы для исследования процессов нациообразования в Центральной Европе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Colorado. 1977. S. 5.
2. Дискуссию с концепцией М. Гроха см.: Э. Геллнер. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. // Путь. 1992. № 1. С. 9–62.
3. Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. – Frankfurt / New York. 1988. S. 88–89.
4. Й. Коржалка начал подробно исследовать проблему национальных взаимоотношений в 60-е гг. В 1963 г. выходит в свет его книга, посвященная проблеме пангерманизма в чешских землях в конце XIX в., а в 1969 г. – монография "Что есть нация", в которой автор делает попытку отойти от абсолютизации экономической аргументации процессов нациообразования. В 70-е гг. Й. Коржалка принимал активное участие в работе страбургской группы по изучению проблем "возвышения социальных и политических элит" и "политической репрезентации" чешской нации. В 80-е гг. он занимается разработкой своей концепции чешской нации.
5. Kořalka J. Tschechen im Habsburgerreich und in Europa 1815–1914. Sozialgeschichte Zusammenhänge der neuzeitlichen Nationsbildung und der Nationalitätenfrage in den böhmischen Ländern. – Wien: Verlag für Geschichte und Politik. München. 1991. S. 24–26.
6. Геллнер Э. Указ. соч. С. 24–25.
7. Sugar P. F. The Rise of Nationalism // Austrian History Yearbook. Vol. III. Pt. 1. 1967.
8. Anderson B. Op. cit. S. 71–137.
9. Kann A. Die Habsburgermonarchie und das Problem des Übernationalen Staates // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band II. Wien., 1975. S. 1–51.
10. Kořalka J. Op. cit. S. 28–37. Отметим, что Й. Коржалка пишет о существовании двух основных тенденций: "староавстрийство" и "много-

национальное австрийство". Первоначальной формой было надэтническое этатистское представление об "австрийстве", как об общегосударственной единой идее, не признающей существование каких-либо иных национальных образований.

11. Kořalka J. Op. cit. S. 125; Hroch M. Evropská národní hnutí v 19. století. Praha, 1986. S. 246–250.

12. Kořalka J. Op. cit. S. 36–37; Morava G. J. Franz Palacký. Eine frühe Vision von Mitteleuropa. Wien, 1990. S. 104–134.

13. Kořalka J. Op. cit. S. 123–125.

14. Hroch M. Op. cit. S. 55.

15. Křen J. Konfliktní společnost. Češi a Němci. 1780–1918. – Praha, 1990. S. 11.

16. Kořalka J. Op. cit. S. 51–63.

17. Ibid. S. 60–61.

18. Křen J. Op. cit. S. 151.

19. Ibid. S. 244.

20. Kořalka J. Op. cit. S. 40–42.

21. Wollman F. Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968. S. 45–91.

22. Kořalka J. Op. cit. S. 46.

23. Masaryk T. G. Karel Havlíček. Snáhy a tužby politického probuzení. Praha, 1986. Idem. Česká otázka. Praha, 1948. 6 vyd.

24. Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. New York., 1990. P. 309.

25. Vom Ethnos zur Nationalität. Herausgegeben von Andreas Moritsch. Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Wien, München, 1991. 284 s.

26. Kořalka J. Op. cit. S. 63.

27. Ibid. S. 258–259.

28. Геллнер Э. Указ. соч. С. 23.

НАЦИЯ, ЭМОЦИИ, ПОГРАНИЧЬЕ В РАБОТАХ ЮЗЕФА ХЛЕБОВЧИКА

Профессор Силезского Университета Юзеф Хлебовчик (1924–1985) родился на территории польско-чешско-немецкого пограничья. Он посвятил много работ истории своего родного края¹, а позднее расширил круг своих научных интересов и предпринял наиболее значительную в польской историографии попытку создания теории развития национальных движений. Хотя его работы посвящены "восточной части Центральной Европы", автор не скрывает, что некоторые из его теоретических построений имеют более широкое применение. Главный труд Хлебовчика называется "О праве на существование малых и молодых наций. Национальный вопрос и процессы формирования наций в восточной части Центральной Европы в эпоху капитализма (конец XVIII – начало XX в.)"^{2*}. По ряду причин читать книгу нелегко. Во-первых, автор попросту плохо пишет, стиль его неаккуратный, газетный. Польская историография после 1945 г. вообще не может похвастаться литературными достоинствами, но даже на этом фоне писания Хлебовчика выделяются в худшую сторону. Во-вторых, плохой стиль сочетается с потоком марксистской фразеологии, к которой автор часто прибегает без всякой на то нужды. Наконец, композиция его главного труда весьма нечеткая. По идее она должна была стать компромиссом между проблемным и хронологическим подходами, но на практике часто трудно понять, почему та или иная проблема обсуждается именно в той, а не иной главе. Итак, книга Хлебовчика плохо написана, хаотично построена, наштапована марксистской пропагандой; и тем не менее она принадлежит, по моему убеждению, к числу наиболее значительных достижений среди исследований национализма и является обязательным чтением для всякого, кто занимается этой проблемой.

* Ссылки на эту книгу далее даются в тексте указанием номера страницы в скобках.

В целом подход Хлебовчика нельзя назвать слишком оригинальным. В развитии национальных движений он выделяет "фазу национально-культурную" и "фазу политическую". Последнюю, в свою очередь, он делит на первый этап, когда национальные деятели стремятся к обретению "внутренней суверенности" и утверждению своей национальной культуры, и этап второй, на котором эти деятели стремятся к обретению внешней, т. е. политической, суверенности. Критерии различия этапов не вполне ясны. Насколько можно понять, первый этап включает в себя период становления политической жизни данной народности, ее политических партий, прессы, программ, еще недостаточно зрелых, чтобы предпринять активные действия вовне. Этап второй — этап активной политики (S. 38пп.).

Современная нация является для Хлебовчика творением капитализма. Однако нация, по Хлебовчику, создается на базе уже существующей, но неосознанной этнической общности. В идеологической сфере она черпает определенные элементы из прежней дворянской концепции "политической нации", расширяя ее на другие общественные слои. Автор обращает внимание на неадекватность таких терминов, как "национальное возрождение", и подчеркивает, что еще в эпоху просвещенного абсолютизма национальная проблема не играла в политике никакой роли. С другой стороны, он склонен определять перемены, произошедшие в XIX в., как переход от "спонтанного чувства общности к осознанному". Таким образом, возражая тем исследователям (а также идеологам) национализма, которые стремятся находить национальные конфликты в самом далеком прошлом, Хлебовчик не вполне соглашается и с противоположным взглядом, отрицающим какую-либо связь между возникновением наций в XIX в. и более ранней историей. Эта промежуточная позиция встречается часто; Хлебовчик заимствовал ее, скорее всего, у австрийских марксистов, в первую очередь Отто Бауера. Принимает Хлебовчик и традиционное разделение наций на исторические и неисторические.

Более интересно, по сравнению с этими общими рассуждениями, представление того, как капитализм влияет на развитие национальных идей. Это влияние было двой-

ственным. С одной стороны, капитализм усиливал национальные чувства у этнических меньшинств за счет развития системы образования, миграции в город, влияния концепций романтического национализма и т. п. С другой стороны, капитализм автоматически дает преимущества группам, находящимся в большинстве, поскольку языковой барьер и ассимиляционные трудности были дополнительным фактором, затруднявшим экономическое развитие регионов, населенных меньшинствами. Отсталые регионы с населением, принадлежавшим к той же группе, что и население регионов развитых, имели больше шансов на успешное развитие, чем отсталые регионы, населенные меньшинствами (S. 155). В этой ситуации этническая ассимиляция давала меньшинствам дополнительные шансы на социальный успех. Политические и культурные факторы, "сам романтизм свободолобивых идей" (S. 157) привлекали представителей меньшинств в лагерь большинства (примеры А. Петефи и Л. Кошута, венгерских патриотов словацкого происхождения).

Чтобы влиять на ситуацию на территории, населенной данной народностью, капитализм совсем не обязательно должен там господствовать. Сам процесс капиталистического развития мог происходить где-либо еще, а меньшинство ощущало его последствия в виде роста бюрократизации государства, введения обязательного образования и, как следствие, появления интеллигенции. Регионы, населенные меньшинствами, как правило отстают в экономическом развитии, поэтому во главе национального движения оказывается именно интеллигенция, а не буржуазия (S. 268-9). Отметим интересную терминологическую тонкость: интеллигенцию Хлебовчик определяет как движущую силу процесса формирования нации, выделяя особо группу, определяемую как "гегемон" или "основная социальная сила создающейся национальной общности". Таковой как правило выступает крестьянство (S. 195-6).

Итак, влияние капитализма было двойственным: он ускорял развитие национального самосознания, а с другой стороны увеличивал риск потери идентичности. Часто это сопровождалось усилением отсталости регионов, населенных меньшинствами и удаленных от хозяйственных

центров. Это подталкивало элиты меньшинств к осознанию как главной задачи скорейшего сокращения цивилизационного разрыва. Таким образом, отсталость влияет на положение меньшинства не только "объективно", как определенное экономическое положение, но и субъективно, как фактор формирования способа мышления элит. Когда историки пишут о влиянии осознания отсталости на элиты народов Центральной и Восточной Европы, они обычно обращают внимание на тот факт, что это сознание подталкивало к централизаторским усилиям как элементу модернизации "сверху". Хлебовчик учитывает эту версию (S. 141), но он знает также, что элиты малых народов Центральной и Восточной Европы нечасто имели возможность принимать важные политические и экономические решения. Осознанию отсталости часто сопутствовало осознание невозможности изменить это положение дел, что создавало благоприятный климат для иррационального и агрессивного поведения. Агрессивность национального движения меньшинства возрастает на второй (политической) стадии развития. Причина этой эволюции проста: с точки зрения Хлебовчика само развитие капитализма, даже если оно не сопровождается какой-либо сознательной ассимиляторской активностью, автоматически "работает" на доминирующую группу. Это наблюдение объясняет механизм национального конфликта: меньшинство считает своим врагом не только националистов доминирующей группы, но и те ее партии и организации, которые стараются сохранять нейтральность в национальном вопросе, поскольку нейтральность объективно благоприятствует большинству. Поэтому национализм меньшинств производит впечатление более радикального, чем национализм доминирующих групп. Радикализм этот обусловлен, однако, обстоятельствами, поскольку меньшинство стремится преодолеть неблагоприятную ситуацию.

Хлебовчик рассматривает различные проявления этого радикализма. Он обращает внимание на определенную закономерность развития идеологии всех меньшинств: они стремятся к расширению числа своих членов, создавая объективные критерии принадлежности к своей группе, независимые от самосознания индивидуума или даже

языка. Таким критерием часто бывает утверждение, что предки этих людей некогда были насильно ассимилированы, а значит, их следует вернуть к их исконной национальности. Таким образом, меньшинство "в фазе национальной идентификации" должно исповедывать "догмат об объективном характере национальной связи", и только вполне сформированное национальное сообщество может себе позволить признание "субъективного критерия национальной связи" (S. 250).

В ситуации угрозы меньшинство создает миф врага, который играет консолидирующую роль и позволяет "прибегать в качестве ответной меры к крайним формам борьбы". Появляется также стереотип вины врага, который дает мифу врага моральную санкцию (S. 245-9). Формой ответной реакции на модернизаторские и централизаторские стремления большинства является развитие изоляционистских, охранительных и клерикальных тенденций у меньшинств. В результате национализм все сильнее стремится подчинить себе все альтернативные формы социальных связей (S. 223).

Радикализация политики во второй фазе национального развития, и особенно на втором ее этапе, связана с усилением роли иррациональных элементов в национальной идеологии. Все большую роль начинают играть массовые эмоции, которыми умело пользуются демагогические лидеры (S. 223)³. Автор считает, что при анализе мотивации позиций и действий в национальном вопросе историку не следует абсолютизировать "мотивы, диктуемые рационально осознанными классовыми, имущественными и другими интересами" (S. 213-214), поскольку национальные конфликты значительно чаще, чем классовые, "рождают иррациональные мотивы поступков". Борьба за языковое равноправие все чаще трактуется на этом этапе в категориях борьбы идеологической (S. 245). Автор вводит важное и точное понятие "идеологического национализма", который приходит на смену "национализму политическому" в конце XX в., когда националисты концентрируют свое внимание на проблемах престижа. В значительной степени престижный характер имеет в интерпретации Хлебовчика стремление к экономическому бойкоту "чужих", выражен-

ное в знаменитом лозунге "свой к своему за своим", звучащем кажется на всех языках Центральной и Восточной Европы. Лозунг этот выражал, разумеется, экономические интересы буржуазии, представлявшей свои классовые цели как общенациональные, однако он был одновременно и формой национального движения, считавшего экономику средством реализации национальных идеалов (S. 330).

Уделяя много внимания экономическим вопросам, Хлебовчик далек, однако, от какого-либо экономического детерминизма. Наоборот, он трактует свою схему как открытую, не предопределяющую исторического развития. Он неоднократно подчеркивает с решимостью, которая отнюдь не популярна среди современных историков, что история не предопределена, что изучение того варианта, который имел место в действительности, не освобождает от необходимости рассмотрения нереализованных сценариев⁴. Кажется, хотя *expressis verbis* это нигде не сформулировано, что с точки зрения Хлебовчика национальобразующий процесс начинается автоматически, подталкиваемый развитием капитализма и государственной централизации, но дальнейшие этапы национального движения уже не детерминированы. Автор перечисляет, например, различные возможности, перед которыми стояло в первой половине XIX в. национальное движение словаков: они могли развиваться в особую нацию, могли слиться с чехами, могли остаться в рамках более широкой автономнофедеративной структуры, могли, наконец, подвергнуться полной мадьяризации (S. 303).

Сама конструкция второй фазы национального движения свидетельствует о том, что Хлебовчик не считает независимое национальное государство необходимым и неизбежным венцом национального развития. Эта фаза, как уже было сказано, делится на этапы "внутреннего" и "внешнего" развития. Стремление к созданию независимого государства не выделяется, таким образом, как специфический элемент развития нации.

Отказ от исторического детерминизма логически объединяется с мнением автора, что по мере развития национального движения начинают доминировать иррациональные элементы и эмоциональные лозунги. А там, где правит

эмоция, исчезает, по Хлебовчику, необходимость и предсказуемость. С отказом от детерминизма связано также убеждение, что политическая ирредента, т. е. стремление к развалу многонациональных империй и созданию национальных государств, была накануне первой мировой войны маргинальным явлением (S. 317–318). Это суждение, неоднократно повторенное и так контрастирующее с общим мнением, принадлежит к числу наиболее интересных тезисов Хлебовчика; а его замечание, что лозунги независимости, провозглашавшиеся до 1914 г., были не более чем красивыми фразами или элементами торга в политической борьбе, заставляет по-новому взглянуть на многие национальные программы кануна войны. Хлебовчик разделяет мнение австромарксистов, что никаких объективных причин для создания малых национальных государств не было, а экономическое развитие скорее подталкивало к созданию больших государственных организмов.

Хлебовчик придает особое значение специфической ситуации пограничья, зная, что этнически неоднородные территории играли ключевую роль в развитии европейских национализмов. Он посвящает много внимания возможностям национального выбора, которые возникали перед людьми, жившими на территориях со смешанным населением. Стоит отметить некоторые терминологические находки Хлебовчика, введшего понятие "стыкового" (например, немецко-польское) и переходного (например, польско-украинское) пограничья, различных по степени этнической, культурной, языковой и религиозной близости и совместимости соседей. Он предложил, наряду с господствующей группой и меньшинством ввести понятие "доминирующей группы", которая по своему положению находится между первой и второй: такой группой были поляки по отношению к украинцам в Восточной Галиции XIX в. или балтийские немцы в отношении латышей и эстонцев. В отношениях с господствующей группой доминирующая выполняет роль меньшинства (S. 28–33). Автор различает, что историки делают редко, "материнский" язык, на котором говорят дома, и разговорный, с которым ребенок сталкивается в общественной жизни. Он рассматривает различные варианты развития национального самосознания, возникающие

при совпадении и несовпадении этих языков (S. 58-9). Он дополняет модель введением поколенческого фактора.

Хотя Хлебовчик без нужды усложняет свои рассуждения введением псевдоалгебраической символики, предполагающей большую точность, чем та, которой в данном случае можно достичь, этот фрагмент является одним из наиболее ценных в его книге. Это редкий в историографии пример "микроисторического" исследования — анализ типичного поведения индивидуума как ключ к пониманию социальных процессов. Для представленного автором открытого взгляда на процессы формирования наций вполне органичен и анализ различных ролей, которые могут выполнять регионы пограничья. Эти регионы могут быть как мостом для культурного обмена, так и ареной острейших этнических конфликтов (S. 364-366).

Анализируя ассимиляционные процессы, Хлебовчик поднимает и другую фундаментальную проблему: какие факторы имеют решающее значение для преобразования этнической группы в нацию. Он справедливо отмечает, что не следует абсолютизировать численности данной группы, а нужно принимать во внимание и другие факторы, как то: уровень экономического развития, степень близости языка господствующей группы и меньшинства, социальная структура меньшинства. Жаль, что эта проблема "критической массы нации" обсуждается в книге как побочная.

Теория Хлебовчика не выглядит завершенной. Главную ценность представляет в его книге не общая конструкция, но частные сюжеты, которые лишь частично рассмотрены в этой статье. Многие наблюдения Хлебовчика служат скорее приглашениями к дальнейшим исследованиям, они больше ставят проблемы, чем разрешают их.

Некоторые концепции Хлебовчика могли быть важны для польского читателя в конце семидесятых и начале восьмидесятых годов, но сегодня уже не столь важны. Речь прежде всего об отношении к марксизму. Влияние марксизма в его книге очевидно в интересе к экономическому аспекту национального вопроса, к проблеме отсталости и, как уже отмечалось, в фразеологии. Очевидно, вместе с тем, и наличие элементов, далеких от марксистской ортодоксии, в том числе акцентирование эмоции как поведен-

ческого мотива или убежденности в отсутствии predeterminedности исторического процесса. Решительной критике подвергает Хлебовчик и позицию Маркса и Энгельса в отношении национальных движений малых народов во время Весны народов.

Оценивая достижения Хлебовчика в исследованиях национального вопроса, нельзя обойти вниманием еще один очень важный аспект – отношение автора к описываемым событиям. Автор выступает решительным противником любого шовинизма, но полон симпатии к освободительным стремлениям угнетенных наций. Он считает, что этническая разнородность ценна сама по себе, и вовсе не обязательно ведет к конфликтам и войнам. В то же время он принадлежит к наиболее проникательным наблюдениям тех опасностей, которые грозят меньшинству не от угнетателей, а от него самого. Хлебовчик сумел освободиться от доминирующей в польской историографии глорификации угнетаемых народов и показать, как угнетаемое меньшинство может оказаться в "затхлой атмосфере консервативных обычаев и норм жизни, полных ультраклерикальности и национального солидаризма" (S. 263). В этой связи он особенно высоко ценил позицию молодого Томаша Масарика, и прежде всего его поведение в так называемой борьбе за рукописи, когда Масарик выступил против аутентичности фальшивок, которые всеми считались самыми древними средневековыми чешскими рукописями. Мотивы его выступления были этическими – Масарик не хотел, чтобы национальное движение опиралось на ложь. "Если бы все заслуги Масарика сводились только к этому, – писал Хлебовчик, – то этого вполне хватило бы, чтобы Масарик занял в галерее наиболее заслуженных деятелей периода становления чешской нации место непосредственно рядом с Палацким" (S. 233). Идеалом для Хлебовчика были те течения в национальном движении, которые оказывались способны "совместить национальные формы и содержание с универсальными, общечеловеческими ценностями" (S. 235).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chlebowczyk J. Wybory i świadomość społeczna na Śląsku Cieszyńskim w drugiej połowie XIX wieku. Katowice-Kraków, 1966; Ibid. Nad Olzą. Śląsk Cieszyński w wiekach XVIII, XIX i XX. Katowice, 1971.

2. Ibid. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.) Wyd. 2. Warszawa, 1983.

3. См. также: Chlebowczyk J. Między dyktatem, realiami a prawem do samostanowienia & Prawo do samookreślenia i problem granic we wschodniej Europie Środkowej w pierwszej wojnie światowej oraz po jej zakończeniu. Warszawa, 1988. S. 92–3.

4. Chlebowczyk J. Między dyktatem... S. 5–6.

5. Ibid. S. 53nn.

Перевод А. Миллера

Г. А. ВИНКЛЕР И Т. ШИДЕР О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛИЗМА

В 1978 г. Генрих Август Винклер издал в серии "Новая научная библиотека" сборник статей, посвященных вопросам национализма¹. В рецензии на эту книгу, помещенной в "Historische Zeitung"², П. Альтер отмечает, что это вторая попытка в немецком языковом пространстве (после двухтомника Е. Лемберга "Национализм"³) дать общий обзор развития национализма в Европе, а также затронуть данную проблему в отношении Америки, Азии и Африки. Сборник под редакцией Винклера отличается более пристальным, чем книга Лемберга, вниманием к вопросам национализма вне Европы. Следует отметить, что сборник "Национализм" включает в себя в основном статьи наиболее известных и авторитетных на тот момент авторов по ключевым проблемам национализма. Хотелось бы упомянуть также, что через год после выхода этого сборника его составитель и редактор выпустил в соавторстве с Т. Шнабелем "Библиографию к национализму" – интердисциплинарную библиографию, содержащую важнейшие теоретические и обзорные работы по этой проблеме, а также литературу по отдельным регионам и странам⁴.

Кроме того, в нем можно, по словам Альтера, найти практически все подходы к проблеме национализма, возникшие в ходе дискуссий 60-х – 70-х гг. Именно как "срез" состояния историографии проблемы на тот момент сборник и интересен сегодня в первую очередь.

Из четырнадцати статей сборника проблемам национализма вне Европы посвящены шесть: В. Ф. Вертхайма (Азия), Ч. А. Джонсона (Китай), М. Мариямы (Япония), Ш. Авинери (арабские страны), Р. Р. Ротберга (Африка), Х. Й. Пуле (Латинская Америка). Т. Шидер, Р. А. Бердал, М. Грох, Д. Гейер освещают в своих работах отдельные проблемы европейского национализма. Теории вопроса касаются статьи К. Дойча, Д. Каца, Х. Моммзена и А. Мартини.

Следует отметить, что редактор и составитель сборника "Национализм" Г. А. Винклер – доктор философии, профессор Берлинского и Фрайбургского университетов – широко известен своими трудами по новой и новейшей истории, в которых постоянно пристальное внимание уделяется вопросам национализма⁵. В открывающих книгу "Предварительных замечаниях" редактор ее отмечает две особенности предлагаемого сборника: во-первых, была поставлена задача отобрать новейшие материалы по проблеме национализма. Во-вторых, по мнению Винклера, обычно дискуссии о национализме сводятся к изложению "истории его пророков". В данной же книге была поставлена задача рассмотреть различные формы национализма в прошлом и настоящем, в Европе и за ее пределами с целью определения его социальных и политических функций. С точки зрения составителя сборника, лишь такая постановка вопроса дает возможность определить перспективы развития рассматриваемого феномена.

В соответствии с заявленной таким образом позицией написанное Винклером "Введение" называется "Национализм и его функции".

Отмечая многозначность термина "национализм" в политическом и научном его употреблении, Винклер настаивает на том, что рассматривать его следует только в определенном контексте. Автор описывает споры историков и социологов вокруг этого термина, в связи с которыми можно говорить, например, о еврейском национализме в античности или о национализме средневековья. Сам же он считает, что история современного национализма начинается после Великой Французской революции. По мнению Винклера, крах христианского универсализма приводит к тому, что национализм становится эрзацем религии. То есть в то время, как лояльность по отношению к нации приобретает более высокий ранг, нежели иные связи, нация приобретает трансцендентальное качество. Описывая эту ситуацию, Винклер использует выражение американского историка Х. Кона – "чисто вегетативное чувство группы"⁶.

Начало широких исследований проблемы национализма автор "Введения" относит к периоду после первой мировой войны. Историческая ситуация, обусловившая

интерес к этому вопросу, определила и разные подходы к нему, возникновение различных концепций нации и национализма, а последующий опыт европейского фашизма и национал-социализма спровоцировал многочисленные дискуссии о различных формах национализма.

Первым успешным опытом исследования форм возникновения и исторической типологии национализма Винклер называет книгу К. Х. Хайеса "Историческое развитие современного национализма"⁷, в которой было проведено различие между гуманистическим, якобинским, традиционным, либеральным и интегральным национализмом. Против этого разделения выступил Х. Кон, опиравшийся на описанные Ф. Майнеке понятия "государственной" и "культурной" нации⁸, под которыми подразумеваются "субъективно-политические" (западные) и "объективно-культурные" (восточные) определения нации. Дихотомия Кона больше всего дискутировалась в западном мире в 60-е – 70-е гг., так как она включает в себя политическое восприятие понятия национализма. С точки зрения Кона, западное восприятие нации либерально, демократично и рационально, ему принадлежит будущее; восточное же – обращено в прошлое, иррационально, антииндивидуалистично и тем самым – в противоречии с гуманизмом Гердера, творца культурной концепции нации – является потенциально расистским, а в экстремальных случаях – фашистским. Винклер считает эту концепцию приемлемой лишь со многими оговорками.

Признавая революционное значение гердеровского "открытия" национальных языков как идентифицирующего элемента, Винклер предлагает формулировку нации, принадлежащую Т. Шидеру: "нация – величина, данная до государства, базирующаяся на исторической, культурной или социальной общности"⁹. Шидер рассматривает три фазы европейских национальных движений: западно-европейскую, средне-европейскую и восточно-европейскую. По мнению Винклера, это деление не разрушает дихотомии Кона и позволяет рассматривать функции национализма соответственно фазам его развития, так как социальные причины и социальные функции национализма являются величинами переменными.

В качестве первого исследования социальных причин возникновения национализма Винклер называет работу М. Гроха о национальных движениях малых народов Европы¹⁰, в которой вычленяются следующие три фазы развития национальных движений: 1) начало "национального пробуждения" — действует социально изолированная группа интеллектуалов (защита языка, культуры, истории угнетенного народа); 2) патриотическая агитация широких интеллектуальных кругов; 3) проникновение национального самосознания в массы.

Рассматривая различные периодизации развития национализма, Винклер отмечает как особо важное положение Э. Карра о том, что на определенном этапе (по Карру — 1870—1939 гг.) происходит процесс социализации нации¹¹. На примере Германии Карр прослеживает возникновение и развитие "экономического" национализма, когда защита национального производства приводит к тому, что "социализация нации находит свое естественное соответствие в национализации социализма"¹². С точки зрения Карра, в это время акценты переходят с политики на экономику, со среднего слоя на массы. Однако либерализация экономики и политики уже включает в себе тоталитарные тенденции, которые разрядились в две мировые войны. В это время национализм приобретает функцию психологического клапана.

Винклер утверждает, что приобретение национализмом как идеологией интерграции социальных функций есть лишь одна сторона превращения его в самостоятельный феномен. Другая сторона этого превращения — обращение его против классовых интересов, то есть отрицание этих самых функций.

Исторический период после окончания второй мировой войны рассматривается во "Введении" как характеризующийся кризисом национализма в Европе и подъемом его в "третьем мире". Описывая ситуацию в странах Азии, Африки и Латинской Америки, Винклер уделяет особое внимание проблеме панарабизма. Силу его (до 1977 г., когда в результате мирных инициатив Садата произошел распад арабского единства и утерял свое былое значение панарабизм) он видит в том, что в отличие от панславизма пана-

рабизм не базируется на гегемонии одной страны и в отличие от панафриканизма имеет своей основой реальную культурную общность).

Принципиальным является утверждение Винклера о том, что на страны Азии и Африки распространяется установленное Грохом для малых европейских народов положение о ключевой роли в движении за независимость интеллектуальных кругов. (При этом Винклер считает, что процесс обретения независимости образования наций в Европе).

Главная же социальная функция национализма для стран "третьего мира" состоит, по мнению Винклера, в достижении независимости путем создания союза гетерогенной коалиции сил¹². Но поскольку почти во всех странах "третьего мира" должны произойти интеграционные процессы, их необходимость определяет официальную функцию национализма после образования государства.

Важным фактором развития национализма вне Европы Винклер считает синтез национализма и социализма, вызванный множеством причин, в том числе — памятью о колониальном прошлом и экономической зависимостью от западных потребителей сырья. Этот синтез не помогает однако добиться какой бы то ни было сплоченности государств "третьего мира". Декларируемый на словах панафриканизм не может противостоять балканизации черного континента.

Винклер называет национализм развивающихся стран амбивалентным феноменом. Он может быть связан с зависимостью от индустриальных государств или от хода освободительных движений. Но помимо этих функций национализм в "третьих странах" всегда имеет целью решение внутренних проблем.

Возвращаясь к европейским проблемам, Винклер отмечает некоторое оживление национализма с исчезновением непосредственной опасности коммунизма. На ранней стадии он замечает тенденцию, ясно проявившуюся позднее, когда правые партии стали брать на вооружение национализм. Говоря о преобладании этого процесса во Франции, он подчеркивает, что национализм играет в 70-е гг. гораздо менее дезинтеграционную роль, чем в межвоенный период.

Подводя итоги своеобразного обзора, который представляет собой "Введение" к книге "Национализм", Винклер обращается к формуле Эрнеста Геллнера: национализм в меньшей степени связан с индустриализацией и модернизацией как таковыми и в большей — с их неравномерным распределением¹⁴. Согласно этой точке зрения национализм продуцируется падением интернационального благосостояния и является реакцией на отсталость.

Энтони Д. Смит описывает национализм как "миф исторического обновления", рождающийся из кризиса традиционных авторитетов, ценностей и убеждений¹⁵. Согласно этой точке зрения, национализм возникает как ответ интеллектуалов на исторический процесс рационализации, в определенной степени он происходит из желания аутентичности и современности.

Но наиболее точно, по мнению Винклера, определяет социально-психологическую диспозицию, которая делает возможным возникновение национализма, Д. Фрелих: "Задача национализма — восстановить утраченное единство системы норм и ценностей. Эта эрзац-конструкция общественного единства служит уменьшению чувства социальной нестабильности и эмоционального напряжения"¹⁶. Иными словами, сильна тенденция к описанию национализма как болезни роста, побочного продукта модернизации.

Наиболее плодотворными автору "Введения" представляются попытки искать истоки национализма в кризисном переходе от "сегментарного" к "интегрированному" обществу, когда национализм удовлетворяет потребность в коллективной идентификации, которую уже не обеспечивают традиционные духовные ценности. Так, некоторые преимущества предоставляет исследователю, по мнению Винклера, концепция К. Дойча, опирающаяся на теорию национальных общинных форм О. Бауэра. По Дойчу основной исторический процесс, который делает возможным национализм, определяется понятиями "мобилизация", "коммуникация" и "комплементарность". Таким образом, концепция Дойча представляет нации не только как социальные образования, но и как результат исторического развития, а становление наций — как естественный процесс, обеспе-

чивающий социальную комплементарность¹⁷.

К похожим выводам приводит психологический подход, отмечающий фазу, на которой национализм утрачивает свое эмансипирующую функцию. Д. Катц называет важнейшим значением национализма для индивидуума расширение "эго", когда единичное становится частью большего целого¹⁸. Он же считает психологической почвой для национализма материальные фрустрации (например, после первой мировой войны).

* * *

Помещенная в книге "Национализм" статья Т. Шидера "Типология и формы возникновения национального государства в Европе" написана на основе доклада, прочитанного им на международном конгрессе в Вене¹⁹. "Национализм как образ мыслей и политического поведения" — такова была по определению Х. Кона тема этого конгресса, из чего и исходит текст Шидера. Как и Винклер, Т. Шидер являлся признанным специалистом в области новой истории и, в частности, проблем национализма²⁰.

Начало статьи посвящено изложению теории трех фаз развития национализма в Европе, о которой упоминал в своем "Введении" Г. А. Винклер. Остановимся на ней немного подробнее.

С точки зрения Шидера, наилучшие результаты дает применение историко-генетического метода, когда учитывается общая основа всех национальных образований в Европе. Во времена Возрождения формируется связь между национальной культурой и национальным государством, особенно тесная в княжествах. Национальные культуры и национальные языки возникают в прямой зависимости от государственных образований, которые в свою очередь все больше принимают национальный облик, пока еще не оформленный как дух нации.

Этот процесс входит в решающую стадию во время великих революций XVII и XVIII вв. в Англии и Франции. На первом этапе этого процесса современное государство образуется в Англии и Франции путем внутригосударственной революции. (По Руссо — "по воле нации"). Возника-

ет национально-революционный и национально-демократический тип государства, в котором культурная и языковая общность не имеют первоочередного значения. Для этого государственного типа характерны принципы суверенности народа, его внутренней свободы и самоопределения. Вторым этапом Шидер называет период, когда национальные государства возникают из политически разделенных частей наций, которые хотят преодолеть свою раздробленность. Здесь нация выступает как данная до государства культурная, историческая и/или социальная общность. (Напомним, что именно этот тезис особенно выделяет Винклер). На этом этапе идея наций как языковых и культурных общностей становится основополагающей. Как считает Шидер, именно эта идея Гердера, немецкой идеалистической философии и немецких восточно-европейским революциям. На третьем этапе, когда Европа уже поделена национально-демократическими революциями, Восточная Европа представляет собой поле влияния континентальных империй. В эпоху национальных движений вступают Габсбургская монархия, Османская и Российская империи. Политическое сознание народов – носителей этих движений, развивается не в государстве, но против государства. Образование государства при этом происходит не через соединение разрозненных частей, но через отделение от большего, членение. Осуществление внутренних демократических свобод становится возможным лишь через достижение свободы внешней, как это формулировал Т. Масарик. Когда российские революционеры позже, в 1917 г., провозгласили право наций на самоопределение вплоть до отделения от России, они находились под влиянием этой традиции третьей, восточно-европейской фазы национального движения.

Большое внимание уделяет Шидер языковой проблеме в Европе в XIX – первой трети XX в. в Европе одновременно идут процессы утери некоторых диалектов и языков малых народов и, с другой стороны, создания новых литературных языков. Одной из задач романтических национальных движений была кодификация национального языка. В рамках многонациональных империй возникали школьные языковые монополии. Описывая ситуации, складывавшиеся в

языковом отношении в различных регионах Европы, Шидер приходит к выводу, что их необходимо рассматривать в политическом и социальном контексте – в этом случае языковой национализм предстает как предшественник более тяжелых националистических эксцессов, при которых "чужая" нация не только может быть вытеснена или "пересажена", но и уничтожена.

Исследования Шидера постоянно приводят его к необходимости подробно анализировать социальные и политические проблемы национального государства. Он предлагает искать основные причины национализма средствами историко-эмпирического метода. В этой связи ему представляется важным тезис В. Конце, понимающего нацию и общество как продукт великого процесса эмансипации, начавшегося после научно-технической революции¹⁹. То есть, по его мнению, новые общественные силы формируются как нации и выходят на арену истории одновременно с пролетариатом. Нации выражают интересы нового общества, когда старый порядок сменяется предреволюционной эпохой. Шидер считает подтверждением этого тезиса то, что современные нации в первую очередь формируются из тех самых групп, которые несут технико-индустриальный или политико-социальный прогресс, то есть из различных слоев буржуазии. Поэтому в определенном смысле национальное государство и образующие его слои часто воспринимались как бесклассовое национальное общество. Позднее национальный либерализм в Италии и Германии включал в себя представление о том, что национальная партия есть партия всех сословий и должна защищать общие интересы нации. Разумеется, известно множество партий, представляющих чьи-то особые интересы, но в среде национальной буржуазии часто бытует мнение, что национальная либеральная партия представляет некую общность нации.

Признавая определенные успехи, достигнутые в политическом отношении национальными государствами, пережившими шок мировых войн и экономических кризисов, Шидер считает, что пришло время создавать некие над- и интернациональные структуры, которые помимо всего прочего помогли бы преодолеть болезнь национализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Nationalismus. Hrsg. v. H. A. Winkler. Köln, 1978.
2. Alter P. H. A. Winkler (Hrsg) Nationalismus. – Historische Zeitschrift, 1981, Band 232, Heft 2.
3. Lemberg E. Nationalismus. Hamburg, 1964. Band 1, 2.
Winkler H. A., Schanabel Th. Bibliographie zum Nationalismus. Göttingen, 1979.
5. Winkler H. A. Preussische Liberalismus und deutsche Nationalstaat. 1964; Mittelstand, Demokratie und National-Sozialismus, 1972; Revolution, Staat, Faschismus. 1978.
6. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Frankfurt/M, 1962. (The Idea of Nationalism. N. Y., 1944).
7. Hayes C. J. H. The Historical Evolution of Modern Nationalism. N. Y., 1931.
8. Kohn H. Prelude to Nation. Princeton, 1967; F. Meinecke. Weltbürgertum und Nationalstaat. Werke. Bd. 5. München, 1962.
9. Schieder Th. Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaates in Europa. – Historische Zeitschrift. Band 202. 1966. S. 58–81.
10. Hroch M. Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Prag, 1968.
11. E. H. Carr. Nationalism and After. N. Y., 1945.
12. Op. cit. S. 13.
13. Здесь Винклер ссылается на Wertheim W. E. Ansprenger, Nationalbildung. S. 142 f. In: Eisenstadt und Rokken, Hrg. II, 385–426.
14. Gellner E. Thought and Change. London, 1964. P. 147–178.
15. Smith A. D. Theories of Nationalism. London, 1971.
16. Frohlich D. Nationalismus und Nationalstaat in Entwicklungsländer. Meisenheim, 1970.
17. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, Mass, 1953.
18. Katz D. The Psychology of Nationalism, In: J. P. Guilford, ed. Fields of Psychology. N. Y., 1940.
19. Перепечатано из Historische Zeitschrift. Band 202. 1966. S. 58–81.
20. Schieder Th. Das Deutsche Kaiserreich von 1871 als Nationalstaat. Köln, 1962; Der Nationalstaat in Europa als historische Phänomen. 1964; Zum Problem der Staatenpluralismus in der modernen Welt. 1968.
21. Conze W. Nation und Gesellschaft. In: Historische Zeitung. 198. 1964. S. 1ff.

ХОРВАТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 80-Х: МЕЖДУ ИСТОРИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ

Дискуссии о содержании и направленности национальной идеологии, о соотношении югославянского и национального сознания, о федерализме и унитаризме, о роли монархии Габсбургов в развитии хорватской нации, о хорватско-сербских отношениях и самой исторической легитимности государства начались в Югославии чуть ли не с момента ее создания в 1918 г.

Исходной точкой был не завершившийся и сегодня процесс национального самоопределения, который хорватское национальное движение рассматривало и рассматривает как создание независимого национального государства. Вместе с тем, в Хорватии всегда были сильны и югославистские традиции, в рамках которых считалось возможным обрести национальную свободу и государственность в рамках более широкой этнической и государственной общности — югославянства.

Отношение к государству Габсбургов было существеннейшим элементом исторического сознания сербов, хорватов и словенцев во все периоды существования Югославии. Оценка роли Австро-Венгрии в судьбах этих народов была важна для национального — исторического и политического сознания этих народов и как обоснование легитимности требований национальных движений, и как обоснование традиций, культуры, психологии, образа жизни, своего места в истории Европы. Она была резко негативной в сербской историографии и доходила до апологии у хорватских и словенских интеллектуалов. Да и в массовом национальном историческом сознании монархия в некоторые исторические периоды и определенных политических ситуациях Габсбургов ассоциировалась с большей степенью национальной свободы — до распада Югославии и с возможностью мирного решения национальных проблем в многонациональном государстве — после распада.

В 80-е гг. романтические воспоминания о монархии Габсбургов ожили и в национальном сознании венгров, чехов, австрийцев были важнейшей составной частью "этнического ренессанса" у народов Средней Европы. При этом речь, безусловно, шла не о воссоздании единого государства, охватывавшего большую часть Средней Европы, но об альтернативе коммунистическим режимам (за исключением австрийцев), о признании общности многих традиций, основ культуры, выгоде экономического сотрудничества. Распад Югославии и Чехословакии, сложные отношения между другими народами и государствами Средней Европы – это не только последствия, но и продолжение распада государства Габсбургов. Идея монархии Габсбургов у югославян уступила место идее Югославии, которая, в свою очередь, сменилась идеей независимых Хорватии и Словении. Историческое развитие пошло по пути создания более мелких, но реально остающихся политическими государствами.

Что же касается Хорватии, то оценка монархии Габсбургов и положения в ней хорватов стала одной из отправных точек – не только исторических фантазий и иллюзий, но и реальной политики, направленной на отделение от Югославии и создание независимой Хорватии. Монархия Габсбургов рассматривалась как возможная, но упущенная альтернатива не только коммунистической Югославии, но и Югославии как таковой, поддержка которой частью хорватской нации стала считаться ошибкой. Принадлежность к Средней Европе воспринималась как один из важнейших аргументов в пользу выхода Хорватии (как и Словении) из состава Югославии, который рассматривался значительной частью общественного мнения этих народов как возможность сохранить свою национальную индивидуальность.

Является ли югославизм альтернативой национализму – хорватскому и сербскому? Является ли Югославия альтернативой монархии Габсбургов? Является ли узкий национализм (в данном случае – хорватский) "меньшим злом" по сравнению с югославизмом? Чем моноэтническое государство "лучше" и эффективнее полиэтнического? На какой основе должно строиться государство в принципе, т. е. может ли этническая общность быть субъектом го-

сударственного права? Можно ли проводить прямые историко-политические параллели между началом XX в. и его концом? Насколько был закономерным распад государства Габсбургов и создание Югославии? Было ли, наконец, это решением проблемы национального самоопределения народов Средней и Юго-Восточной Европы? Все эти вопросы утратили чисто научную значимость и приобрели острый политический характер.

Семидесятилетие независимого югославского государства, проходившее на фоне углублявшегося кризиса межнациональных отношений и федеративного государства, заставило историков вновь обратиться к его истории. Что представляло из себя югославянство в прошлом? Достаточно ли было этнической и языковой близости югославянских народов для создания единого государства? Был ли этнический унитаризм обманом или самообманом? – Вот лишь некоторые из ключевых вопросов, поставленных на обсуждение академиком Ч. Поповым в декабре 1988 г. на юбилейном "круглом столе" историков Югославии¹.

Эти вопросы задавались и раньше. Автор книги "Югославянство сегодня", вызвавшей в начале 80-х гг. широкий резонанс и ожесточенную полемику, известный загребский культуролог и публицист Предраг Матвеевич, писал: "Югославизм – это не только позиция, принадлежность или символ, но и (реальное) положение вещей, взаимоотношения, формы совместной жизни в Югославии". Значение югославизма в нашей истории, продолжал он, изменялось с течением времени: от национальной идеи к государственной идеологии; от утопии к политической практике; от национального единства к возникновению межнациональных противоречий. Каждый народ Югославии имел свои причины уклоняться от открытого обсуждения проблем югославянской общности. У хорватов это объяснялось отрицательным отношением к унитаризму; сербы, напротив, боялись обвинений в защите унитаристской концепции югославизма².

П. Матвеевич пытался разграничить понимание югославизма как государственной идеологии и как принадлежности к одной национальной общности, ибо эти две позиции могут и должны различаться. Парадокс, однако, в том, что

угроза национальному существованию проистекала как из сохранения общего югославского государства в том виде, в котором оно существовало и не могло реформироваться, так и из распада этого государства, последствия которого мы наблюдаем в наши дни. Югославизм как альтернатива моноэтническому национализму оказался несостоятельным, ибо югославизм (подобно всем остальным панславистским теориям) был основан все на той же идее и психологии этнического родства, которая так или иначе, раньше или позже ведет к отрицанию этнической индивидуальности и вступает в противоречие с процессом политического самоопределения этнических общностей.

Но тогда, в 1984 г., П. Матвеевич пытался приспособить югославизм к политическим реалиям и сгладить имевшиеся в самой идее противоречия. Чтобы решить эту задачу, он счел необходимым выйти за рамки носившей официальный характер в титовской Югославии марксистской теории. Но, тем самым, он защищал официальную же национально-государственную идеологию – югославизм, на которой основывалось само существование единого и совместного государства югославян. Рассматривая югославизм как реальную альтернативу традиционному национализму каждого отдельно взятого югославянского народа, исследователь полагал, что югославизм нуждается в очищении, в избавлении от крайностей и предрассудков. Он писал: "Когда речь идет о югославизме, необходимо подчеркнуть, что автор не пытается защищать унитаризм или наднациональный югославизм; но он не является сторонником национализма, сепаратизма и анти-югославизма, который в последнее столетие окружали мифы, обман и самообман"³.

Первейшей своей задачей автор считал четкое определение понятий. Унитаризм (т. е. идея этнического единства югославянских народов. – С. Р.), утверждал П. Матвеевич, это отжившая форма югославизма; но не всякий югославизм означает унитаризм. Нельзя отождествлять югославизм, отрицавший право на самоназвание и существование отдельных югославянских народов, с тем югославизмом, который признавал за ними это право. Югославизм, основанный на принципе унитаризма или единого племени, и

югославизм, исходящий из принципов федерализма и многонациональности, — это вовсе не одно и то же. Югославизм как государственная идеология (каким оно было в первые десятилетия нашего столетия, подобно другим национальным и националистическим идеологиям) и югославизм как осознание принадлежности к национальному сообществу, могут и должны различаться. Не столь важна этническая близость, сколь сама потребность народов объединяться, для защиты своего существования и улучшения своего положения.

П. Матвеевич перечисляет некоторые черты, которыми, по его мнению, должен обладать югославизм: "Югославизм должен сохранить вопреки всем внешним и внутренним испытаниям, югославянскую общность; югославизм не должен являться простым распространением национальной идеи той нации, к которой принадлежит каждый человек, не сводящееся исключительно к гражданству; югославизм должен освободиться от идей локальной ограниченности и регионализма; югославизм должен противостоять югославянскому национализму, так же, как и остальным формам национализма; югославизм должен отвергнуть патетику от имени нации и уважать права национальности; югославизм, является особой интернационалистской позицией"⁴.

После всего того, что произошло в прошлом, писал ученый в начале 1980-х гг., югославянство сегодня не может допустить ни унитаризма, ни национализма. Европейской традиции известна точка зрения Монтескье об отношении к своему и другим народам: "Прежде всего я человек, а француз — случайно".

Прежние попытки создать великий наднациональный синтез (пангерманство, панславянство, латинский или романский дух, панарабизм и т. д.) показали свою несостоятельность и неосуществленность, иногда и трагичность. Югославянство не относится к этой категории. Поскольку части государственного и политического сообщества не совпадают друг с другом не утрачивают своей обособленности внутри целого, в которое они включены, само это целое становится более значимым явлением, чем просто набор элементов, ее создавших. Ученых и политиков отли-

чает друг от друга понимание югославянства: считают ли они югославянство только вынужденным совместным существованием или чем-то более значимым и полезным⁵.

Разная история и особенности развития, различия исторического сознания предопределили разное понимание югославизма, писал П. Матвеевич. В основном оно не воспринимается как национальность, но как связанное с ней явление. Югославянский компонент присутствует в национальном сознании каждого народа Югославии. Факторы, которые способствовали конституированию наций в Европе – например, общее прошлое, общая история, общность происхождения, этническое родство, территориальная, государственная, культурная и языковая общности – все это в большей или меньшей степени характерны и для югославизма.

Но национальное и югославянское не надо рассматривать как нечто взаимоисключающее. На территории, где несколько национальностей проживают бок о бок, где говорят на одном языке или ведут похожий образ жизни (как, например, в Боснии и Герцеговине, Воеводине, Боке Которской и на других территориях со смешанным населением) не трудно объяснить, почему определенное число людей на первый план выдвигают черты общности черты, а не различия: они воспринимают других как членов своего сообщества, а не как людей другой национальности.

П. Матвеевич попытался, и это надо поставить ему в большую заслугу, раздвинуть рамки марксистской теории нации, которая в "титовской" Югославии носила официозный характер. В этом он опирался в основном на французскую и германскую философскую и культурологическую традиции, используя произведение Г. В. Гегеля, И. Г. Фихте, И. Г. Гердера, Э. Ренана, К. Леви-Стросса, Э. Фромма и др., а также Н. Бердяева.

Теория нации долго – может быть непрерывно – находится в кризисе, утверждал П. Матвеевич. Ибо все еще нет убедительных объяснений экспансии националистической идеологии и поведения в современном мире. Проблемы нации или национальных отношений невозможно разрешить в рамках самой науки, но возможно их объяснить и растолковать. Выход из кризиса ученый видел в использовании

новых эмпирических и междисциплинарных методов, которые и дадут возможность изучить объект исследования в его целостности.

А в нынешних исследованиях мы, продолжал автор, сталкиваемся прежде всего с концептуальной бедностью традиционных методов. Большинство используемых нами понятий европоцентричны, некоторые из них не применимы даже для всей Европы, не говоря уже о новых государствах Азии и Африки. Фактически он считает неудовлетворительной всю систему понятий, используемых общественными науками от "нации" и "класса" до "языка", "религии", "культуры", "цивилизации".

Часть этих терминов относятся к области психологии: национальное сознание, национальные чувства, дух, менталитет, характер, бытие, идентификация и т. д. В большинстве случаев эти понятия принадлежат психологии в более широком смысле слова, нежели научной дисциплине. Сами по себе они недостаточно точны и определены. В чем, например, отличие национального сознания от других форм сознания? Каково его отношение к моральному сознанию (совести)? Как соотносятся индивидуальное и коллективное сознание? Чем национальное чувство отличается от других видов чувств? Что именно в духе или характере отдельной личности действительно национально? Приведенные выше психологические термины трудно увязать с социальной, политической, экономической, исторической науками, утверждал П. Матвеевич⁶.

Исследователь пытается определить некоторые наиболее актуальные и перспективные темы исследований к и дискуссий с югославянской общности и югославизме. К ним, в частности, он отнес отличия древних и новых наций в Европе, воздействие сегодня европейской модели. Он предлагал сопоставить отдельные фазы формирования югославянских наций в XIX и XX вв., проанализировать соотношение "государство – нация" в истории югославянских народов (в частности, хорваты и словенцы в Австрийской империи, а также в Югославии). Его заинтересовали особенности идентичности национальностей и их связи с соседними государствами, а также проблема религиозной и национальной идентичности, различий в национальных

характеристиках (напр.: хорваты в Хорватии и Боснии, Сербии в Сербии и Хорватии и т. д.). Исследователя волновали возможность адаптации прежнего политического поведения в современных условиях (напр. сербского радикализма, хорватского и словенского клерикализма и т. д.) и разновидности анти-югославянской идеологии – партикуляризм, сепаратизм, сербофобия, панисламизм и т. д.⁷

Изучение социальной и культурной истории очень часто сталкивается с тем обстоятельством, что основные понятия – "государство", "нация", "народ", "культура", "литература" – "скорее сами по себе являются вопросами, а не ответами", – цитирует автор Поля Зумфора. Современная теория обращает внимание на различие между понятиями "нация" и "народ" в европейской терминологии. Со времен Французской революции, которая подтолкнула развитие современной нации, известны многочисленные случаи подмены и отождествление этих двух понятий (а также как "нации" и "родины"). Некоторые теоретики рассматривают "народ" как первичную общественную группу, которая обретает форму и превращается в "нацию". Но, согласно Гегелю, "нация" предшествовала "народу". (Необходимо различать не только эти понятия, но и "нация", "народ" и "национальность", добавим от себя).

В самом понятии "нация" иногда выделяют цивилизационный компонент, а в понятии "народ" – этнический или, в соответствии с марксистским методом, классовый, продолжал П. Матвеевич. Ту часть культурного наследия, которая возникла еще до превращения народа в нацию, можно по-разному идентифицировать в зависимости от того, примем ли мы во внимание национальные или народные характеристики. Националистические идеологии находили в этом повод для спора относительно принадлежности отдельных частей культуры или самой истории, представляя нацию скорее как трансцендентное, чем как историческое и общественное явление.

Части некоторых югославянских народов не обрели в свое время национальную сущность. "В какой мере, например, сербы из Хорватии и Боснии относятся к сербскому народу, а в какой – к сербской нации, хорваты из Боснии относятся к хорватской нации и к хорватскому народу? Не

являются ли ныне боснийские хорваты и сербы, в сообществе с мусульманами, более близкими друг другу, чем сербам и хорватам из Сербии и Хорватии?" – задает автор вопросы себе и своим читателям⁸.

Существуют различия и в отношении к истории. Каждый из югославянских народов (наций) в той или иной степени в своем прошлом являлся не "историческим", а историческим маргинальным, т. е. развивался в зависимости от хода истории у других народов. В отдельные исторические периоды любой мог бы отнести нас к числу тех народов, о которых Гегель цинично сказал, что они "едва ли достигли уровня общества, не говоря уж о государстве". Способы же, которыми националистическая историография вымостила столетние пустоты и провалы, чтобы показать, что в действительности существует историческая непрерывность и преемственность развития – это вопрос для отдельного исследования, считал П. Матвеевич.

По отношению к государству и государственной идеологии наши отличия еще более сильны: сербы и черногорцы в XIX в. создавали свои государства; хорваты и словенцы – сопротивлялись иностранному государству, соответствующие права македонцев и мусульман были признаны только после второй мировой войны. С этой точки зрения наша история несет в себе массу противоречий. В Сербии в XIX в. создавалась "нация – государство" без развитой буржуазии, которая в других странах формирует современную нацию; в Хорватии и Словении развивалась буржуазия при отсутствии национального государства. Национальное сознание каждого из этих народов, возникшее в столь разных условиях, с трудом могло входить в контакт с сознанием другого. Общеизвестно, как проявлялись эти различия – в склонности к государственному централизму и господству у одних, и в обструкции существовавшему государству и ностальгии по полной государственной независимости – у других⁹.

В какой же мере нация формирует государство и государственность, а в какой государство – нацию – невозможно определить априорно и теоретически, не рассматривая конкретную историческую ситуацию, – справедливо считает П. Матвеевич. В какой-то момент национальное

единство выступает как условие для осуществления независимости, а в другом случае – лишь как ее последствие.

Национальные чувства, будь то индивидуальные или коллективные, играют разные роли: от позитивных и легитимных до "идолопоклончества в национальных чувствах", ссылается П. Матвеевич на слова Э. Фромма. В то же время он замечает, что само по себе понятие "национальные чувства" недостаточно адекватно. Сознание часто искажает идеологию и интересы теми словами, которыми они выражаются. Было бы ошибкой полагать, что национальное сознание наследуется – оно приобретается. Сознание, которое восходит к разного рода архаичным или примитивным состояниям склонно к замене истории этногенезом¹⁰.

Национальный характер ("дух" у Гердера или "душа" у романтиков) нелегко выразить адекватными понятиями. Национальная идеология рассматривала его определенную категорию или абсолютную константу, чем как результат опыта и истории. Утверждения о предопределенности национального характера приводят к расизму, полагал автор.

Понятие национальной идентичности также не всегда четко определено. Нация или народ не обладают одной единственной постоянной и абсолютно гомогенной идентичностью. Национальности отличаются друг от друга, помимо прочего, и степенью гомогенности. Слово "идентичность" скорее надо употреблять во множественном, а не в единственном числе¹¹.

Идеологии, которые сами создают или поддерживают стереотипы, не в состоянии с успехом заменить собой национальную традицию, заканчивает интересующую нас часть своей книги П. Матвеевич.

*
*
*

Изучая историю становления и развития хорватской нации, невозможно пройти мимо монографий и обобщающих статей профессора истории Загребского университета Мирьяны Гросс. Остановимся на работах 80-х гг. – статьях, опубликованных в книге "Общественное развитие в

Хорватии с XVI до начала XX в. "Об интеграции хорватской нации" и "Идеология национальной интеграции у хорватов от позднего иллиризма до создания Югославии"¹².

Вот несколько основных проблем, с которыми столкнулась исследовательница: когда национальная интеграция и югославянство противостояли друг другу, а когда шли в одном направлении, когда общеславянские идеи способствовали, а когда — мешали процессу самоопределения славянских народов и, наоборот, когда внутриэтнические интеграционные процессы способствовали межэтнической интеграции, одной из форм которой и было югославянство, а когда — препятствовали.

Под "интерграцией" хорватской нации М. Гросс понимает процесс превращения традиционной хорватской этнической общности, т. е. средневекового хорватского народа, в современную нацию в XIX и XX вв. По мнению автора, термин "интеграция" наилучшим образом отражает неравномерный процесс формирования хорватской нации в отдельных областях с отличными друг от друга социальными структурами, экономическими, политическими, административными и культурными условиями. Представляется, что эта концепция отражает процесс объединения множества элементов в единство, обладающее новым качеством. Но для исследования этого процесса необходим и термин "дезинтеграция", поскольку формированию хорватской нации препятствовали сильные встречные процессы¹³.

Неравномерное развитие и застой в развитии хорватской нации можно большей частью объяснить действием дезинтеграционных факторов с XVI по XIX век. Речь идет о создании отдельных политико-территориальных единиц слабо или полностью не связанных между собой. К территориям, на которых формировалась хорватская нация, относились "остатки остатков" хорватского королевства — территория нынешней Славонии, Военная граница, Млетская Далмация, Восточная Истрия, отдельные территории в Боснии и Герцеговине. В каждой из упомянутых областей социально-экономические структуры были совершенно различны.

Способствовали дезинтеграции и крупные миграции

населения, вызванные турецкими завоеванием, что изменило структуру всех югославянских этнических общностей. Надо упомянуть и невозможность развития городов как крупных центров торговли. Сильное интеграционное воздействие оказывали дворянские традиции, восходившие к средневековому хорватскому государству и имевшие своей целью мобилизовать дворянство на борьбу за сохранение его господства и привилегий на территории некогда существовавшего хорватского государства (как моноэтническое). Важную интегрирующую роль играли культура и искусство Далмации и Дубровника периода Ренессанса, содержавшие разные варианты осознания принадлежности к славянству, а также использовавшие этноним "хорваты", и способствовавшие постепенному сближению всех трех наречий хорватского языка с окончательной победой новоштокавского наречия. Но этот интеграционный фактор оказывал влияние на всех хорватских территориях, действуя, однако, только на часть высших слоев общества¹⁴.

Качественный переход от статического этнического к динамичному национальному сознанию занял у хорватов длительное время. Не только различия в социальной структуре отдельных территорий, на которых проживала хорватская этническая общность, определила эти различия. В традиционных обществах "вертикальная" солидарность, которая охватывает различные слои общества, была возможна только как исключение (напр. опасность турецкой агрессии), и в то же время формировала национальные общности, несмотря на наличие составлявших ее антагонистических классов и групп, продолжает М. Гросс¹⁵.

Хорватский феодал мог идентифицировать себя с тремя общностями. Прежде всего, ему было присуще чувство солидарности с "христианской Европой", с западным христианством. Во-вторых, хорватские феодалы были связаны с "муниципальным правом", с традицией некогда существовавшего хорватского государства, с представлениями о его границах, что основывалось на классовых интересах, требовавших сохранения экономической и политической власти феодалов на возможно большей территории. И, наконец, хорватский феодал был связан с терри-

торией, на которой находилось его непосредственное владение.

Основой широкой общности, членство в которой осознавалось хорватским крестьянином, была католическая религия. Но католицизм в сознании хорватского крестьянина, по мнению М. Гросс, слабее выполнял интеграционную функцию, чем православие у крестьянина сербского¹⁶.

С другой стороны, продолжает М. Гросс, общность, принадлежность к которой осознавал городской житель в хорватской провинции, не выходила за городские стены.

С точки зрения национальной интеграции особое значение имела социальная структура в Далмации. Основной экономической и общественной единицей был город со своими окрестностями. Характерна социальная мобильность между крестьянином и городским простолюдином. Часто крестьяне жили в самом городе. Но в целом можно сделать вывод, что социальные структуры, охватывавшие разрозненные части хорватской этнической общности накануне начала процесса национальной интеграции, не обеспечивали возможности ни нормальной коммуникации, ни социальной мобильности. Территориально-политические единицы, в границах которых суждено было возникнуть хорватской нации, не имели между собой никакой связи. Замедленный экономический рост способствовал длительному сохранению географической изоляции, локальных черт, отличий в культуре высших слоев общества и простого народа, а также сохранению местных наречий в языке.

Подобным же образом протекал процесс интеграции других наций в Юго-Восточной Европе и у южных славян. Хотя у сербов существовали лучшие условия для его ускорения. Сербская этническая общность также проживала в изолированных друг от друга территориальных образованиях, но у сербов, лишившихся своего дворянства, не было столь сильных различий в социальной структуре. Сербь находились вне структур турецкого феодального общества. Православная церковь играла важную интегрирующую роль, увязывая сербскую национальность и этноним с религией¹⁷.

М. Гросс сравнивает процесс национальной интеграции у хорватов с тем же процессом в Западной Европе. Она

берет за образец "классическую" европейская нацию, французов, чья Великая революция стала примером для других национальных движений в Европе. (Хотя, на наш взгляд, было бы логичнее сранивать процесс интеграции раздробленной территориально и политически хорватской нации с интеграцией германской и итальянской наций, также проживавших на территории разных государств). Французская нация интегрировалась на раздробленной территории, со множеством локальных особенностей и на основе сильно отличавшихся наречий. Но сильные интеграционные процессы (возможности экономической и культурной коммуникации, социальная мобильность, рост буржуазии, интегрирующая роль абсолютной монархии) сделали возможным интеграцию французской нации из гетерогенной этнической массы. Французская революция завершила этот процесс. Интеграция французской нации уже завершилась, когда в XIX в. были созданы условия для буржуазной политической демократии и промышленной революции.

Слабость интеграционных факторов у хорватов обуславливала сохранение раздробленности. В процесс политической демократизации и открытия путей к созданию гражданского общества и капиталистического развития хорваты пришли не как сформированная нация. До конца XIX в. не были созданы те структурные элементы, которые нацию делают нацией¹⁸.

Под понятием "национальная интеграция" подразумевается процесс, в течение которого постепенно преодолеваются локальные и региональные различия этнической общности, создается политическая общность и условия для экономической концентрации и культурной гомогенизации национальной общности. При этом усиливается ощущение принадлежности отдельных людей и групп к национальной общности при развитии национальной идеологии. Национальное сознание вызывает волю к жизни у общности, стимулирует стремление к оформлению ее как политической структуры. Выразитель и носитель процесса национальной интеграции – национальное движение. На начальном этапе в нем участвует лишь небольшая группа "патриотов", а затем оно охватывает почти все слои общества и становится массовым.

В целом процесс создания гражданского общества связан с интеграцией нации на определенной ступени развития производительных сил. Но интеграция нации ни в коем случае не идет параллельно развитию гражданского общества и капиталистических отношений, в основном — до начала промышленной революции. О завершении интеграции сербской нации можно говорить уже на стадии, когда развитые характеристики гражданского общества еще не были характерны для большинства тех областей, где проживали сербы. Хорватская нация интегрировалась на более высокой ступени развития гражданского общества на большей части своих территорий. Но речь идет о крестьянско-мелкобуржуазном обществе, а не о буржуазно-индустриальном. Нацию и гражданское общество нельзя отождествлять, хотя оба они и влияют друг на друга¹⁹.

Структура нации отличается от структуры буржуазного общества. Но процесс национальной интеграции существенно влияет на социальные и экономические характеристики. Нация не может до конца интегрироваться без соответствующего уровня коммуникации между отдельными областями, на которых проживает. Поэтому процесс национальной интеграции некоторые нации могут считать законченным лишь тогда, когда они уже оформляются как политическая общность, достигают определенного уровня экономической концентрации и культурной однородности, и когда у большинства ее членов сформировалось динамичное сознание.

В развитии средневропейских народов, которые еще до утверждения капиталистических отношений попали под власть инациональной феодальной элиты, есть много общего. Большинство этих народов лишилось своего средневекового государства или не имело его вовсе. Но суть в том, что в момент начала национальной интеграции эти народы не обладали полной социальной структурой, т. е. собственными господствующим классом и экономическим и политически зависели от инациональной элиты, были культурно отсталыми. При некоторых особенностях, интеграция у хорватов развивалась по этому пути.

У народов, имевших полную социальную структуру и обладавших интегрирующей силой в абсолютистском госу-

дарстве, мобилизация широких слоев проистекала из их социального сопротивления господствующим классам. А народы, лишенные полной социальной структуры и находящиеся под инонациональной властью, должны были для своего национального существования сопротивляться не только феодальной элите, но тем силам, которые играли прогрессивную роль у господствующей нации и сами были сильным фактором ассимиляции угнетенного народа. Перед отменой феодальных отношений сопротивление буржуазии в Хорватии не было направлено против класса феодалов.

На территориях, с полной и неполной социальной структурой общее сопротивление инонациональным "прогрессивным" силам играло исключительно сильную интегрирующую роль. На территории, находившейся под господством венгров, шла речь о борьбе против венгерского либерального дворянства, которое сохраняло свои привилегии и именно поэтому возглавило процесс модернизации. В австрийских областях проблема состояла в сопротивлении немецкой и итальянской либеральной буржуазии, которые вели ассимиляторскую политику²⁰.

Исследуя интеграцию хорватской нации, надо попытаться ответить на вопрос: когда начался и когда закончился процесс этой интергации и какие для него характерны особенности. Для ответа на этот вопрос, считает М. Гросс, можно воспользоваться моделью Мирослава Гроха, созданную им на основе анализа развития некоторых европейских народов, у которых в начале этого процесса отсутствовали и свое государство, и полная социальная структура. М. М. Гросс в своем исследовании и стремилась применить эту модель, согласно которой существуют три стадии развития таких народов "А", "В" и "С" (См. статью о М. Грохе).

Эти стадии, по мнению М. Гросс, можно найти и в истории хорватов. Одна и та же стадия развития национальной интеграции в разных землях проходила в разное время и в различных исторических условиях. Сильно отличался и ритм национальной интеграции в разных областях. Поэтому необходим сопоставительный анализ стадий в разных хорватских землях²¹.

Осознав, что процесс интеграции хорватской нации

протекал на разных территориях разными темпами, можно попытаться получить ответ на вопрос: действительно ли завершился процесс формирования хорватской нации в момент распада монархии Габсбургов? Стадия "С", по Гроху – период массового национального движения, которое закрепляет результаты национальной интеграции, в полной мере наступила только после распада Габсбургской монархии – в межвоенной Югославии, делает вывод исследовательница²².

На примере интеграции хорватской нации она, применив эту модель, пришла к выводу, что "эту схему, при некоторой модификации, можно плодотворно использовать в качестве временной базы для дальнейшего углубленного исследования"²³.

В опубликованной на русском языке статье "Общественно-экономическое развитие Хорватии во второй половине XIX в." М. Гросс продолжает тему. "Общие тенденции экономического развития Европы в XIX в. захватили и хорватские земли, – пишет она. – Процесс преобразования феодальных обществ в капиталистические достигал вершины тогда, когда промышленность становилась определяющим фактором всех областей человеческой жизни. В землях Габсбургской монархии, за исключением собственно Австрии и Чехии, где промышленный переворот завершился до конца XIX в., упомянутый процесс имел определенные особенности"²⁴.

Во-первых, до первой мировой войны технические усовершенствования охватили здесь только сельское хозяйство, которое частично стало движущей силой экономического роста. Поскольку глубокие преобразования в сфере экономики и в образе жизни начались лишь в конце XIX столетия, промышленная буржуазия не могла явиться движущей силой новых тенденций. Эту роль выполняли разные другие слои – от бывшего класса феодалов до торговой буржуазии.

Во-вторых, государство, по мнению М. Гросс, не только не содействовало общественному перевороту в Хорватии, но в значительной мере тормозило его как путем непосредственного давления, так и политическими и экономическими мерами, которые на хорватской территории

приводили к стагнации. Однако, замечает М. Гросс, имперские рамки вовсе не оказывали однозначно отрицательного влияния на процесс буржуазной перестройки в хорватских землях, поскольку хорватия входила в состав одного государства вместе с высокоразвитыми областями в экономическом и социальном отношении.

Политические условия и унаследованные общественные структуры в Венгрии и хорватских землях сделали невозможным такое движение вперед, какое осуществлялось в Австрии и Чехии. Поэтому ко времени распада монархии хорватское и сербское общество в хорватских землях, хотя и основательно изменилось по сравнению с 1848 г., но осталось на ступени "доиндустриального общества".

По мнению М. Гросс, процесс преобразования сословного общества в Хорватии и военной системы с феодальными элементами, в крестьянско-мелкобуржуазное общество, в недрах которого начинают появляться формы, характерные для буржуазно-индустриального общества, и который шел параллельно с процессом интеграции хорватской нации, можно разделить на три фазы: 1) от ликвидации феодализма до австро-венгерского и венгерско-хорватского соглашений 1867–1868 гг.; 2) от соглашений 1867–1867 гг. до 90-х гг. XIX в. и 3) от 90-х гг. до распада монархии.

В первый период, полагает исследовательница, в гражданской Хорватии все еще преобладали феодальные формы, а условия подготовки преобразования экономики и упрочения буржуазии были крайне недостаточными. В 70–90-е гг., несмотря на трудные экономические и политические условия все же возникала база для экономических, общественных и культурных преобразований. И, наконец, в последний перед распадом монархии период имело место относительное ускорение экономического роста и общественных перемен²⁵.

Обосновывая теоретически и методологически свой подход к изучению национальной идеологии, М. Гросс пишет в статье "Идеология национальной интеграции у хорватов от позднего иллиризма до создания Югославии": "Идеология будучи структурой представления и объясне-

ния общественной реальности играет важную роль в истории. Идеология соотносится со своей реальной основой сквозь призму положения определенной общности (группы, класса, нации) и ее практических целей и, таким образом, поощряет и направляет ее активность. Идеологические структуры возникают на определенном историческом этапе из опыта совместной жизни, одинакового способа мышления, схожих чувств и моральных норм обязательных для членов данной общности. Идеология определяет правила поведения и мобилизует людей на деятельность во имя общего идеала”²⁶.

Идеология имеет всеохватывающий характер, поскольку формирует взгляд на мир, на прошлое, настоящее и будущее данной общности, продолжает исследовательница. Она систематизирует опыт прошлого и увязывает его с современной жизнью коллектива. Идеологические системы формируют предрассудки и мифы об истории данной общности и представления о путях достижения лучшего будущего.

Из-за воздействия содержащихся в них элементов иррациональности, из-за необходимости стабилизации определенных общественных структур и центров силы, из-за стремления к существенным переменам, не возможным в данный момент, из-за нехватки информации идеология часто отрывается от своей реальной основы и развивается самостоятельно.

Исходя из данного определения понятия ”идеология”, мы попытаемся оценить разные варианты национальноинтеграционной идеологии у хорватов. Эти варианты играли важную роль в процессе интеграции хорватской нации, а условия их функционирования существовали до момента, пока шел сам процесс этой интеграции – от иллиризма до межвоенного периода и идеологии крестьянского движения²⁷.

В период интеграции у хорватов возникло два варианта такой идеологии – югославизм и узко хорватский национализм, т. е. ”праваштво”, получившее свое название по имени Партии права. Эти две идеологии соперничали между собой, но позднее некоторые их ответвления оказались тесно связанными друг с другом.

Югославизм как национально-интеграционная идеология, был в XIX в. был составной частью интеграции только хорватской нации и не выполнял интегрирующей роли ни у сербов, ни у словенцев. У них эту роль выполняла только собственно сербская или словенская национальная идеология.

Обе вышеназванные идеологические системы были связаны с хорватским регионализмом. Они возникли в Банской Хорватии и постепенно распространялись по всем территориально-политическим образованиям, в которых шел процесс интеграции хорватской нации. Из-за отличий социальных структур, способа и уровня процесса интеграции в Далмации и Истрии, а также в Боснии и Герцеговине в их рамках возникали новые элементы. Югославизм и "праваштво" исходили из интересов разных социальных слоев. Югославизм отражал стиль мышления и представления либеральной буржуазии, интеллигенции и связанной с ними либеральной части католического клира. Первоначально югославизм не был широко распространен: этому мешали и классовая ограниченность его носителей, и низкий уровень образования и культуры простого народа, который в большей мере свои интересы связывал с интересами района своего непосредственного проживания (региона).

"Праваштво", напротив, отражало представления и желания недифференцированных мелкобуржуазных слоев, ставших политической силой только в восьмидесятые годы. В это время оно приобрело значительно большую поддержку, чем югославизм и гораздо сильнее влияло на процесс национальной интеграции. Вместе с социальной структурой изменялся удельный вес классового сознания в внутренней структуре югославизма и "праваштва". Югославянство демократизировалось, поскольку его исповедовали буржуазные демократы, крестьянское движение и социал-демократия. "Праваштво" же в варианте партии Й. Франка по-прежнему отражало настроения и менталитет мелкой буржуазии, а "антифранковским" концепциям "праваштва" было свойственно буржуазное сознание²⁸.

Обе идеологические системы оправдывая свои усилия включить людей в национальную борьбу традициями хорватского государственного права, т. е. права хорватской

нации на собственное государство, проистекавшее из факта существования самостоятельного средневекового хорватского государства. Естественное право трактовалось ими как право политической и культурной общности на самостоятельное управление. Но югославизм ставил естественное право на первое место, а "праваши" отдавала приоритет хорватскому государственному праву. Обе концепции идеализировали прошлое хорватской нации, ибо ссылались на хорватское государственное право, как на отражение ее "духа", утверждает М. Гросс.

И в структуре "праваштва", и в структуре югославизма исторические традиции и мотивация играли большую роль вместе с теорией национального "духа", "гения" или "души", представлявших собой одну из изначально и навечно данных категорий, которая в ходе истории находит свое выражение в разных формах. Югославизм находил эту "душу" в славянской общности, считая хорватскую "душу" одним из ее вариантов. "Праваштво", напротив, оправдывало свою теорию в особой "душе" хорватской нации, отвергая какую-либо связь со славянством. Обе идеологии представляли себя как "возрождение души", как укрепление хорватского национального и общеславянского сознания, как необходимого условия для политического и культурного развития, необходимого для утверждения нации. У славян эту "душу" прежде всего выражалась в языке — фундаменте культуры. Поскольку хорваты и сербы имели общий язык, постольку они, в соответствии с логикой югославизма, они должны были иметь и общую "душу". Средоточием "души" праваша считали государствообразующую функцию хорватов и только на второе место ставили язык. Но и "праваши", и югослависты отдавали себе отчет в том, что "возрождение" является не только стадией развития хорватской нации и славянской общности, но и результат "духа времени" — последствия Великой Французской революции с ее идеями свободы, равенства, братства и национальности²⁹.

Исторические представления, существовавшие в рамках обеих идеологических систем, означали стремление к созданию самостоятельного государства вне границ Габсбургской монархии. Югославизм интерпретировал его как

федеративное государственное сообщество южных славян, а "праваштво" — как хорватское национальное государство, чьи границы охватили бы всех южных славян, принадлежавших якобы к хорватской нации (за исключением болгар). Югославизм и "праваштво" были распространены в югославянских землях, но исходили они из совершенно разных предпосылок. Югославизм брал свое начало в теории иллиризма о равноправии этнонимов "серб", "хорват" и "словенец", как и самих этих "племен", пропагандировал взаимное сближение во имя общего культурного и политического развития в будущем путем согласования разных исторических традиций и общих интересов в настоящем. "Праваштво" же рассматривало словенцев и сербов как хорватов.

Путаница в представлениях о взаимоотношениях югославянских наций была отличительной чертой всех вариантов идеологии югославян — от идеи об укреплении и сохранении хорватской национальной индивидуальности в рамках югославянской общности до теории о будущем объединении югославянских "народов" ("племен") в единую югославянскую нацию. Но при этом нельзя упускать из виду, что югославизм был хорватской национальноинтеграционной идеологией, которая увязывала "хорватизм" и югославизм. Но он также был и наднациональной идеологией, и поэтому его структура была более сложной, чем "великохорватской" идеологии "праваштва". Югославизм сильно влиял на оппортунистическую политику, которая стремилась к достижению элементов государственности или автономии в границах Габсбургской монархии, например, к объединению там югославян в качестве временного решения. Необходимо подчеркнуть, что первоначально "праваштво" ставило своей целью выход из государства Габсбургов, но впоследствии оно изменило свою позицию³⁰.

Югославизм исходил из тезиса, что славяне издревле обладали единой "сущностью", которая нашла свое выражение в миссии Кирилла и Мефодия. Югославизм исходил и из идеи Гердера, что славяне призваны возродить западное общество и сыграть важную роль в истории человечества. Югославизм провозглашал наиглавнейшим услови-

ем национального существования "национальное просвещение". В этом и состоял смысл лозунга "Просвещением — путь к свободе!". При этом господствовало убеждение, что прежде всего в языке находит свое выражение душа народа". Носители югославянской идеи не апеллировали непосредственно к простому народу, к крестьянству, хотя и сознавали, что без просвещения крестьянства результаты их деятельности были половинчаты, пишет М. Гросс.

Задача "национальной науки" состояла в том, чтобы воспитывать хорватов в духе "славянской взаимности", воспитывать у них убеждение, что у хорватов и сербов один общий язык и что лишь "проклятое прошлое" разделило их.

М. Гросс подчеркивала, что югославянская идеология являлась интеграционной идеологией хорватской нации, а центр югославянского национализма находился в Хорватии. Поэтому-то и важно исследовать соотношение между югославизмом и "праваштвом".

Югославянский национализм существовал в нескольких вариантах, продолжает М. Гросс. Элементы этой концепции и их трактовка во многом зависели от политической ситуации. Последовательный югославянский унитаризм требовал создания югославянской нации, объединяющей хорватов, сербов и словенцев. Некоторые деятели, впрочем, признавали особую индивидуальность словенцев, но считали, что те должны поддержать "хорватско-сербские" или "сербскохорватские" интересы. Существовал и великосербский вариант, согласно которому сербам, в особенности под влиянием итогов Балканских войн, отводилась ведущая роль в процессе объединения южных славян. Важно при этом отметить, что югославянский национализм "омладины" был основан прежде всего на идее хорватско-сербского унитаризма. Нет сомнений, утверждает автор, что центр югославянского национализма находился в Хорватии. Часть его приверженцев придерживалась эволюционных методов политической деятельности, а другие выступали за создание государства революционным путем³¹.

Труд историка, который занят демистификацией идеологии, т. е. объясняет как и почему те или иные черты общественной действительности, отражаются в идеологии, под-

водит итог своему исследованию М. Гросс, не легок. "Мои выводы, — продолжает она, — связаны с представлением об идеологии как о системе, т. е. некоей целостности, состоящей из определенных элементов, находящихся между собой в определенной зависимости. Различные комбинации этих элементов формируют разные варианты этой системы, как, например, в случае с "праваштвом" и югославизмом и их вариантами, которые отличаются друг от друга в зависимости от места и времени возникновения. Большие трудности обуславливаются тем, что идеологи не могут представить свою систему в законченном виде, и историк вынужден реконструировать ее на основании разбросанных и часто недосказанных заявлений. Как показывает и данное исследование, невозможно любую "идеологию" анализировать как систему, поскольку часто приходится иметь дело только с отдельными элементами, т. е. высказываниями по отдельным проблемам, которые не позволяют проникнуть в глуб исторической действительности"³².

В связи с 70-летием образования югославского государства в печати были широко представлены материалы, посвященные этому событию. Журнал "НИН" под рубрикой "Возникла ли Югославия 1 декабря 1918 г.?" напечатал целый ряд статей, посвященных обсуждению закономерности распада Австро-Венгрии и возникновения Югославского государства как сообщества народов. Это тесно связывалось с историей национальных движений хорватов и сербов Австро-Венгрии, с анализом военных целей Сербии в первой Балканской и первой мировой войнах и последствий этих войн. Привлекает внимание обширное интервью, данное загребскому журналу "Данас" известным хорватским историком, автором книги "Распад Австро-Венгрии и образование югославского государства" Богданом Кризманом. Он полагал, что югославское государство возникло в результате войны с Австро-Венгрией, в которой Сербия понесла тяжелейшие потери. Именно готовность к самопожертвованию и храбрость сербского солдата помогли одержать военные победы на юго-восточном фронте, где лежат истоки краха монархии. Нельзя забывать и другие факторы сопротивления югославянских народов

монархии и деятельность эмигрантских организаций, прежде всего Югославянского комитета в Лондоне³³.

Вместе с тем, Б. Кризман отметил, что политические партии, представленные в саборе Хорватии в 1913 г. имели программы, рассчитанные на сохранение монархии Габсбургов. Хорватско-сербская коалиция, имевшая "рабочее большинство", с благословения сербского правительства поддерживала Венгерско-хорватское соглашение 1868 г. А все остальные партии, находившиеся в оппозиции – национал-радикалы М. Старчевича и Й. Франка – выступали за создание под скипетром Габсбургской монархии самостоятельного и независимого государственного образования на принципах хорватского государственного права, что позволило бы добиться политического объединения хорватских этнических территорий. При этом "франковцы" отрицали само существование сербов в Хорватии как этнической общности, не говоря уже о политической и праве ее на самоопределение. Крестьянская партия С. Радича выступала за политическое и административное объединение всех хорватских земель для того, чтобы "весь хорватский, сербский и словенский народ" объединить в королевстве Хорватия.

Таким образом, делает вывод Б. Кризман, можно, с точки зрения истории, считать точно доказанным, что до первой мировой войны в Хорватии не было политических группировок, которые искренне и последовательно выступали бы против существования монархии. Но точно также не подлежит сомнению, что на юге Монархии расцвел целый букет острых и сложных вопросов, которые по мере продолжения войны сыграли решающую роль в ее исторической судьбе. Трудно утверждать, продолжал Б. Кризман, что среди политиков того времени были люди, которые могли предвидеть произошедшее в 1918 г. Но некоторые "прожженные" югослависты надеялись, что в конце концов ход событий приведет к объединению Хорватии с Сербией. Хорватско-сербская коалиция с благословения Белграда сотрудничала с "общим" правительством в Будапеште. Она сталкивалась с ожесточенным сопротивлением "франковцев", которые использовали все свое влияние чтобы сорвать это сотрудничество и установить в Хорватии комисса-

риат с австрийским генералом во главе, который распустил бы сабор и стал проводить "истинно хорватскую" политику³⁴.

* * *

С 80-х гг. в исторических публикациях в Белграде, Загребе, Любляне все чаще стали проявляться скрытая и откровенная полемика между историками. Это было одновременно и симптомом, и причиной, и результатом, глубокого кризиса в межнациональных отношениях в бывшей Югославии. По мере нарастания напряженности в межнациональных отношениях в Югославии попытки использования истории в качестве орудия в политической полемике, шире – в этнополитических конфликтах, стало устойчивой тенденцией.

Казалось бы далекие проблемы XIX – начала XX вв. в силу особенностей исторического развития югославянских народов являются и ныне актуальнейшими политическими вопросами, поскольку многие проблемы "вторая Югославия" И. Б. Тито унаследовала и от межвоенной Югославии, и от независимой Сербии, и от государства Габсбургов. Ныне во вновь образовавшихся республиках бывшей Югославии к власти пришли силы, которые – несмотря на различную социально-политическую ориентацию, – суть наследники тоталитарной коммунистической политической культуры и традиционной национальной идеологии, в том числе и принципа исторического государственного права. Они признают лишь этническую общность как субъект государственного права. И в Сербии, и в Хорватии постепенно возобладала тенденция рассматривать создание Югославии в 1918 г. как препятствие, как шаг назад на пути создания моноэтнических национальных государств, которые отождествлялись с демократией. Они исходили и исходят из принципа XIX в. – "одна национальность – одна территория – одно государство – одна нация".

Если в начале 80-х гг. хорватские ученые в основном стремились доказать закономерность распада монархии Габсбургов и принадлежность Хорватии к славянскому миру и региону Юго-Восточной Европы, то в конце 80-х –

начале 90-х гг., а в особенности после образования независимой Хорватии, господствующей тенденцией стало обоснование принадлежности хорватов и их государства политически и культурно к Средней Европе.

У хорватов и словенцев росло ощущение своей принадлежности к Средней Европе. При этом сербы упрекали своих соотечественников по бывшей Югославии, что они произвольно выбрасывают из своей истории все негативное и унижительное, все то, что ставило под вопрос их национальное существование, а подчеркивают только добродетели монархии Габсбургов. На это хорваты и словенцы отвечали, что они разочаровались в новой Югославии, когда увидели, что в ней бороться за те же права, что и в Австрии.

Югославизм, как и общеславянская идея в целом, в нынешних исторических условиях не мог стать альтернативой национализму каждого отдельно взятого славянского народа. Наоборот, будучи особой формой национализма, югославизм стал причиной конфликтов между самими югославянскими народами. Постепенное нарастание накала полемики между историками разных национальностей отражало нарастание напряженности в межнациональных отношениях. А на следующем этапе развития конфликта – в начале 90-х гг. история превратилась в орудие в политико-пропагандистской войне правящих в Сербии, Хорватии, Боснии режимов. Историки бывшей Югославии, к сожалению, в этих условиях не смогли ни преодолеть старых предрассудков, схем и стереотипов, ни использовать свою науку для охлаждения страстей и примирения, для формирования неконфликтного сознания, ни сохранить историю как науку. И это – одно из проявлений трагедии и самих интеллектуалов, и демократического движения каждого народа, и Югославии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Okrugli sto JIČ-a – Sedamdeset godina Jugoslavije // Jugoslovenski istorijski časopis. 1989. N 1–4. S. 8–9.
2. Matvejevič Predrag. Jugoslawenstvo danas. Beograd, 1984. S. 11–13.
3. Matvejevič P. Op. cit. S. 6.
4. Ibid: S. 13–14.
5. Ibid. S. 17.
6. Ibid. S. 25–26.

7. Ibid. S. 27–30.
8. Ibid. S. 30–31.
9. Ibid. S. 32.
10. Ibid. S. 33–34.
11. Ibid. S. 35–36.
12. Gross Mirjana. O integraciji hrvatske nacije // Društveni razvoj u Hrvatskoj (od 16 stoljeća do početka 20 stoljeća). Uredila Mirjana Gross. Zagreb, 1981. S. 175–190. См. также: Gross Mirjana. Croatian National-Integrational Ideologies from the End of Illyrism to the Creation of Yugoslavia. – Austrian History Yearbook. Vol. XV–XVI. 1979–1980. Minneapolis, University of Minnesota. 1982. P. 3–33. Превосходное представление о различиях во взглядах на идеологию и цели национальных движений югославянских народов и их отношение к монархии Габсбургов дают статьи сербских хорватских и американских историков (Б. Кризмана, Ч. Елавича, В. Вуцинича и Дм. Джорджевича), опубликованные в: Austrian History Yearbook. 1967. Vol. III. Pt. 2. Houston, 1967.
13. Gross M. O integraciji hrvatske nacije. S. 175.
14. Ibid. S. 175–176.
15. Ibid. S. 177.
16. Ibid. S. 177–178.
17. Ibid. S. 179.
18. Ibid. S. 179–180.
19. Ibid. S. 180–181.
20. Ibid. S. 181–182.
21. Ibid. S. 183.
22. Ibid. S. 187.
23. Ibid. S. 189.
24. Гросс Мирьяна. Общественно-экономическое развитие Хорватии во второй половине XIX в. – Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982. С. 137–154.
25. Там же. С. 137–152.
26. Gross M. Nacionalno-integracijske ideologije kod Hrvata od kraja ilirizma do stvaranja Jugoslavije // Društveni razvoj u Hrvatskoj od 16 do početka 20. stoljeća, Zagreb, 1981. S. 283.
27. Ibid. S. 283–284.
28. Ibid. S. 284–285.
29. Ibid. S. 286–287.
30. Ibid. S. 287.
31. Ibid. S. 287–301.
32. Ibid. S. 305.
33. Krizman Bogdan. Političko vredovanje istorije. – Danas – Zagreb, 1989. – 24 siječnja. – G. 8. N. 362. – S. 22. См. также: Krizman Bogdan. Raspad Austro-Ugarske i stvaranje jugoslavenske države. Zagreb, 1977.
34. Krizman B. Političko vredovanje istorije. S. 23–24.

ЛИНДА КОЛЛИ: ГРАЖДАНСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА

"Война за болота и скудные пастбища где-то на юге Атлантики"¹, именуемые Фолклендскими островами, сопровождалась такой откровенно шовинистической пропагандой в британских средствах массовой информации, что группа историков, объединенных неприятием официальной политики тори, организовала семинар (History Workshop) с целью дать рациональное объяснение патриотизму и превратить его в объект исторического исследования. Относясь к идее нации как к фикции, участники семинара в докладах, охватывавших период с XIII в. до наших дней, стремились показать, как конструировались и впоследствии неоднократно пересматривались священные для консерваторов чувства национальной принадлежности². Среди участников семинара была историк Линда Колли, приступавшая в то время к работе над книгой о британском национализме и патриотизме в XVIII–XIX вв. С организаторами семинара ее сближало неприятие нации как априорной данности и стремление показать, как национальная идея веками конкурировала с более древними и важными социальными связями. Статьи и выступления Колли 80-х – начала 90-х гг.³ вызвали немало положительных отзывов со стороны коллег⁴, а выход в 1992 г. книги "Британцы. Как была "выкована" нация 1707–1837"⁵ можно по праву считать событием года в английской историографии*.

Уже из названия следует, что монография Колли посвящена активно разрабатываемой ныне теме "конструирования" наций и национального сознания, тем более что в английском языке глагол *to forge* означает не только "ковать", но и "подделывать", "фальсифицировать". "Культурно и этнически однородных наций, – пишет историк, – на всей планете отыщется одна или две, не больше. Если же

* Ссылки на эту книгу далее даются в тексте статьи указанием номера страницы в скобках.

мы признаем, что нации всегда были неустойчивыми, изменчивыми, искусственными конструкциями, Великобритания предстанет перед нами, говоря словами Б. Андерсона, "воображенным сообществом", в основании которого лежат более древние социально-политические и культурные связи" (С. 5). В своей новой книге историк поставила перед собой две задачи. Во-первых, выяснить, что представляла собой идея верности Великобритании и что имели в виду британцы, провозглашая себя патриотами. И во-вторых, показать, что британское национальное самосознание было "выковано" в период между образованием Соединенного Королевства (1707) и восшествием на престол королевы Виктории (1837) и то, как оно было "выковано", раз и навсегда определило его беспрецедентную силу и очевидную слабость (С. 1).

Великобритания в начале XVIII в., по словам Колли, была сродни Святой Троице: триедина и в единстве своем подобна чуду (С. 11). Когда Англия, Уэльс и Шотландия подписали в 1707 г. унию о создании Соединенного Королевства, мало кто верил, что союз на бумаге станет основой будущей нации. Жителей этого искусственного государственного образования связывало не столько чувство общности с вновь обретенными соотечественниками, сколько сознание своей непохожести на обитателей континентальной Европы. В отличие от, например, Б. Андерсона, который считает, что в основе чувства национальной принадлежности лежит любовь и самопожертвование⁶, Колли вслед за Э. Хобсбаумом и Т. Нейрном утверждает, что решающую роль в образовании наций играет ненависть к чужакам. В статье с характерным названием "Категории "британец" и "чужак" (аргумент)" Колли подчеркивает, что британская нация возникла не в результате смешения разнородных культур и не вследствие колонизации отсталой кельтской периферии; она была надстроена над локальными привязанностями и поверх региональных различий в ответ на кровавые столкновения с внешним миром⁷.

Бесконечные войны с Францией, которые королевство вело с 1689 по 1815 г., не только поставили под угрозу внутреннюю безопасность, коммерческое процветание и контроль над заморскими колониями, но и поколебали политические и религиозные устои, на которых строилось общество. Чтобы отразить угрозу извне, господствующий

класс был вынужден вновь и вновь искать не просто согласия, но и активной поддержки рядовых британцев, для которых патриотизм становился сознательным и порой прагматическим выбором, открывавшим доступ к политике или позволявшим претендовать на активные гражданские права (С. 5).

Формирование нации, по мнению Колли, следует рассматривать под углом превращения пассивного чувства принадлежности к национальному образованию в желание принимать активное участие в судьбах родной страны. В этом процессе историк выделяет три стадии.

1707–1775

В первые семьдесят лет существования Соединенного Королевства, до начала войны в американских колониях (1775), решающую роль в формировании британской нации сыграли обостренное чувство протестантской солидарности, поддержка торгового капитала и включение Шотландии в имперскую орбиту.

Колли не отрицает, что островное положение, высоко развитая для начала XVIII в. система дорог и каналов, активная внутренняя торговля и тому подобные факторы внесли свой вклад в изобретение Великобритании. Однако "нет лучшего способа сплотить широкие слои недовольных, – повторяет Линда Колли вслед за Эриком Хобсбаумом, – чем объединить их против внешнего врага⁸" (С. 53, 368), поэтому британская нация своим появлением на свет обязана тому, что преимущественно протестантское население острова вело "вторую столетнюю войну" против католической Франции и покоряло нехристианское население заморских колоний (С. 18).

Протестантизм дал британцам чувство превосходства над своим грозным католическим соседом, которого они привыкли бояться со времен Реформации. Влияние истинной религии видели в том, что британская экономика процветает, тогда как Францию потрясают неурожаи, и что британцы наслаждаются политической свободой, в то время как французы изнывают под гнетом абсолютизма. Даже если подобные стереотипы не соответствовали действительности, вера в свою богоизбранность помогла англи-

чанам, уэльсцам и шотландцам осознать себя единой нацией задолго до того, как модернизация, железные дороги, народное образование, печатное слово и демократия обратили "крестьян в патриотов" (С. 369)⁹.

Одним из источников стабильности в первые десятилетия существования Соединенного Королевства был гармоничный союз между аристократией и торговым капиталом. Привилегированные сословия понимали, что торговля является не просто частью британской экономики, но жизненно важным источником государственных доходов и залогом морского могущества державы. Коммерсанты же, в свою очередь, как никто иной были заинтересованы в сильном государстве, способном обеспечить выгодное законодательство, благоприятный режим налогообложения, социальную стабильность и доступ к заморским рынкам (С. 71). Можно сказать, что культ коммерции, вера в то, что она является основой британского величия, стали неременной чертой среднего британца.

Участие Великобритании в Семилетней войне (1756–1763) увенчалось захватом почти всех французских и испанских колоний в Северной Америке и Индии. Подобный триумф британского оружия был бы невозможен без активного содействия простых британцев, которые даже не располагали активными гражданскими правами. С их стороны был правомерен вопрос, почему доступ к власти должен принадлежать исключительно англичанам и быть ограничен правящей партией виггов. Ответом стала бурная кампания за расширение избирательного права и перераспределение мест в парламенте, во главе которой стоял политик популистского толка Джон Уилкс¹⁰ (С. 105). Э. Хобсбаум правомерно указал на связь, существующую между политическим радикализмом и национал-шовинизмом¹¹. В случае с Уилксом движение за парламентскую реформу было еще и первой манифестацией английского национализма против британской модели национального сообщества, в которой Англии отводилось почетное место первой среди равных.

Объединение Англии с Шотландией имело далеко идущие последствия для судеб британской нации: с одной стороны, правительство получило новый источник живой силы

для войн на континенте и в колониях, с другой стороны, перед шотландцами открылись невиданные прежде возможности головокружительной карьеры в Британской империи. Сотни шотландцев, обладавших высоким интеллектуальным потенциалом¹², социальной мобильностью и завидным честолюбием быстро оценили перспективы принадлежности к великой державе и становились проводниками имперской государственной политики в метрополии и колониях, получая взамен имя, славу, деньги, власть. Если учесть вековую вражду между двумя народами, шотландское происхождение ненавистной католической династии Стюартов и бытовавшее среди англичан представление о шотландцах как о сторонниках тирании и врагах политической свободы, станет ясно, почему возглавляемое Джоном Уилксом движение за парламентскую реформу обрело ярко выраженный анти-шотландский характер (С. 123–128).

Война североамериканских колоний против британского владычества (1775–1783) и Декларация независимости (1776) заставили многих британцев пересмотреть свое отношение к патриотизму. Слова "радикал" и "патриот" надолго перестали быть синонимами. Теперь большинство сторонников парламентской реформы, чьи политические симпатии были по ту сторону Атлантики, не могли больше открыто защищать право американцев на самоопределение, не будучи обвиненными в предательстве интересов родной страны¹³ (С. 141). Экономическая изоляция Великобритании нанесла существенный урон британской торговле и пополнила ряды недовольных представителями среднего класса, которые открыто рассуждали о несовершенстве политической системы, неспособной защитить интересы торгового капитала (С. 100).

Урок, который Лондон извлек из утери американских колоний, заключался в том, что "первое издание" Британской империи оказалось слишком либеральным и контроль центра должен быть усилен. В то же время правящая элита осознала необходимость упрочения своих позиций, усовершенствования системы управления, переосмысления своего образа в глазах подданных. В течение полувека, последовавшего за американской революцией, возникла новая концепция британского патриотизма, в которой основное внимание уделялось верности монархии, непре-

ходящей ценности империи, важной роли побед на суше и на море и необходимости сильного правительства, состоящего из выдающихся представителей "исконно британской" элиты (С. 145).

1776–1815

"В случае, когда национальное государство и национальное самосознание уже сформированы, – пишет английский историк Джон Динвидди, – патриотическая фразеология может быть использована не только оппозиционными группировками, стремящимися заполучить власть, но и политической элитой, которая в целях укрепления своих позиций провозглашает себя хранителем истинных традиций и защитником национальных интересов"¹⁴. Это замечание весьма точно передает суть описанных Колли перемен, которые произошли с английским правящим домом и господствующим классом в период между американской революцией и битвой при Ватерлоо.

Первые короли Ганноверской династии даже не считали нужным говорить по-английски. Они также открыто поддерживали правящую партию вигов, поэтому вряд ли могли считаться "национальными" королями (С. 206). Коренные перемены произошли в годы правления Георга III (1760–1820). Он отказался служить послушным орудием вигов, выбирая себе друзей из представителей различных политических фракций и группировок. Статус ограниченного монарха позволил Георгу избежать позора за поражение в войне с американскими колониями (вся вина легла на первого министра Норта) и стать своеобразным символом порядка в беспорядке. Наконец, душевная болезнь, постигшая короля в конце его правления, породила в сердцах подданных чисто человеческую симпатию к венценосному главе государства (С. 212).

Подобное сочетание объективных и субъективных факторов, по мнению историка, привело к переосмыслению концепции британской монархии. В этот период начинают умело срежиссированные визиты членов правящего дома в отдаленные уголки страны, регулярно устраиваются связанные с королевской семьей празднества, ориентированные на все классы и социальные группы, династия стано-

вится главным патроном британской науки и искусства. Все это укрепляло в подданных веру в то, что члены королевской семьи "такие же, как все, и в то же время недостижимо иные". Так правящий дом стал органической частью британской нации (С. 233)¹⁵.

В условиях демографического кризиса середины XVIII в. и шока от утери американских колоний английский господствующий класс осознал, что без социально-политической реорганизации он не сможет эффективно управлять растущей империей и вести победоносные войны на континенте. Участвовавшие браки между представителями английской и кельтских элит заложили основы социально и этнически однородного господствующего класса и пополнили его ряды талантливыми выходцами с периферии. Около трети земельных владений перешло в руки новых хозяев, и английский сквайр стал британским землевладельцем (С. 156–159). Но этой новой элите еще предстояло доказать свое исключительное право управлять страной, а это требовало переосмысления своего образа в глазах простых британцев.

Культурное превосходство аристократии, являющееся неременной чертой иерархических обществ, находит свое выражение в образе жизни, моде, привычках, недоступных для непривилегированных. У британской, как и у других европейских элит в XVIII в., культурное превосходство выражалось во владении французским языком и следовании французской моде. Теперь же, когда средний класс яростно клеймил в печати аристократический космополитизм за отход от исконной протестантской простоты¹⁶, когда отчуждение между привилегированными и непривилегированными грозило новыми социальными взрывами, когда континентальная Европа была уже скорее объектом ненависти, чем предметом восхищения, перед британской элитой встал вопрос, как быть патриотами, оставаясь аристократами (С. 166).

Колли с сожалением констатирует, что желание и способность класса земельных собственников превратиться в британский господствующий класс до сих пор недостаточно освещены в историографии. Тем не менее этот вопрос заслуживает более пристального внимания. В школах для

детей привилегированных сословий, пишет историк, юношей начали воспитывать на античных примерах бескорыстного служения отечеству, учить гордиться военными победами Великобритании, готовить к карьере государственного служащего или военачальника. В результате, молодые аристократы в 1815 г. смотрели на Европу как на поле брани. Они предпочитали путешествия по стране непатриотичному паломничеству в Париж и сменили (кстати, первыми в Европе) роскошь французского платья на то, что мы по сей день именуем классическим английским костюмом, в котором строгая простота сочеталась с аристократической элегантностью. Даже своим развлечениям аристократы научились придавать характер общественно-полезного занятия. Охота на лис, заявляли они, спасает крестьянских кур и овец (С. 187–192). Так господствующий класс, сохранив культурный барьер с непривилегированными сословиями, отстоял свое право именоваться национальной элитой.

Линда Колли вслед за К. Дойчем и Ч. Тилли считает, что крупномасштабные войны служат мощнейшим катализатором формирования национальных сообществ. Следствием войн с революционной и наполеоновской Францией стало вовлечение тысяч простых британцев, как мужчин, так и женщин, в дело защиты отечества. В то время как по всей Европе власть имущие опасались социальных и политических последствий массовой мобилизации, британский господствующий класс в качестве крайней меры решил сражаться с врагом его же оружием, начав формировать полки добровольцев из гражданского населения (С. 284). Воодушевление, с которым рабочий и ремесленный люд спешил записаться в ополчение, их готовность дать отпор вражеской армии, вторгшись она в пределы Великобритании, свидетельствует о росте национального самосознания у тех, кто еще недавно считал защиту родной страны делом господ.

Британское общество всегда строилось на жестком мужском доминировании. Уделом женщин была забота о доме и семье. Парадоксально, но факт: женщина могла быть осуждена за антигосударственную деятельность, но (по закону) дорога активного патриотизма была для нее

закрыта (С. 239). Даже аристократки, традиционно покровительствовавшие политическим деятелям, не могли пойти дальше закулисной поддержки своего протезе (С. 244). Мерилом своих добродетелей британцы традиционно считали французские пороки. В английской нравоучительной литературе поведение французских женщин всегда служило примером того, что следует всячески избегать. Теперь же, по мнению моралистов, французская революция показала, что может произойти, когда женщины, забыв о своих прямых обязанностях, устремляются в политику, задавая тон в аристократических салонах (С. 251–252).

Самим британским женщинам революция во Франции виделась в несколько ином свете. Во-первых, драматическим достижением революции стало правращение женщин в объект политического насилия в невиданных прежде масштабах. Колли приводит многочисленные свидетельства того, как ужаснула жительниц Британии казнь Марии Антуанетты (С. 256). Во-вторых, поставив долг перед революционным отечеством выше обязательств перед семьей, революция лишила женщин власти в их традиционной сфере влияния. Таким образом, война с Францией стала для британских женщин единственным способом гарантировать собственную безопасность, и они не желали сидеть сложа руки. Участвуя в сборе денег, одежды и продовольствия для армии, выражая готовность ухаживать за ранеными, женщины впервые заявили о том, что их интересы не ограничиваются домом и семьей. Их патриотическая деятельность стала первой заявкой на право участвовать в общественной жизни Британии (С. 262)¹⁷.

К заслугам Колли можно отнести то, что она наглядно продемонстрировала многообразие форм патриотической деятельности и сложный характер побудительных мотивов, которыми руководствовались британцы, становясь патриотами. Рациональное здесь соседствовало с эмоциональным, а альтруизм уживался с трезвым расчетом¹⁸. Колли удачно сравнивает патриотизм с повозкой, в которую представители различных классов и социальных групп усаживались, чтобы править ею затем в выгодном себе направлении (С. 5). Люди становились патриотами, чтобы продемонстрировать свою исключительность друзьям и со-

седам, или из желания сделать карьеру, или в надежде получить коммерческую выгоду от расширения Британской империи, или из страха, что победа французов грозит им гибелью, или потому, что патриотизм казался кратчайшей дорогой к политическому полноправию (С. 371). Так или иначе, в период с 1776 по 1815 г. сотни простых британцев получили шанс внести вклад в благосостояние отечества, и то, как они этим шансом воспользовались, убедило господствующий класс в необходимости дальнейшей демократизации общественной жизни.

1815—1837

В условиях мира, когда уже можно было не бояться вторжения извне, а в сознании большинства британцев начал постепенно стираться образ врага, общество вновь задумалось о том, что же составляет британскую нацию.

На переосмысление понятий "британец" и "гражданин", считает Колли, решающее воздействие оказали три фактора. Во-первых, вхождение Ирландии в 1800 г. в состав Соединенного Королевства рождало опасение, что эта страна может стать плацдармом для вторжения французов в Великобританию. Так на повестку дня встал вопрос о предоставлении гражданских прав католикам. Во-вторых, опыт наполеоновских войн с их массовыми мобилизациями гражданского населения показал, что правительство не может больше игнорировать мысли и чувства тысяч британцев, не имеющих права голоса. В-третьих, к 1815 г. границы Британской империи расширились настолько, что уже включали каждого пятого жителя планеты. Перед правительством стояла непростая задача, как обращаться с туземным населением колоний, которое оказалось в составе Британской империи силой оружия (С. 322—323).

Предоставление гражданских прав католикам (1829), парламентская реформа 1832 г., существенно демократизировавшая британский электорат, и освобождение рабов в колониях (1833) завершили формирование британской нации. Связующая сила протестантизма ослабла, но на смену ему пришло сознание превосходства над другими народами в степени гражданской зрелости и политической свободы.

Угроза извне, пишет Колли, породила мощнейшее чувство солидарности, которое спаяло британцев в единый социальный организм, она же оказалась источником очевидной слабости сообщества, именуемого британской нацией. В мирные годы правления королевы Виктории (1837–1901) приостанавливается процесс либерализации общественно-политической жизни. Всеобщее избирательное право для мужчин вводится лишь в 1918 г., а построение общества благосостояния начинается только после второй мировой войны (С. 361).

Сегодня, когда британцы все острее ощущают, что прежние символы их единства уходят в прошлое, опасность распада Великобритании кажется многим вполне реальной¹⁹. Колли не делает никаких прогнозов. Она лишь напоминает, что британцев веками объединял образ врага. Несуществующую угрозу извне можно выдумать, но как долго продлится такой искусственный изоляционизм, наиболее характерный пример которого – нежелание интегрироваться в единую Европу. Будущее британской нации, заключает историк, зависит от того, сумеют ли ее члены противопоставить своим различиям умение и желание жить вместе (С. 375).

Изучение побудительных мотивов и форм проявления патриотизма приводит Колли к выводу о сложной природе этого явления. Во-первых, патриотизм не сводим к консерватизму, как это порой утверждают школьные учебники и лидеры правых партий. Историк настаивает, что поддерживая национальное государство, простые британцы одновременно выступали против тех, кто этим государством управлял. Во-вторых, патриотизм не следует путать с чем-то предосудительным вроде шовинизма. Как и Б. Андерсон, Колли не отказывает патриотизму в положительных коннотациях.

Недостаток книги Линды Колли в том, что автор обошла вниманием этнические аспекты формирования британской нации. Стало ли государство Великобритания основой для экономической, государственно-политической и культурной интеграции населявших ее этнических групп или осталось формой политического объединения нескольких четко обозначенных этносов? Как определяли себя и восприни-

мали друг друга англичане, шотландцы, уэльсцы и англо-ирландцы? В каких случаях и сколь охотно они именовали себя британцами? Более пристальное внимание к подобным проблемам несомненно обогатило бы исследование о формировании британской нации.

В то же время нельзя не отдать должное Колли как исследователю представлений различных социальных слоев о нации и государстве. Э. Хобсбаум писал, что нам, скорее всего, не дано знать о мыслях и чувствах простых, в большинстве своем неграмотных людей²⁰. С выходом в свет книги Линды Колли мы стали на шаг ближе к пониманию этих мыслей и чувств.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hobsbawm E. J. *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambr., 1990. P. 163.

2. Samuel R. Introduction // *Patriotism: Making and Unmaking of British National Identity* / R. Samuel (ed.). — Vol. I. — Lond., N. Y., 1989. — P. X.

3. Colley L. *English Radicals and the Problem of Patriotism c. 1740–1790* (доклад, прочитанный на конференции History Workshop в марте 1984 г.); Eadem. *Whose Nation? Class and National Consciousness in Britain 1750–1830* // *Past & Present*. No 113. Nov. 1986. P. 97–117; Eadem. *Radical Patriotism in Eighteenth-century England* // *Patriotism*. Vol. I. P. 169–187; Eadem. *Britishness and Otherness: an Argument* // *Journal of British Studies*. The Univ. of Chicago Press. Oct. 1992. Vol. 31. No. 4. P. 309–329.

4. См.: Dinwiddy J. *England // Nationalism in the Age of the French Revolution* / O. Dann, J. Dinwiddy (eds). Lond. & Ronceverte, 1988. P. 56; Hobsbawm E. J. *Op. cit.* P. 82.

5. Colley L. *Britons. Forging a Nation 1707–1837*. Yale Univ. Press, 1992.

6. Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Lond., N. Y., 1983. P. 129. См. также С. 68 настоящего сборника.

7. Colley L. *Britishness and Otherness*. P. 315.

8. Hobsbawm E. J. *Op. cit.* P. 91.

9. Колли намекает на знаменитую книгу Юджина Вебера, в которой образование современной французской нации связывается с вышеперечисленными процессами. См.: Weber E. *Peasants into Frenchmen. The Modernisation of Rural France. 1870–1914*. Stanford, 1976.

10. Подробнее об эволюции радикального патриотизма в XVIII в. см.: Cunningham H. *The Language of Patriotism* // *Patriotism*. Vol. I. P. 57–62.

11. Hobsbawm E. J. *Op. cit.* P. 88.

12. В XVIII в. Шотландия далеко опережала Англию по числу университетов и уровню преподавания. В то время как мало кто знает об английском Просвещении, имена знаменитых шотландцев Адама Смита и Дэвида Юма знакомы многим.

13. В этом смысле, считает Колли, "синдром Фолклендов", т. е. бессилие левых сил перед правительственной пропагандой, начался в 1775 г. См.: Colley L. *Radical Patriotism*. P. 170.

14. Dinwiddy J. *Op. cit.* P. 54.

15. Не потому ли Виндзорская династия, в отличие от Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, пережила катаклизмы начала XX в., продолжая служить символом нации для многих современных британцев?

16. Подробнее о критике космополитизма английской аристократии патриотически настроенным средним классом см.: Newman G. *The Rise of English Nationalism. A Cultural History 1740–1830*. Lond., 1987. Однако я бы рекомендовала отнестись с изрядной долей скептицизма к теоретическим основам и выводам этой книги.

17. В настоящее время Линда Колли работает над новой книгой о роли женщин в истории. Она собирается бросить вызов расхожей точке зрения, будто женщины в прошлом не играли заметной роли в общественно-политической и культурной жизни. По мнению историка, матери и дочери, жены и возлюбленные оказывали прямое или косвенное влияние на мир, в котором, казалось, безраздельно господствовали мужчины.

18. Колли приводит пример резчика по дереву Томаса Джонсона, который вступил в Антигалликанское общество, потому что из-за изобретения французами папье-маше спрос на его дорогую продукцию резко упал. Но можем ли мы отказать этому человеку в искренней любви к родной стране лишь на том основании, что его патриотический порыв неотделим от соображений личной выгоды, спрашивает историк.

19. См.: Nairn T. *The Break-up of Britain*. Lond., 1977.

20. Hobsbawm E. J. *Op. cit.* P. 46. См. также с. 51–52 настоящего сборника.

**ВОПРОСЫ НАЦИИ,
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ
В АВСТРИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Перечисленные в заглавии вопросы не относятся к числу профилирующих в австрийской общественной мысли и национальной историографии. В этом и состоит ее коренное отличие от исторической науки средневропейского региона. Австрийский случай – особый. Он полон загадок и парадоксов, порожденных особенностями становления этого самобытного этноса. Парадокс первый: австрийцы, а точнее немецкоговорящие австрийцы, одними из первых в Европе приступившие к государственному строительству еще на заре "темного средневековья", лишь в середине XX столетия, т. е. спустя почти тысячелетие, осознали себя вполне нацией, отличной от современной германской нации. Процесс, разумеется, начался намного раньше, став очевидным в 1866–1871 гг. с образованием Германской империи, покончившим с иллюзией возможности вхождения Австрии в Германию. Сильнейшее потрясение, равносильное национальной трагедии, испытали австрийцы после неожиданного и незаслуженного в их глазах поражения от "наследственного врага" – Пруссии. Переориентация национального сознания, связанная с мучительной переоценкой привычных ценностей, шла медленно и после того, как общегерманская идентификация австрийцев лишилась всякой реальной почвы. Постепенно общегерманский элемент, чувство этнокультурной принадлежности к германской нации вытеснялись другими элементами национального самосознания – общеимперским, австрийским. Одновременно сохранялся и локально-провинциальный, земельный уровень идентичности – в Нижней и Верхней Австрии, Штирии, Тироле, Богемии и т. д.

Второй парадокс состоит в том, что австрийцев в меньшей степени, чем кого-либо в Средней Европе, коснулись присущие всему XIX веку бурные национально-объедини-

тельные процессы и национально-освободительные движения.

Рецидив германского национализма имел место в экстремальных условиях конца первой мировой войны, когда отчаяние и неверие в самое физическое существование доведенной до микроскопических размеров страны, толкнуло ее политическое руководство на провозглашение вновь образованной Немецкой Австрии частью Германской республики. То была первая попытка "Аншлюса", предпринятая в 1918–1919 гг. австрийскими социал-демократами в надежде воспользоваться плодами революции в Германии и убежденными в прогрессивности такого объединения.

Третий парадокс: именно Аншлюс, присоединение Гитлером "родной" ему Австрии, окончательно "отучил" австрийцев от германской болезни. Гитлер, включив Австрию в состав "Третьего рейха" в качестве его восточной марки – "Остмарк", не довольствовался этим и, желая вытравить из сознания австрийцев все, что напоминало об особенностях их страны, в 1942 г. повелел называть ее "Альпийско-Дунайским округом"¹.

Нацистская затея с уничтожением австрийской государственности провалилась не только благодаря противодействию могущественных внешних сил в лице союзных держав-победительниц. После 1945 г. заявил о себе и внутренний фактор – крепнувшее национальное самосознание австрийцев. Процесс формирования австрийской нации стал необратимым, ибо в отличие от ситуаций 1866 г., когда Австрия вынужденно рассталась с идеей возглавить единую Германию и стать частью единой германской нации, и 1918 г., когда в Германию ее не пустили западные союзники, после второй мировой войны путь к независимому национальному развитию австрийцами был избран по собственной воле, с учетом трагических зигзагов собственной истории.

Крутые повороты и сильнейшие потрясения, не раз на протяжении почти века, с 1866 по 1945 гг., ставившие под вопрос самое существование страны, фиксировались и отражались историческим сознанием австрийцев, а вслед за ним и историографией с запозданием и далеко не аде-

кватно. И современной национальной историографии, в первую очередь той ее части, становление которой пришлось на предвоенные годы, не сразу и не до конца удалось избавиться от прямого и, чаще, косвенного воздействия германского, точнее общегерманского фактора. Сказывается постоянное наличие общих культурных и исторических традиций, значительная этнокультурная общность, тесно связывающие две немецкоговорящие нации Европы и все еще затрудняющие этнонациональную идентификацию австрийца. Сам этноним "австриец" зачастую несет нагрузку в большей степени государственно-политическую, определяющую лояльность и принадлежность к государству, нежели этническую.

Одним из важнейших рубежей становления современной австрийской нации стало прекращение в 1955 г. оккупации территории страны войсками четырех союзных держав и обретение Второй Австрийской республикой полного государственного (национального) суверенитета. Но понадобилось еще полтора-два десятилетия мучительных раздумий и сомнений, прежде чем австрийцы осознали себя нацией, самостоятельной и суверенной, а не обломком, осколком великогерманской нации. Австрийское общество тяжело расставалось со своим недавним прошлым, и процесс преодоления прошлого оказался здесь более затяжным и, как представляется, не таким полным и радикальным, как у немцев ФРГ. Как ни парадоксально, но демократизация общества, несомненная и последовательная, на порядок опередила процесс складывания национального самосознания, которое никак не могло достичь соответствия с историческими реалиями. Не способствовала тому и историческая наука. До середины 1960-х годов тон в университетской науке и в школьном образовании задавали профессора и учителя, поклонявшиеся великогерманской идее и немецкому национализму. С еще большей медлительностью и существенным запозданием реагировала на изменившиеся исторические реалии и процессы формирования нации в "собственном доме" профессиональная историческая наука. Лишь начиная с 1980-х годов стали появляться работы, посвященные этой проблематике, в частности, национальному сознанию и австрий-

ской самобытности². Что касается сферы чистой теории по проблемам нации и нациообразования, то в ней вплоть до 1950-х годов властвовали этнологи и социальные антропологи, приверженцы печально известной австрийской "культурно-исторической" школы патера Шмидта, развивавшие идеи и традиции расистского германского "народоведения"³. Историки же, длительное время обходившие национальную тематику, по крайней мере до того, как на рубеже 60–70 годов нашего столетия в науку не пришло новое поколение профессионалов, не связанное с нацистским прошлым непосредственно, как бы отмежевывались от национал-социалистского наследия.

Предпосылками возобновления интереса к национальной проблематике, как и создания современной австрийской национальной исторической школы, стали два важных фактора: 1) возрождение национальной государственности на демократических началах; 2) формирование современной австрийской нации на собственной самооснове – благодаря принятию обществом идеи собственной самостоятельной нации и развитию соответственно национального самосознания. Существенным было также значение импульсов, источник которых находился вне пределов самой Австрии, а именно в Соединенных Штатах Америки, где в 1950-х годах начала складываться американская школа по изучению Австрии. Поскольку центр тяжести ее интересов лежал на проблематике австрийской истории периода Австро-Венгерской монархии, назовем ее для краткости "австро-хунгаристикой". Основателями ее были англосакс Артур Й. Мей и нашедшие убежище в США после установления в Австрии гитлеровского режима Роберт А. Канн и Ханс Кон. По этой причине, а также и потому, что в дальнейшем ряды американской австро-хунгаристики пополнялись иммигрантами новой волны, прибывавшими в Штаты после второй мировой войны и их потомками, генетически связанными со Средней Европой, было бы неправомерно считать ее чисто американским продуктом. К тому же и в послевоенную эпоху, а не только в межвоенный период, почти все исследователи австрийской истории в США вдохновлялись блистательно написанной книгой бывшего венгерского социолога, буржуазного радикала Оскара Яси

"Распад Габсбургской монархии" (Чикаго, 1929)⁴, включая и несогласных с его концепцией⁵.

Вышедшие почти одновременно монографии Роберта А. Канна и Артура Й. Мея можно с полным основанием считать началом зарождения за океаном специальной отрасли американской исторической науки, соединившей в себе основательность, методичность, даже педантизм австрийской исторической традиции, что, в частности, характерно для работ Канна, с широтой мысли, свободой, раскованностью, отсутствием комплексов и адаптивностью к инновациям американской науки. Наиболее рельефно симбиоз столь непохожих исторических школ и традиций выражен в фундаментальной двухтомной монографии Канна, выпускника Венского и Колумбийского университетов, незадолго до своей смерти (последовавшей в 1981 г.) вернувшегося для чтения лекций в Австрию и удостоенного титула почетного профессора Венского университета. Этот главный труд его жизни был опубликован в Вене лишь в 1964 г., значительно переработанный и дополненный автором⁶. Роберт Канн, писал известный американский историк Карл Шорске в предисловии к посмертно изданному тому избранных сочинений ученого "Династия, политика и культура: избранные эссе", "оказал глубокое влияние на изучение истории Габсбургов и Австрии как в Соединенных Штатах, так и в его родной Австрии"⁷.

Нельзя не отметить чрезвычайно благотворного влияния на американскую школу "австро-хунгаристики" той общественно-политической среды, в которой она складывалась, отсутствие в ней питательной почвы, предпосылок и условий для импорта и взращивания национализма малых и относительно крупных европейских наций. Космополитическая атмосфера ведущих университетов США не стимулировала национальную ангажированность не только основателей школы, но и второго, послевоенного поколения историков иммигрантского происхождения. Этим мы обязаны поразительному явлению – американские историки чешского, румынского, югославянского происхождения, не говоря уже о выходцах из Венгрии, Польши, Австрийской республики, Германии, проявили, в противоположность своим европейским собратьям, граничащую с благожела-

тельностью толерантность к монархии Габсбургов. Что же касается основоположников – Кона и Канна, – покинувших Старый Свет из-за прихода к власти фашизма, то неприятие ими идеологии национализма было явлением естественным, имманентной чертой всего их мирозерцания. Методологические подходы этих ученых к теоретическим проблемам нации и национализма формировались на основе осмысления исторического опыта Средней Европы – региона, границы которого почти полностью охватывают территорию империи Габсбургов. Очевидно в то же время, что столь дорогие сердцу Роберта Канна наднациональные идеи, а также интегрированная метода анализа национальных движений были навеяны интеллектуальной атмосферой Нового Света середины XX века. Однако это не помешало ему сохранить верность традициям либеральной школы австрийской историографии, получившей международное признание благодаря известным трудам Йозефа Редлиха и Хайнриха Фридьюнга.

В соответствии с выработанным им своеобразным методом, который я назвал бы историко-эмпирическим, Роберт Канн анализирует относительно частный случай национальной проблематики – одного (австро-венгерского) государственного образования – с точки зрения значимости и прагматической ценности его опыта для подобных полиэтничных общностей, поскольку убежден, что без знания истории габсбургской монархии не может быть достигнуто "истинное понимание проблемы многонационального государства"⁸. Глубина, масштаб и перспективность ее исторического опыта, полагает ученый, выходящие за рамки общеизвестных знаний о системе правления, о границах и конфликтах между историческими, административными и этническими единицами, отнюдь не самоочевидны. Все перечисленные явления, проходя определенную фазу исторического развития, претерпевали изменения в прошлом и будут изменяться в будущем. Нация и все, что с ней связано, – явление исторически преходящее. Единственный постоянный фактор в любом государственном организме, включающем в себя несколько национальностей, "есть отдельный человек", который рассматривается Канном "не как член тот или иной политической или этнической группы,

а как наднациональный человек, представляющий всю полиэтническую общность"⁹. Призыв австро-американца, убежденного либерала, к "всеобщему признанию такого типа человека, который сам по себе представляет общую многонациональную территорию", что могло бы создать существенную предпосылку успешной интеграции многих народов в рамках той или иной социополитической общности, быть может, наивен и идеалистичен. Понимая это, ученый не скрывает сожаления, что за четыре долгих столетия существования монархии Габсбургов не удалось создать такой тип "наднационального" человека – представителя полиэтничной общности, который бы обеспечил ее сохранение в будущем¹⁰. Возможность появления такого человеческого типа Р. Канн ставит в прямую зависимость от хода и характера соотношения интегрирующих и дезинтегрирующих факторов и процессов, исследуя их на примере империи Габсбургов, рассматриваемой в качестве наиболее подходящей модели. Понятия и термины, которыми он пользуется, заимствованы им главным образом у К. Дойча, К. Хейеса, Э. Кедури, Е. Лемберга, Х. Кона и др. При уточнении общей терминологии и приспособлении ее к специфической австрийской проблематике он опирался на понятийный аппарат, выработанный Л. Гумпловичем, К. Г. Кугельманом, Й. Ётвёшем, Х. Ханчем, О. Бауэром, а также другими историками и социологами Австрии и Венгрии.

Термин "национальность", менее определенный, более размытый и потому почти полностью исчезнувший из научного обихода последнего десятилетия, не удовлетворял профессора Канна, поскольку им обозначаются совершенно разные понятия – как статус этноса (по терминологии ученого, "народной группы"), так и отдельной личности. Но даже в первом (и основном) своем смысле – обозначение коллективного статуса группы – применение термина "национальность" достаточно проблематично, ибо отражаемое им состояние, т. е. статус, есть результат, продукт исторического прогресса, или, по выражению Канна, – "живых сил истории".

Проблематичность термина легко выявляется при обращении к концепции Ханса Кона, который перечисляет

факторы, делающие этнос "национальностью": "общность происхождения, язык, территориально-политическое единство". Но в конце концов он приходит к обескураживающему выводу: "ни один из этих факторов, сам по себе, не существенен (подчеркнуто мною. — Т. И.) для существования национальности или для дефиниции"¹¹. Канн в этом вопросе занимает более гибкую и, как мне представляется, реалистическую позицию. Он допускает необходимость наличия указанных Коном признаков хотя бы для того, чтобы термин имел какое-то определенное содержание. Однако, полагает он, отсутствие одного или нескольких признаков не лишает термин его смысла. Но как раз в отсутствии, или в рудиментарном характере, или же недостаточной развитости одного или нескольких из этих факторов Канн видит принципиальное различие между "нацией" — "более крупным (значительным)", по его определению, понятием и "национальностью" — "более скромным понятием". Национальность, утверждает он, имеет менее законченный характер, чем нация, в подтверждение своего умозаключения ссылаясь на Оксфордский словарь, согласно которому национальность есть народ, потенциально могущий стать нацией.

Канн пользуется термином "национальность", при всем его несовершенстве, из чисто утилитарных соображений: "Ни одно слово не обозначает и не описывает так метко особый статус австрийских народов; вследствие государственного признания, хотя и ограниченного, их позиция была более сильной, чем просто этнических групп и существенно более слабой, чем настоящих государственных наций"¹². Между тем, официальное австрийское законодательство, например, конституция 1867 г., предпочитала ему архаичную, унаследованную от средневековья терминологию, обозначая различные этнические группы словами "народные племена". Употребление этого пусть не совсем точного и четкого термина позволяет дифференцировать только "нацию" и "национальность", но также и "меньшинство" как промежуточное между ними состояние. Под "меньшинством" Канн понимает этническую группу, ясно сознающую особенность своего "национального и культурного характера", который в свою очередь определяется тем

теми же чертами, что свойственны нации или национальности, но, добавим от себя, еще и признанным статусом. Канн различает меньшинства "настоящие и ненастоящие", "естественные и искусственные", "обусловленные и необусловленные", "относительные и абсолютные". Как правило, в государстве большинство населения которого имеет иной национальный характер, "настоящие меньшинства" живут внутри страны, не обязательно в приграничной зоне, имея при этом длительный и неизменный статус. "Ненастоящими" Канн называет такие группы, которые возникают при переходе под господство соседнего государства части единой национальной территории вследствие войн или межгосударственных соглашений, а не в результате органического развития или переселения. К таковым он относит, например, поляков восточной части Прусского королевства. Канн признает спорность своих рассуждений относительно понятия "меньшинство" и делает простейший вывод: наличие меньшинства зависит от существования большинства, что и является, по его мнению, общим знаменателем, причем единственным для перечисленных толкований понятия. Но как раз этой единственной принципиальной предпосылки не было в Австрии, квалифицируемой им как "многонациональное государство без национального большинства"¹³. На самом же деле, несмотря на то, что в Австрии ни одна национальность, включая немецкую, никогда не составляла абсолютного большинства, существовало множество групп национальных меньшинств. Практически к ним он относит этнические группы, находящиеся в анклавах, со всех сторон окруженные территориями другого национального большинства и изолированные от своих сородичей. В их числе он называет швабов в Банате, трансильванских саксов в Венгрии и чехов Вены в Австрии¹⁴.

В австрийской половине империи – Цислейтании – уровень этнической чересполосицы был еще более высоким, чем в Венгрии. Из 17 коронных земель Цислейтании, указывает Канн, лишь в шести население говорило на одном и том же родном языке. Во многих округах и населенных пунктах существовали этнические группы, представлявшие собой "чисто локальные", по выражению Канны, меньшин-

ства, и их проблемы вызывали временами большую озабоченность, чем "кажущийся академическим вопрос о статусе национальности как таковой". Роберт Канн, едва ли не первый в исторической науке, поставил вопрос о национальных меньшинствах, об их правах, о защите этих прав, обратив особое внимание на необходимость признания и понимания "неравноправного, неудовлетворительного, а иногда и просто отчаянного положения" национальных меньшинств.

Роберт Канн, правовед по образованию, указывает на то, что принципы защиты национальных меньшинств, как международно признанные, зафиксированные в нормах, возникших после 1918 г., так и применявшиеся в прошлом веке, ни в коей мере не соответствовали специфическим национальным проблемам многонационального государства. Признание национальных меньшинств и их прав, сколь бы важным и необходимым оно ни было, не решает вопроса, который упирается в более масштабную проблему координации и обеспечения равноправия всех этнических групп вне зависимости от их статуса в этнонациональной иерархии, в структуре общего государства на базе национального принципа.

Роберт Канн, тончайший знаток межэтнических отношений, придает принципиально важное значение ясности, определенности терминологии. Из всех обозначений этнополитических и этнокультурных общностей различного по численности уровня явное предпочтение он отдает термину "народные группы" (Volksgruppen), термину обобщающему, более "бесконфликтному", чем "нация", "меньшинство", национальность. По своему содержанию он близок, почти тождественен, общеупотребительным ныне понятиям "этнос", "этнические группы".

Однако потребности и задачи исследования сложнейших этнических процессов в таком многонациональном образовании, каким была монархия Габсбургов, потребовали создания соответствующего инструментария. Канн, как уже упоминалось выше, охотно обращался к ранее выработанным понятиям и терминам, в том числе и к марксистской концепции "исторических" и "неисторических" народов. Он считал, что при догматической трактовке Марксом

и Энгельсом эта "примитивная и грубоватая" концепция стала вполне приемлемой благодаря заслуге Отто Бауэра, сумевшего освободить ее от догматизма и субъективизма, раскрыть роль исторической традиции в генезисе национализма¹⁵. Бауэр, как известно, отверг примитивное представление своих учителей о неспособности к "исторической жизни" целого ряда народов, а точнее большинства народов Австрийской империи, что было опровергнуто самой историей уже в XIX в. Роберт Канн считает возможным солидаризоваться с основным тезисом Бауэра, постулирующим в качестве неперемennого условия возникновения и функционирования национальной культуры наличие национального дворянства и национальной буржуазии. В то же время для него категорически неприемлем "экономический догматизм" (точнее – детерминизм) марксизма, постулирующий прямую связь процесса формирования нации с процессом производства и развития производительных сил. Канн дополняет концепцию Бауэра важным положением, которым признается существование групп, не имевших на ранних стадиях своего развития "независимой национальной политической истории". Он разъясняет, что вовсе не обязательно обладать в прошлом собственным суверенным государством, чтобы иметь свою историю. Выводы Канны полностью опираются на историю австрийских народов. Принятие марксистской концепции привело бы к абсурдной ситуации, когда "историческими" народами могли бы быть признаны лишь немцы с мадьярами да хорваты с поляками. По классификации Канны к ним безусловно относятся также и чехи, и итальянцы, располагавшие собственной государственностью задолго до вхождения в состав империи Габсбургов, сохранившие собственную территорию обитания, исторические традиции, социальную структуру и, добавим также, свою культуру¹⁶. В отличие от них русины, румыны, словаки, словены, не имевшие собственной национально-политической истории, являлись национальностями. Нациями, или же "историко-политическими индивидуальностями"; признавались народы, включенные в первую группу.

В концепции национализма, развиваемом в трудах Канны, важное место занимает исследование его характе-

ра и функции в полиэтничных государствах. В этнически гомогенном обществе Канн допускает возможность "благополучного" развития национализма, даже весьма радикального и интенсивного, как только в основном достигается конгруэнтность нации и государства. Этот тип национализма он называет интегральным. В многонациональном организме возрастает вероятность длительных конфликтов; здесь постоянно сдерживаемый национализм отдельных групп ведет к коллизиям, которые теоретически могут быть устранены или смягчены в случае, если конфликтующие стороны находят решения, удовлетворяющие их федералистские или полужедералистские устремления. Но и такой исход невероятно труден, поскольку наталкивается на почти непреодолимые препятствия, в основе которых лежат существенные политические, культурные, социальные различия между далеко не равными по своему уровню этносами.

Канн подчеркивает, что в эпоху нарастающего национализма национальная борьба не может ограничиваться целью достижения равенства, равноправия и неминуемо, едва достигнув эту первоначальную цель, развивается дальше – к господству над другими, превращаясь, таким образом, в "националистическое честолюбие".

Интегральный этнический национализм – этот "агрессивный, устремленный в будущее, вид национализма" – утверждает Канн, обставил себя "псевдоисторическими традициями *sui generis*", которые опираются не столько на подлинные исторические факты, сколько на мифические представления о национальном характере германства, славянства и т. п. Повальное увлечение и псевдоисторическими традициями в соединении с идеализацией национального характера придают, по мнению автора, национализму силу, способность к развитию и масштабность, порождая "империалистические националистические аспирации", далеко превосходящие ограниченные целеустановки традиционного национализма.

В монографии Канна, как уже отмечалось, огромное внимание уделено соотношению центробежных и центростремительных сил, действовавших в монархии, а также связанным с этими процессами многочисленным планам

реорганизации этнополитической структуры империи, конечной целью которых было ее сохранение и спасение от гибели. Этим сюжетам посвящен почти целиком второй том его монументального труда. Чтобы максимально кратко охарактеризовать его позицию, сошлюсь на мнение профессора Рихарда Георга Плашки, виднейшего из ныне живущих историков Австрии: Канн "не позволял себе никаких иллюзий относительно цены сохранения (монархии. — Т. И.), силы и возможностей реформ, нацеленных на федерализм или национальную автономию, а также интеграционной потенции имперской идеи в этих условиях"¹⁷. Лишь одно, продолжает Плашка, ссылаясь на Канна, могло гарантировать сохранение на несколько лет или десятилетий Австрии — мир. Монархия, чтобы продолжать существовать, должна была связать свою судьбу с сохранением мира в Европе. Здесь мнения обоих ученых полностью совпадают. К сказанному следует добавить, что через все произведения Канна проходит одна мысль. О настоятельной необходимости радикальных реформ: шансы на выживание он давал только "реформированной монархии", преобразованной на федералистских началах, консолидированной прогрессивными социально-экономическими реформами, избавленной от все усиливавшейся зависимости от германской империи в своей внешней политике.

Р. Г. Плашка — выходец из южной Моравии. Школу он окончил еще в Знайме, университет — уже в Вене. Много лет спустя, в 1980-х годах, стал ректором этого одного из старейших университетов в Европе. Детство и юность его прошли в зоне немецко-чешского языкового пограничья, откуда он был после войны выселен вместе с миллионами лиц немецкой национальности. Насильственное лишение родины во имя создания в республике чехов и словаков расово чистого государства славян predeterminedли пристальный интерес молодого историка к чешскому прошлому и к национальной проблематике вообще. Первая его диссертация, опубликованная в 1955 г., была посвящена чешской историографии от Палацкого до Пекаржа и национальному сознанию чехов. Выдающийся вклад внес Плашка, активно поддержанный своими учениками и более молодыми соратниками, в налаживание плодотворного

диалога и делового научного сотрудничества разделенных "железным занавесом" и "холодной войной" Востока и Запада.

Нас, естественно, интересуют взгляды уже зрелого ученого на проблематику нации, национализма, национального самосознания. Нацию он характеризует как "большую социальную группу, интегрированную в результате воздействия определенных объективных и субъективных предпосылок"¹⁸. Национализм – двойственное явление: субъективное и объективное. Субъективная сторона этого феномена характеризуется им как "позиция", ориентирующаяся на идентификацию с обозначенной выше большой социальной группой в качестве интегрированного ее члена. Объективная же сторона национализма представляется ему "интеграционной силой, связывающей при определенных предпосылках большую группу". Эти последние весьма изменчивы как по своей сущности, так и по своему значению и весу и представляют собой не статичный, а динамичный фактор, движущую силу общественно-политического процесса. Он подчеркивает значение экономических и социальных факторов: "Современный национализм (*Der moderne Nationalismus*) представляется как продукт перехода к новому буржуазному индустриальному обществу, капиталистическому обществу"¹⁹. Постоянным является взаимовлияние вновь возникающих экономических и технических условий, порождаемой ими социальной мобильности – национальных движений. Это касается как горизонтальных (техничко-экономический прогресс и охват новых территорий), так и вертикальных (переструктурирование общества и преобразование социальных слоев) связей. К вертикальным связям относятся образовательные процессы, ускоряемые школьными реформами, кодификация национальных языков, углубление национального самосознания посредством "национальных наук" (история, археология, этнография, языкознание), усовершенствование коммуникативных средств в национальном обществе. Социальная мобильность существенно прогрессирует благодаря урбанизации и усилению общественной роли буржуазии. Несмотря на то, что сильнейшим социальным слоем в большинстве стран Средней и Юго-Восточной

Европы оставалось крестьянство, ферментом национального развития являлась буржуазия. Доминирующее воздействие на национально-политическую и культурную жизнь оказывала светская и духовная интеллигенция. "Епископ и митрополит, патер и поп неоднократно расставляли решающие акценты в становлении национального самосознания", действуя в качестве летописцев, историков, создателей языков, основателей культурных организаций и социальных институтов, в качестве национальных идеологов и ведущих национальных политиков²⁰.

Плашка вводит в научный оборот термин "Rollenbild", определяя его как "совокупность этико-нравственных ценностных и функциональных представлений интегрирующейся национальной группы, ее объективизированное самопонимание". Иногда он пользуется термином "идеологическое", или чаще "программно-идеологическое" самопредставление своей роли, существенными моментами которого являются историческое прошлое, язык, религиозные нормы. Одновременно со складыванием самопредставления формируется и образ внешнего врага. Соответственно пишется и национальная история, превращаемая в арену осуществления мессианистской идеи и воспринимаемая как "национальное переживание", воспеваются победы, оплакиваются поражения вековой давности (Косово, например), которым придается мистический смысл.

В концепции Плашки в качестве объективных предпосылок национализма важное место занимает группа критериев, связанных с политико-организационными связями в государстве. Они выражаются в центральных тенденциях политической организации, в управленческих факторах в сферах экономики и социальной жизни, в культивировании доминирующего языка в школах и армии, в администрации и суде, в утверждении образа соответствующих исторических границ государства²¹.

Согласно модели Плашки нация в субъективном плане проявляет себя в воле образовать себя и сохранить, в утверждении своего бытия или в аспирации стать ею и остаться таковой. Национальная интеграция представляет собой динамичный элемент в общественно-политическом процессе. Каждый человек может находиться в каких-то

отношениях с несколькими группами: социальных, национальных, религиозных. Но отдельному индивидууму в рамках группы необходим определенный минимум свободы, включающий возможность выбора новых образований, установления новых интеграционных приоритетов. Свою теоретическую модель Плашка наполняет конкретно-историческим содержанием, почерпнутым из богатой истории национальных процессов последних столетий на обширном пространстве Средней и Юго-Восточной Европы.

В построении Зуппана-Хойбергер один из возможных путей избавления Восточной и Юго-Восточной Европы от разрушительного эффекта "демонического национализма" – разумное решение проблемы национальных меньшинств, ставшей одной из наиболее острых в современном нам мире. Взаимоотношения между большинством и меньшинством, считают они, должны решаться не столько в сфере политики, а преимущественно путем реализации основных прав личности.

Профессор Эрнст Брукмюллер, виднейший представитель возрожденного направления социальной истории в Австрии, продолжающего традиции старой австрийской школы знаменитых венских историков Карла Грюнберга, Лудо Морица Хартманна, Карла Лампрехта, рассматривает нацию в ряду (как один из элементов) "больших социальных групп", возникающих в ходе капиталистической индустриализации общества, как "сверхлокальную и сверхрегиональную группу". Он дифференцирует факторы нациообразования (общественные потребности многонационального государства, рост городов, возросшая социальная мобильность населения, значительная по силе "переоценка" национального языка, литературы, народной культуры, фольклора. в эпоху романтизма, рост значения политики в социальной эволюции) от путей нациообразования, которые определяются субъективными факторами (самоидентификация, чувство групповой принадлежности) и объективными (создание сети культурно-просветительных учреждений, читален, национальной печати, языковых курсов и т. д.)²⁴.

Ограниченность объема статьи не позволяет, к сожалению, обстоятельно проанализировать новейшие тенденции

в разработке интересующих нас проблем в австрийской литературе. Но уже на основе рассмотренного выше материала можно прийти к некоторым предварительным выводам:

а) австрийская историография проблем нации и национализма, начиная с 1960-х годов, развивается в русле общемировых тенденций. Новое поколение историков и социологов сумело не только преодолеть присущий поколению 1940–1950-х годов провинциализм и отчужденность в отношении теории и теоретических проблем национальнообразования, но и применило новейшие теоретические концепции и модели при анализе собственно австрийского материала;

б) наиболее существенный успех, сравнимый с первым, достигнут в изучении этнических процессов многонациональной монархии Габсбургов и в Австрии в узком смысле в XIX–XX веках, в изучении становления и развития австрийской нации и австрийского национального самосознания;

в) теоретическая мысль при этом опиралась на реальные процессы, совершавшиеся в сфере национального самосознания во второй половине XX века, главным результатом которых стал переход от общегерманского (германского) этнического самосознания к вполне определенному, обособленному, самостоятельному австрийскому;

г) австрийская общественная наука, в результате, заняла позиции, позволяющие ей оказывать все более интенсивное и эффективное обратное воздействие на общественное мнение и на общественное сознание, помогая укреплению в австрийском обществе ощущения своей "особости" среди немецкоязычных народов Средней Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Bihl Wolfdieter. Von der Donaumonarchie zur Zweiten Republik. Daten zur österreichischen Geschichte seit 1867. Wien-Graz-Köln, 1989. S. 219; Heer Friedrich. Der Kampf um die österreichische Identität. Wien-Köln-Graz, 1981. S. 10; 505.

2. Помимо указанного выше монументального труда, назовем некоторые из них: Heer Friedrich. Österreich und die deutsche Frage im 19. und 20. Jahrhundert: Probleme der politisch-staatlichen und soziokulturellen Differenzierung im deutschen Mitteleuropa. München, 1982; Stourzh Gerald. Vom Reich

zur Republik. Studien zum Österreichbewusstsein im 20. Jahrhundert. Wien, 1990; Schulmeister Otto. Der zweite Anschluss. Österreichs Verwandlung seit 1945. Wien, 1979; Weinzierl Erika. Österreichische Nation und österreichisches Nationalbewusstsein // "Zeitgeschichte", 1989/17; Wagner Georg. Von der Staatsidee zum Nationalbewusstsein. Wien, 1982; Bruckmüller Ernst. Nation Österreich. Sozialhistorische Aspekte ihrer Entwicklung. Wien, 1894; Kreisler Felix. La prise Conscience de la nation Autrichienne, 1938–1945–1978. Paris, 1980. Живущий в Руане бывший политэмигрант Крайслер является австрийским историком. Назовем еще работу известного германского историка Карла Дитриха Эрдманна, вызвавшую волну откликов в Австрии: Erdmann Karl D. Die Spur Österreichs in der deutschen Geschichte: Drei Staaten, zwei Nationen, ein Volk? Wien, 1985.

3. Linimayr Peter. Wiener Völkerkunde im Nationalsozialismus. Ansätze zu einer NS-Wissenschaft. Frankfurt a. M., 1994.

4. Jaszi Oszkar. The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929.

5. Профессор Джон Рат, в содружестве с Робертом Канном основавший полезный для всех специалистов по истории Средней Европы ежегодник "Austrian History Yearbook", назвал работу Яси, содержащую остро критический анализ существовавших в старой монархии порядков, "Ветхим Заветом" американских ученых. Завершают этот библейский образный ряд труды Роберта Канны, обозначаемые автором как "Новый Завет", и труды Артура Мей, квалифицируемые им в качестве "откровений великих пророков": Rath R. John. Das amerikanische Schrifttum über den Untergang der Monarchie // In: Die Auflösung des Habsburgerreiches. Zusammenbruch und Neuorientierung im Donauraum. Hrg. Plaschka Richard G. und Mack Karlheinz. Wien, 1970. S. 238–239.

6. May Arthur J. The Habsburg Monarchy 1867–1914. New York, 1951. Kann Robert A. The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Habsburg Monarchy, 1848–1918. 2 vs. New York, 1950. Позднее вышел несколько более "облегченный" вариант двухтомника: The Habsburg Monarchy: a Study in Integration and Desintegration. New York, 1957.

7. Kann Robert A. Dynasty, Politics and Culture: Selected Essays. Foreword by Carl E. Schorske. East European Monographs, v. 317. См. рецензию: Williamson Samuel R. Austrian History Yearbook, v. XXIV, 1993. P. 225.

8. Kann Robert A. Werden und Zerfall des Habsburgerreiches. Graz-Wien-Köln, 1962. S. 207.

9. Ibidem.

10. Ibidem. S. 12.

11. Konh Hans. The Idea of Nationalism, V. I. P. 13.

12. Kann Robert A. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Bd. I. Graz-Köln, 1964. S. 42, 357.

13. Kann Robert A. Werden und Zerfall des Habsburgerreiches... S. 20–21.

14. Kann Robert A. Das Nationalitätenproblem... S. 43.

15. Kann Robert A. Das Nationalitätenproblem... S. 53–54; Kann Robert A. Werden und Zerfall des Habsburgerreiches... S. 32.

16. Bauer Otto. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Wien, 1907. S. 190; Kann Robert A. Das Nationalitätenproblem... S. 53, 55–56.

17. Plaschka Richard G. Nationalismus-Staatsgewalt-Widerstand. Aspekte nationaler und sozialer Entwicklung in Ostmittel- und Südosteuropa. Wien, 1985. S. 423.

18. Plaschka Richard G. Nationalismus... S. 119.
19. Plaschka Richard G. Nationalismus... S. 120.
20. Plaschka Richard G. Nationalismus... S. 133–134.
21. Plaschka Richard G. Nationalismus... S. 461–462.
22. Suppan Arnold, Heuberger Valeria. Perspektiven des Nationalismus in Mittel-, Ost- und Südosteuropa // Österreichische Osthefte, 1991/2. S. 201.
23. Berlin Isalah. Der Nationalismus. Seine frühere Vernachlässigung und gegenwärtige Macht. Frankfurt a. M., 1990. S. 98–68.
24. Bruckmüller Ernst. Sozialgeschichte Österreichs. Wien-München, 1985. S. 413–421.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Alter P. Nationalism. London, 1989.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.
- Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
- Balibar E., Wallerstein I. Race, Nation, Class. London, 1991.
- Baron S. W. Modern Nationalism and Religion. New York, 1960.
- Bendix R. Nation-Building and Citizenship. Berkeley, 1964.
- Bentley G. C. Ethnicity and Nationality: a Bibliographical Guide. Seattle, London, 1983.
- Berlin I. The Bent Twig: A Note on Nationalism. Foreign Affairs. N. 51. 1972.
- Bhabha H. (ed.) Nation and Narration. London, 1990.
- Birch A. H. Nationalism and National Integration. London, 1989.
- Blaut J. The National Question: Decolonizing the Theory of Nationalism. Atlantic Highlands, 1987.
- Bloom W. Personal Identity, National Identity and International Relations. Cambridge, 1990.
- Breuilly J. Nationalism and the State. Manchester, 1982.
- Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, 1994.
- Carr E. H. Nationalism and After. London, 1945.
- Calhoun C. Nationalism and ethnicity. Annual Review of Sociology. 19. 1993.
- Carter B. G. Ethnicity and Nationality: A Bibliographic Guide. Seattle.
- Chlebowski J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Kwestia narodowa i procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Środkowej w dobie kapitalizmu (od schyłku XVIII do początków XX w.) Wyd. 2. Warszawa, 1983.
- Cobban A. The Nation State and National Self-Determination. London, 1969.
- Colley L. Britons: Forging a Nation 1707–1837. New Haven, Conn., 1992.
- Coulton G. C. Nationalism in the Middle Ages. Cambridge Historical Journal. 5. 1935.
- Cummins I. Marx, Engels and National Movements. London, 1980.
- Dann O., Dinwiddy J. (eds.) Nationalism in the Age of the French Revolution. London, 1988.
- Davis H. B. Nationalism and Socialism: Marxist and Labor Theories of Nationalism. London and New York., 1967.
- Deringil S. The Invention of Tradition as Public Image in the Late Ottoman Empire, 1808 to 1908. Comparative Studies in Society and History. Vol. 35. N. 1. Cambridge, 1993.
- Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge, Mass. 1953.
- Deutsch K. W., Foltz W. (eds) Nation-building. New York, 1963.
- Deutsch K. W., Merritt R. Nationalism and National Development: An Interdisciplinary Bibliography. Cambridge, 1970.
- Eisenstadt Sh. Building States and Nations. Beverly Hills, 1973.
- Francis E. The ethnic factor in nation-building. Social Forces. 68. 1968.
- Frölich D. Nationalismus und Nationalstaat in Entwicklungsländern.

Meisenheim, 1970.

Gella A. (ed.) *The Intelligentsia and the Intellectuals*. Beverley Hills, 1976.

Gellner E. *Thought and Change*. London, 1964.

Gellner E. *Nations and Nationalism*. Ithaca, 1983. (Русское издание – Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.)

Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. Путь. 1992. № 1.

Glazer N., Moynihan D. P. *Ethnicity: Theory and Experience*. Cambridge, Mass., 1975.

Goulbourne H. *Ethnicity in Post-Imperial Britain*. New York, 1991.

Gross M. *Croatian National-Integrational Ideologies from the End of Illirism to the Creation of Yugoslavia*. *Austrian History Yearbook*. Vol. XV–XVI. Minneapolis, 1979–1980. 1982.

Group for the Advancement of Psychiatry. *Us and Them: The Psychology of Ethnonationalism*. New York, 1987.

Hall J. A. *Nationalisms: Classified and Explained*. *Daedalus*. Summer 1993.

Halle L. J. *What Is Nationalism?* *International Organization*. Vol. 40. N. 3. 1986.

Hayes C. *The Historical Evolution of Modern Nationalism*. New York, 1931.

Hayes C. *Nationalism: A Religion*. New York, 1960.

Hechter M. *Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development. 1536–1966*. London, 1975.

Hobsbawm E., Terence R. (eds) *The Invention of Tradition*. Cambridge. 1983.

Hobsbawm E. *Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality*. New York, 1990.

Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1985.

Hroch M. *Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen*. Praha, 1968.

Hroch M. *Obrozeni malych evropskych narodů*. Praha, 1971.

Huizinga J. *Patriotism and Nationalism in European History*. In: *Men and Ideas: Essays on History, the Middle Ages and the Renaissance*. New York. 1970.

Huntington J. *The Dynamics of Cultural Nationalism: the Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State*. London, 1987.

Kamenka E. (ed.) *Nationalism, the nature and evolution of an Idea*. London, 1976.

Katz D. *The Psychology of Nationalism*. In: *Giulford J. P. (ed.) Fields of Psychology*. New York, 1940.

Kedourie E. *Nationalism*. London, 1960.

Kellas J. G. *The Politics of Nationalism and Ethnicity*. London, 1991.

Kemilainen A. *Nationalism, problems concerning the Word, the Concept and Classification*. Yvaskula, 1964.

Kohn H. *Nationalism: its meaning and history*. Princeton, 1955.

Kohn H. *Pan-Slavism: its history and ideology*. 2 ed. New York, 1960.

Kohn H. *The Idea of Nationalism*. 2 ed. New York, 1967.

- Koralka J. *Tschechen im Habsburgerreich und in Europa 1815–1914. Socialgeschichtliche Zusammenhänge der neuzeitlichen Nationsbildung und der Nationalitätenfrage in den böhmischen Ländern.* Wien, 1991.
- Kořtlin K., Bausinger H. (eds.) *Heimat und Identität.* Neumunster, 1980.
- Krejci Y., Velimski V. *Ethnic and Political Nations in Europe.* London, 1981.
- Kren J. *Konfliktni spolecnost. Cesi a Nemci. 1780–1918.* Praha, 1990.
- Mann M. *Sources of Social Power. Volume Two: The Rise of Modern Nations and Classes, 1760–1914.* Cambridge, 1993.
- Mann M. *The Emergence of Modern European Nationalism.* In: Hall J. A., Jarvie I. (eds) *Transition to Modernity.* Cambridge, 1992.
- Marcu E. D. *Sixteenth-century Nationalism.* New York, 1976.
- Mayall J. *Nationalism and International Society.* Cambridge, 1990.
- Meineke F. *Weltbürgertum und Nationalstaat. Werke. Bd. 5.* München, 1962. Meinecke F. *Cosmopolitanism and the National State.* Princeton, 1970.
- Michelat G., Thomas J-P. H. *Dimensions du nationalisme.* Paris, 1966.
- Minogue K. *Nationalism.* London, 1967.
- Moricsch A. (Hrsg.) *Vom Ethnos zur Nationalität. Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit.* Wien. München. 1991.
- Mosse G. L. *Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from Napoleonic Wars through the Third Reich.* New York, 1975.
- Mosse G. L. *Nationalism and Sexuality.* Madison, 1985.
- Nairn T. *The Break-up of Britain.* London, 1977.
- Niederhauser E. *The Rise of Nationality in Eastern Europe.* Budapest, 1981.
- Noiriel G. *La Tyrannie du National.* Paris, 1991.
- Noiriel G. *Le question national comme objet de l'histoire sociale.* Geneses. N. 4. 1991.
- Nora P. (ed.) *Les lieux de memoire. La Republique. La Nation. (3 vols)* Paris, 1984–1986.
- Ranum O. (ed.) *National Consciousness, History and Political Culture in Early Modern Europe.* Baltimore, 1973.
- Roshwald A. *Untangling the Knotted Cord: Studies of Nationalism.* *Journal of Interdisciplinary History.* XXIV. N. 2. Autumn 1993.
- Rudolph R. L., Good D. F. (eds) *Nationalism and Empire. The Habsburg Monarchy and the Soviet Union.* New York, 1992.
- Scheffler T. (ed.) *Ethnizität und Gewalt.* Hamburg, 1991.
- Schieder Th. *Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaates in Europa.* *Historische Zeitschrift.* Band 202. 1966.
- Seton-Watson H. *Nationalism, Old and New.* Sydney, 1965.
- Seton-Watson H. *Nations and States.* London, 1977.
- Shafer B. C. *Nationalism, Myth and Reality.* New York, 1955.
- Shafer B. C. *Nationalism: Its Nature and Interpreters.* Richmond, Virginia. 1976.
- Shaw R. P., Yuwa W. *Genetic Seeds of Warfate: Evolution, Nationalism and Patriotism.* Boston, 1989.
- Smith A. *Theories of Nationalism.* London, 1971.

- Smith A. Nationalism. A Trend Report and Annotated Bibliography. *Current Sociology*. 21/3. Hague. 1973.
- Smith A. Nationalism and Classical Social Theory. *British Journal of Sociology*. 34. 1983.
- Smith A. The Ethnic Origins of Nations. Oxford. 1986.
- Smith A. The myth of the "Modern Nation" and the myths of nations. *Ethnic and Racial Studies*. 11. N. 11. 1988.
- Smith A. Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*. Vol. XXXIII. N. 1-2. 1992.
- Snyder L. The Varieties of Nationalism. A comparative View. Hinsdale. 1976.
- Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. New York, 1990.
- Stokes G. Cognition and the Function of Nationalism. *Journal of Contemporary History*. N. 4. 1974.
- Sugar P. F., Lederer I. J. (eds) Nationalism in Eastern Europe. Seattle, Washington, 1969.
- Sugar P. F. The Rise of Nationalism. *Austrian History Yearbook*. Vol. III. Pt. 1. 1967.
- Szporluk R. Communism and Nationalism: Karl Marx vs. Friedrich List. New York, 1988.
- Symmons-Symonolewicz K. Nationalist movements: an attempt at a comparative typology. *Comparative Studies in Society and History*. 7. 1965.
- Symmons-Symonolewicz K. Nationalist Movements: A Comparative View. Meadville, 1970.
- Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975.
- Todorov I. *Nous et les autres*. Paris, 1990.
- Verdery K. Whither "Nation" and "Nationalism"? *Daedalus*. Summer 1993.
- Walicki A. Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland. New York, 1982.
- Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 1-3. San Diego, 1974-1988.
- Watkins S. C. From Provinces into Nations. Princeton, 1991.
- White J. W., Michio Unegaki, Havens Th. R. (eds) The Ambivalence of Nationalism: Modern Japan Between East and West. Lanham, MD.
- Weber E. Peasants into Frenchmen. London, 1979.
- Williams C. (ed.) National Separatism. Cardiff, 1982.
- Winkler H. A. (Hrsg) Nationalismus. Köln, 1978.
- Winkler H. A., Schnabel Th. Bibliographie zum Nationalismus. Gotting 1979.

Составил А. МИЛЛЕР

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения.		
А. Миллер	Национализм как теоретическая проблема. (Предварительные итоги)	1-IX
А. И. Миллер	Теория национализма Эрнеста Геллнера и ее место в литературе вопроса	3-18
В. В. Коротева	Энтони Смит: историческая генеалогия совре- менных наций	19-43
О. В. Хаванова	Два века европейского национализма. Что дальше? (Эрик Хобсбаум. "Нации и национа- лизм после 1780 г.: программа, миф, реаль- ность.")	44-58
А. И. Миллер	Бенедикт Андерсон: национализм как куль- турная система	59-69
М. А. Бобрович	Мирослав Грох: формирование наций и на- циональные движения малых народов	70-93
О. В. Павленко	Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе .	94-111
М. Яновский	Нация, эмоции, пограничье в работах Юзефа Хлебовчика	112-121
Е. Н. Масленникова	Г. А. Винклер и Т. Шидер о проблеме нацио- нализма	122-131
С. А. Романенко	Хорватская историсграфия 80-х: между ис- торией и политикой	132-159
О. В. Хаванова	Линда Колли: гражданское измерение пат- риотизма	160-172
Т. М. Исламов	Вопросы нации, национального самопозна- ния и национальной идеологии в австрийской историографии	173-191
Избранная библиография.		
	(Сост. А. Миллер)	192-195